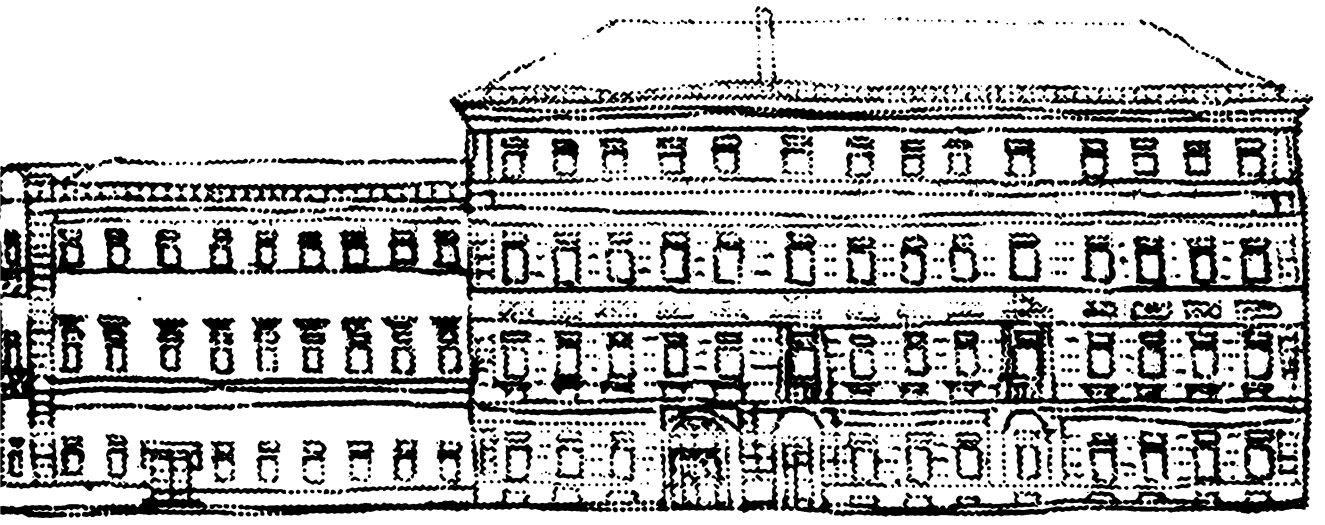
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

13

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

13

HUNGARO – RUSSICA III:
История и культура Евразийской степи

3-й сборник статей
российских и венгерских востоковедов

Москва
ИВ РАН
2008

ББК 78.37
Б98

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Б.В. Базаров, Д.Д. Васильев,
Р.Б. Рыбаков (председатель),
А.А. Столяров (секретарь)

Б98 **Бюллетень Общества востоковедов. — Вып. 13: HUNGARO – RUSSICA III: История и культура Евразийской степи**. 3-й сборник статей российских и венгерских востоковедов. — М.: Институт востоковедения РАН, 2008. — 173 с.

ISBN 978-5-89282-359-3

Ответственный редактор: Д.Д. Васильев

Составитель: Д.Д. Васильев

В 13 выпуск Бюллетеня включены статьи венгерских и российских востоковедов, присланные в период после проведения VI Международной конференции "Исторические источники Евроазиатских и Североафриканских цивилизаций" (Республика Адыгея, Майкоп, 3 – 6 октября 2005).

ББК 78.37
Б98

ISBN 978-5-89282-359-3

© Институт востоковедения РАН, 2008
© Общество востоковедов РАН, 2008

Содержание

HUNGARO – RUSSICA III: 5
История и культура Евразийской степи
3-й сборник статей российских и венгерских востоковедов

Горелик М.В. 8
Парадные кабарские клинки

Никитин. А.Н. 26
Каганат и ханства: распределение прерогатив всеобщих государей между чингизидами в XIII-XIV вв.

Фодор И. 37
Древние венгры и Северный Кавказ

D.A. Stashenkov, M.A. Turetsky 53
New Madjar site on the Middle Volga

Vladimir A. Dmitriev 68
The Change of Spacemeaning during Transition from Nomadic's Living Style to Settled's Living Style

Yu. Guguev 79
A Cuman Funeral Structure with a Wooden Statue on the Southern Bank of the Manych River

Sergey G. Klyashtorniy 89
The Oguzs of the Central Asia and the Guzs of the Aral Region

V.I. Matushenko 92
The Sargatka Antiquites of Omsk-Irtysh Area in Culture System of Early Iron Age of West Siberia Forest-Steppe

S.N. Savenko 102
Early Medieval Hors-Hide Burials: evidence for Turkic-Ugrian presence in the Kislovodsk Area

J.A. Sher. 124
Some Semantic Parallels in the Ancient Art of East and West Eurasia

D.D.Vassilieff. 136
Türkische Runeninschriften auf den Chinesischen Metallspiegeln aus Minussinsk Museum

Васильев. А.Д. 150
Рец. на кн.: "Chronica": Annual of the Institute of History – Szeged: University of Szeged, 2005. – Vol. 5.

In Memoria 155
Геза Фехер (1917-2005)
(Авт. Фодор И., Васильев Д.)

HUNGARO – RUSSICA III.
История и культура Евразийской степи
3-й Сборник статей
Российских и венгерских востоковедов

Третий выпуск сборника «Hungaro-Russica» продолжает тему, традиционную для востоковедения обеих стран – «История и культура народов Сибири и Евразийского пояса степей». Эта тема нашла свое отражение и в обновленном плане международного научного сотрудничества Венгерской и Российской Академий наук, утвержденном до 2010 г. Часть статей этого выпуска составили материалы совместного российско-венгерского симпозиума, состоявшегося в замке Кестхеи на озере Балатон, в рамках научной программы российской этно-археологической выставки «Восточные источники культуры древних венгров». Выставка была подготовлена и проведена Обществом востоковедов РАН в 1994 г. по заказу Национального музея Венгрии и экспонировалась в венгерских музеях Будапешта, Кестхеи, Ньиредьхаза, Солнока под названием «Oseink és Rokonaink» - «Наши предки и сородичи». На выставке были представлены материалы из российских музеев: Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, Омского краеведческого музея, Археологического музея города Булгар (Татарстан), Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозерителева и Г.К. Праве, Российского этнографического музея (С.Петербург), Лаборатории антропологической реконструкции им. М.М.Герасимова ИАЭ РАН, Кафедры археологии Уральского Государственного университета (Екатеринбург), Фотоархива ИИМК РАН, Музея Казанского Государственного университета, Институтов языка, литературы и истории Республик Коми и Удмуртии. Представленные на симпозиуме доклады были связаны с археологическими находками и

историей материальной и духовной культуры угро-финских, тюркских и иранских народов средневековой Евразии, были прочитаны собственно авторами находок и поэтому сохранили свою научную ценность, отражая начальный период исследования этих материалов.

В сборник включена статья венгерского историка И. Фодора, которая была представлена в качестве доклада на VI Международной востоковедческой конференции «Исторические источники Евроазиатских и североафриканских цивилизаций», которую Общество востоковедов РАН провело совместно с ИВ РАН, РГГУ и Адыгейским гос. университетом в Майкопе в 2005 г.

В статьях, посвященных сравнительным исследованием оружия раннесредневековых кочевников, отслеживаются военные, торговые и культурные связи между народами Восточной Европы и Центральной Азии и предлагаются гипотетические пути распространения ремесленных традиций и этнических миграций в евразийском ареале.

В сборник вошли также отдельные статьи исторического характера, которые объединяет тема политических, военных и экономических отношений с участием венгров, монголов, русских, народов Средней Азии и Кавказа.

Традиционно в очередном выпуске публикуется обзор периодического исторического издания Сегедского университета, журнала «Хроника».

Научное сотрудничество венгерских и российских востоковедов имеет долгосрочную перспективу. Начатая по инициативе венгерских востоковедов в Сегедского университет конференция «Источники по истории кочевников Евразии» в 2004 г., где основную группу участников составили российские ученые, имела продолжение в 2007 г. в венгерском городе Ясберень, где свои доклады представили ученые из Москвы, С. Петербурга, Казани, Бурятии. В 2008 г. Венгерские учёные приняли участие в Международной конференции «Архивное востоковедение», подготовленной Совместно Обществом вос-

токоведов РАН, Институтом востоковедения РАН и Архивом РАН. В августе 2008 г. Венгерский представитель был приглашён Общество востоковедов РАН для участия в полевом семинаре в Туве на месте раскопок древнеуйгурской крепости Пор-Бажын. В 2009 г. венгерскими коллегами предполагается продолжить конференции «Источники по истории кочевников Евразии» и собрать её на этот раз в Мишкольце. Российскими востоковедами получены приглашения для участия.

Все эти совместные научные мероприятия дают основание для того, чтобы продолжить издание выпусков Бюллетеня ОВ РАН «Hungaro-Russica».

Горелик М.В.

Клинковое оружие кабарской традиции

Семь лет назад нами была опубликована статья, где был поставлен вопрос о принадлежности замечательного памятника раннесредневекового оружейного искусства – коронационной инсигнии императоров Священной Римской империи, хранящегося в Художественно-историческом музее Вены – «сабли Карла Великого» (она же «меч Аттиллы») оружейному мастерству киевских кабар, которое, будучи пересаженным в Прикубанье, дало новую линию развития в виде клинков из могильника Колосовка 1 под Майкопом[1]. Тогда же автор ставил более широко проблему кабарской культуры, кабаро-венгерских и кабаро-руских взаимосвязей[2], уточнял племенной состав кабар[3]. За прошедшее после этого время накопился достаточно большой новый материал по предметам вооружения, у автора этих строк накопились соображения, которые, вкупе с уже опубликованными, могут расширить наше представление о кабарской воинской и художественной культуре, ее истоках и линиях развития.

Уникальная по своему первозданному состоянию, «сабля Карла Великого» (Рис.1, *1а*) представляет собой по формам типичный продукт венгерского оружейного мастерства, хорошо известного по множеству археологических памятников древних венгров X в. на территории Венгрии и Словакии, а также по ряду древневенгерских памятников 9 в. из Башкирии, Татарстана и Украины. Типично венгерским является и чеканный декор золотых, золоченого серебра и золоченой меди об-

кладок рукояти и наконечника ножен (Рис.1, *1а 1б, 1д*). Все это давно привело ученых к убеждению в том, что «сабля Карла Великого» никакого отношения в этому королю франков не имеет, а столь высокое значение для Империи получила в результате того, что была, по предположению, трофеем победной для германцев битвы с венграми на Лехфельде под Регенсбургом в 955 г., после чего венгры прекратили свои сокрушительные набеги на Империю.

В 1965 г. советский археолог А.Н. Кирпичников, справедливо усмотрев в некоторых элементах декора ножен сабли невенгерские черты, объявил их русскими, а саму саблю – продуктом оружейного ремесла Киева или иного восточноевропейского центра не ранее 950 г.[4]

В 1996 г. венгерский исследователь И. Фодор привёл убедительную гипотезу о том, как наш объект попал в Германию из Венгрии[5]. Он предположил, что она была привезена в Венгрию из Киева, где она была изготовлена в нач.10 в. для венгерского предводителя, в составе приданого киевской княжны Анастасии, ставшей женой короля Венгрии Эндре 1; саблю же она в 1073 г. подарила баварскому герцогу Отто фон Нордхайму, бывшему главнокомандующим войсками Империи, за поддержку в возведении на трон ее сына Соломона. Вместе с тем, И. Фодор предложил и более позднюю датировку сабли – кон. X – нач. XI вв.

Тем не менее, сабля имеет в своих формах признак, сближающий ее с редкими экземплярами хазарских клинков – крайне длинную елмань (расширение клинка от его конца и выше), занимающую более двух третей длины всего клинка. Такую, даже еще более длинную елмань (при том, что елмани – наряду с другими яркими признаками – вообще характерны и для венгерских, и для хазарских-салтовских клинков) размером в 4/5 длины клинка можно видеть на полностью сохранившемся, но ныне утерянном палаше из окрестностей Майкопа (Рис.2, *1*) [6]. О его принадлежности хазарскому оружейному комплексу говорят и общая форма, и такие детали, как форма и декор пе-

рекрестия, и особенно клеймо в виде двух параллельных линий с точками на концах; таким клеймом мечены многие предметы вооружения салтовской – хазарской культуры 9 – 1 пол. 10 вв. – клинки сабель и палашей, боевых ножей, наконечники копий. Основная область находок оружия с таким клеймом – Нижнее Прикубанье, но часты они и в Нижнем Подонье. К хазарским признакам можно отнести и гравированных на золоченых медных полосах. наваренных на клинке, «волкозмеев» (Рис.1, *1а, 1в)* , восходящих к гиппокампам, столь любимым в Средней Азии со времен Греко-Бактрии и до раннего Средневековья. Но на сабле фантастические звери воспроизведены в совершенно венгерском стиле, да еще сочетани с чисто венгерскими растительными мотивами. А вот совсем невенгерскими являются плетёнки, вычеканенные на полукруглых выступах для крепления к портупее м примыкающих к ним участках ножен (Рис.1, *1б, 1г*). Эти плетёнки – воспроизведение типично скандинавского декора «стиля Борре», господствовавшего в тамошнем прикладном искусстве в кон. IX – X вв. и разнесённого викингами по всей Европе. Тем не менее, чтобы такие плетенки могли быть нанесенными на столь крайне дорогую вещь, как ножны венской сабли, в сочетании с типично венгерскими её чертами и «интимно»-хазарскими, необходимы были условия, где в одном месте тесно, глубоко понимая и ценя эстетические вкусы друг друга, проживали представители всех трёх культур – венгерской, хазарской и скандинавской, да ещё имея в своей среде полностью усвоивших все эти вкусы и искуснейших мастеров, и – главное – очень богатых и знатных заказчиков.

Таким местом мог быть именно Киев (или, в меньшей степени, Чернигов) кон. IX – X вв. Но во 2 пол. IX – 1 пол. X вв. это был вовсе не тот Киев, который имел в виду А.Н. Кирпичников, предложивший его в качестве места изготовления венской сабли.

Согласно нашей гипотезе, основанной на древней топонимике Киева и знаменитом письме киевских иудеев нач. X в. из Каирской генизы,[7] ситуация с Киевом в IX - 1 пол. X вв. об-

стояла следующим образом. Кочевники Восточной Европы не нуждались в продукции оседлых земледельцев, так как сами могли получать необходимые им продукты земледелия. Они получали зерно, сея просо весной в определенных местах своего кочевого маршрута, и пожиная его осенью, возвращаясь к своим посевам. Дикий лук и чеснок, щавель им поставляла плодородная степная земля. Зато кочевники, особенно их высшие слои, остро нуждались в продукции высокого городского ремесла: дорогих тканях, посуде, оружии, украшениях, лекарствах, парфюмерии, а также винах, орехах и сухофруктах. Всё это можно было получить только у купцов из Византии и мусульманских стран. Но этим купцам не нужны были произведения кочевого хозяйства, за исключением некоторого количества кожи, а также войлока и ковров. Зато ои были крайне необходимы товары, которые поставляли жители бескрайних лесов северной половины Восточной Европы – меха, мед, воск, лекарственное и парфюмерное сырье, моржовый клык, и, наконец, рабы. Чтобы получить нужное у купцов с юга, кочевники должны были получить с лесовиков нужное этим купцам. Для чего следовало продемонстрировать свою силу лесовикам, чтобы получать потребное от них в виде данb; надо было создать пункт сбора дани – рядом с транспортным путем для переправки дани на юг, где в портах произвести желанный обмен. Все это было проделано, вероятно, в 1 трети 9 в.: установлены даннические отношения со славянскими племенами Среднего Поднепровья и Поочья – полянами, северянами, радимичами и вятичами; основан центр сбора дани на Днепре, принадлежавшем хазарам, как и Дон; в их руках были черноморские порты Сугдак (Судак), Керц (Керчь) и Самкерц (Тамань). Но тут - вероятно, в 30-х гг. IX в.- грянула гражданская война, политическая на религиозной почве. Повстанцы – кабары (м.б. от тюрк. «сборище», «партия» - см. Кубрат –«собиратель»), в состав которых вошли части племен тюрк. савир и эскэл[8] вместе с подвластными аланами и болгарами, проиграли и сосредоточились в северо-западной части каганата –от низовий Дона, где была

отстроена крепость Саркел, охранявшая от кабар брод через Дон, до северского центра в районе Чернигова. Практически в это же время в степи северного Причерноморья приходят венгры, разделившие хазар и кабар, объединившиеся с последними, но не враждебные первым. Так хазарский центр на Днепре оказался кабарским. Его ядром была крепость, известная под двумя названиями – священным иудейским Шаббат (тюрк. огласовка Шамбат, греч. Огласовка из тюркской Самватас)и профанным тюркским Манкермен или Манкерц. Гора, на которой она стояла,получила священные иудейские названия Хорив(ныне Хоривица) и Голгофа (ныне славянская калька Лысая). Одна из речек - притоков Днепра получила от поселившихся здесь венгров название, ныне звучащее как Лыбедь. От ниж местные славяне назвали один из оврагов Угорским яром. Кабары жили кучно: позднее славяне назвали это место Копырев конец. Позднее стали приезжать и селиться и имперские хазары. Урочище, где было место их поселения, получило название Козаре – от еврейского Козраим. Торгово-ремесленный поселок-посад под горой у реки, образовавшийся при крепости Шаббат-Манкермен, естествен,о получил от тюркоязычных хазар название Кый – тюркск.«поселок», «пригород» (вероятно, именно это место ныне зовется Подолом). В начале 60-х гг. сюда причаливают корабли скандинавских хёвдингов (предводителей) Хаскёльда (Аскольда) и Тюра (Дира), посланных (или ушедших своей волей) пришедшим из Ютландии конунгом Рёреком (Рюриком), обосновавшимся в Приладожье по приглашению местных племен – словен, кривичей и чуди (эстов). Хёвдинги плыли разведать путь до Миклагарда (Константинополя) – заветно цели северян. А Кый стоял точно на полпути, и здесь можно было отдохнуть, починить корабли, запасти пищу и, главное, получить товар для торговли в Византии. А для кабар викинги-русы также были желанны – ведь только их воины на кораблях могли через враждебную Хазарскую империю беспрепятственно провезти лесные товары на юг и привезти оттуда вожделенные изделия Византии и стран ислама. Так на

днепровских кручах появилась русь. Она осела на одной из гор (ныне Старокиевская), и новый поселок – пригород Кыя, получил название в славянском оформлении – Кыев. Позже, когда при захватившем здесь власть норвежском ярле Хельги (князе Олеге), дяде по матери сына Рюрика – Ингвери (Игоре) и его регенте русь вместе с прибывающими с севера словенами, кривичами и чудью стала преобладать количественно, а особенно после ухода большинства кабар с венграми на запад – для «обретения родины», Кыев постепенно включил в себя старые части образовавшегося города. При этом можно не сомневаться, что часть кабар и венгров, включая представителей их знати, осталась в новом государстве –Руси. Вот в таком Киеве и могла появится «сабля Карла Великого». Именно в таком Киеве в погребении боярина (тюркск. бойлар) кабарско-венгерская сабля могла покоиться ножнах со скандинавским серебряным наконечником[9] (Рис.1, *3*).Характерно при этом, что оба автора – первый по причине тогдашней борьбы с норманизмом, второй – не желая конфликтовать с начальником-антинорманистом Б.А. Рыбаковым, и словом не упоминают, что наконечник ножен – чисто скандинавский, кон. IX – X вв. Зато найденный в шиферном саркофаге в развалинах Десятинной церкви, в котором был захоронен кто-то из первых князей – христиан (или перезахоронен кто-то из князей - язычников) палаш или сабля был с безопасностью (и верно) определен А.Н. Кирпичниковым как венгерский (Рис.1, *2*) – по узорам на медных золочёных полосах, приваренных к клинку с обеих сторон. Правда, он не осмелился отметить, что клинок согнут по хазарскому обычаю.

Мультикультурная кабарская традиция отразилась не только в сабле из Вены и в киевских находках. Её ярким образцом является сабля из курганного могильника у Гочева Курской обл. (Рис.2, *2*) с бронзовой – по хазаро-кабарской традиции – фурнитурой[10] Она имеет классическое хазаро-венгерское навершие грушевидной формы с типичным более для хазар темлячным кольцом, столь же типичное перекрестие с ромбическим огнивом и шариками на концах, украшенное венгерска-

им побегом, и фигурную обойму низа ручки. Узор на ней являет смесь хазарско-венгерского побега с пальметтой со скандинавской плетенкой. Получившийся мотив стал завершенной композицией и очень устойчивым орнаментальным мотивом, причем в точности повторяющим популярнейший мотив китайской торевтики эпохи Тан, распространившийся на запад.

Не менее ярким примером успешности кабарского стиля является палаш, найденный в Туве, в могильнике Эйлиг-Хем, в курганном погребении кыргызского воина Багыра[11]. Его признаки: Прямой клинок с елманью встречается только в хазарских и, значительно реже, в венгерских древностях IX-X вв. Обойма на клинке под перекрестием с фигурно вырезанным языком – как на северокавказских клинках салтовской культуры. Манера украшать клинок вдоль обуха характерна только для рассматриваемой нами группы клинков. Узор побега с пальметтой характерен как для венгерской торевтики, так и для лент, обрамляющих буддийские иконы IX-X вв. уйгурско – дуньхуанского круга. Округлое навершие с темлячным кольцом, короткое перекрестие с огнивом в виде граненого ромба и шариками на чуть отогнутых вниз концах, нижняя обойма ручки, увенчанная пальметткой – все это типичные признаки сабель и палашей салтовской культуры Хазарии и Кабарии IX-X вв. Арабская надпись «Помощь от Аллаха и близкая победа» (излюбленный эпиграфический текст мусульманских клинков вплоть до XIX в.), выполненная куфическим дуктом IX-X вв., говорит о том, что либо изготовитель, либо заказчик и первый владелец клинка, либо оба были мусульманами.

Это также ведёт нас в хазаро-кабарскую среду, так как мусульмане были и в среде «имперских» хазар, и среди кабар. Более того. Именно в Киеве трудился мастер-мусульманин (согласно прочитанной Б.И. Маршаком арабской куфической надписи на литейной формочке из местного, овручского, шифера, раскопанной на киевском Подоле – месте, по нашей гипотезе, расположения посада под названием Кый – в слоях I пол. X в.) из хазаро-кабарского племени тюрк, отливавший бляшки для

поясов степного типа[12]. Таким образом. перед нами продукт ремесла Кабарии, свидетельство престижности и популярности продукции кабарских мастеров. Ведь не случайно Багыр, перед которым был прекрасный выбор: кыргызские, кимакские (Рис. 4, *3 – 6*), восточнотуркестанские, среднеазиатске и китайские клинки – выбрал именно его.

Следующим этапом развития кабарской клинковой традиции можно считать группу богато украшенных сабель и палашей, раскопанных в курганных могильниках у с. Колосовка в Адыгее[13]. Основной и самый нарядный их тип – «львиные» сабли (Рис. 3, *1, 2*). Еще при первых публикациях специалисты отметили схожесть колосовских «львиных» сабель с саблей из Вены. В принзипе, оригинальна уколосовских сабель лишь одна деталь – фигурная узорная накладка на вогнутую сторону ручки. Это в нее превратились, слившись и уплощившись, выпуклые накладки – разделители пальцев, характерные для евразийских сабель IX в.(Рис. 4, *3,4,6*). Что же касается львов, чьи изображения покрывают навершие, перекрестие обоймы и портупейные выступы ножен, то они выполнены в уже знакомом нам по сабле из Вены скандинавском «стиле Борре». При этом сопоставленные туловищами фигуры на выступах мастер явно скопировал с какого-то восточного образца, типа несколько более старшего кимакского меча из Сросток на Алтае(Рис.4, *3*). О том, что заимствование шло с востока, а не наоборот, говорит старая, еще с 7 в. западносибирская традиция украшения портупейных выступов сопоставленными фигурами животных и птиц (Рис.4, *1,2*). Кошачьи же хищники сросткинского меча совершенно отличаются от скандинавских львов колосовских клинков, и полностью лежат в традиции кимакского искусства, связанного с искусством Китая и Согда.

Не только «львиные» клинки несут соединение киевских стилей. На фурнитуре не «львиного» палаша (Рис.3, *3*) мы видим сочетание чисто венгерского узора на навершии, аланских птиц и зверей на перекрестии и накладке на ножны – и порту-

пейных выступов, повторяющих формой и звериными головками на концах скандинавские фибулы «стиля Борре».

Все эти особенности колосовских сабель говорят о том, что здесь, в Прикубанье, обосновался род знатного киевского кабарина со своей оружейной мастерской. Её стиль сложился в Киеве, в хазаро(кабаро)-венгро-скандинавской культурной среде. Мастерская активно работала, снабжая своих прямых хозяев и их вассалов – верхи местного адыгского общества, парадными саблями и палашами, роскошь отделки которых соизмерялась с рангом получателя. Дата колосовских сабель зависит от времени возможного переселения хозяина мастерской из Киева. Знатный кабарин мог осесть здесь, на границах будущего Тьмутараканского княжества, во второй половине X в., после побед Святослава Игоревича над хазарами и касогами в 965г., либо после войны Владимира Святославича в Крыму в 988 г., окончившейся взятием Херсонеса. При этом все штампы со львами и элементами их изображений, образцы венгерских узоров мастера привезли с собой из Киева, где они были изготовлены на протяжении конца IX - 1 пол. X вв.. Так что дата сабель и палашей из Колосовки может варьироваться на протяжении всего X в. и даже начала XI в.

Боковой ветвью рассматриваемой мастерской можно считать гарнитур, состоящий из боевого ножа и палаша, случайно найденный в Пятигорье (Рис. 5, 6). Форма и материал их литых из бронзы перекрестий прямо восходит к колосовской мастерской. Но чеканенный на серебряной фурнитуре рукояти ножа узор плетенки связан с искусством Византии, тогда как узор бутероли являет упрощенный, уже изживаемый хазаро-венгерский узор. Гораздо сложней ситуация с декором палаша. Здесь мы видим отчеканенные на золоченых бронзовых оковках с выступами пар сопоставленных козлов по сторонам «древа жизни», похожего на пальму, и собаку или волка меж роговидных завитков на бутероли. Как и плётенки из полос с жемчудинами на отделке колосовских клинков, сотивы золоченых оковок палаша могут восходить к мотивам раннеаббасидского

рельефа, представленного настенными панно Самарры (IX в.) в Ираке. Тогда как серебряные лев и пальметты га серебряных оковках прямо воспроизводят костяную резьбу византийской периферии X – XI вв., в частности, херсонесскую. При этом очевидно, что все оковки вычеканены если не одной рукой, то явно в одной мастерской. Византийскими выглядят и сканые канты портупейных выступов, и украшение их цветными вставками в сканых кастах.

Можно предположить, что гарнитур создавался несколькими мастерами, связанными с кабарской мастерской, но ее покинувшими и усвоившими чуждые приемы. Не исключено, что перед нами продукция Тьмутаракани, сделанная на рубеже X – XI вв. по заказу для очень знатного представителя местной прикубанской знати, скорее всего, касожского князя.

В это же время «колосовская» мастерская» продолжает активно работать. Именно с ней, с новым поколением мастеров – внуками, если не правнуками авторов сабли из Вены, стоит связывать производство роскошных сабель, развивающих орнаментальные традиции «львиных» сабель, найденных в аланских катакомбах Пятигорья (Кольцо-Гора) (Рис. 7, *1, 2*)[14] и у станицы Змейской в Осетии (Рис. 7, *3, 4*)[15].

К несчастью, памятники археологии территории всего Прикубанья подвергаются последние годы усиленному разграблению. Некоторые находки попадают в солидные зарубежные собрания и публикуются. Иногда случайно удается отследить ряд находокхотя бы по изображениям. Иногда удаётся узнать место их находки. Так, случайно выяснилось, что некоторое время назад у станицы Баракаевской в Краснодарском крае был раскопан могильник, где располагались погребения – иногда в три слоя – салтовские, колосовские и змейские, содержавшие сабли, палаши, шлемы, кольчуги, пояса, колчаны, копья, топоры, боевые и метательные ножи. Таким образом, можно думать о том, что перед нами – три стадии одной культуры – хазарской и постхазарских стадий.

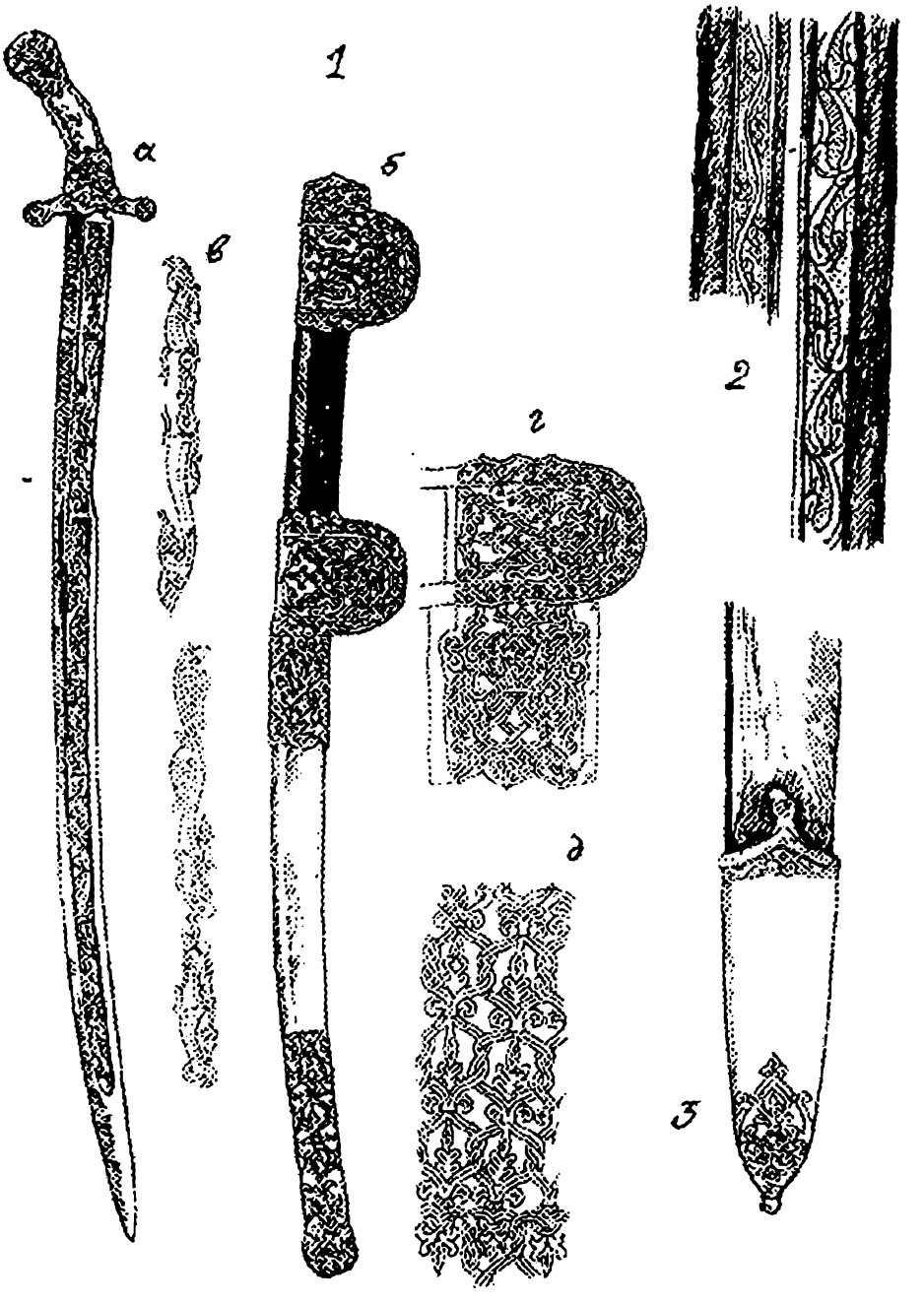

РИС. 1.

1 – сабля – коронационная инсигния императоров Священной Римской империи. Киев, кон. IX – нач. X вв. Вена, Художественно-исторический музей; 2 – золоченые гравированные накладки венгерской работы на сабельном клинке кон. IX – X вв. из каменного саркофага нач. XI в., в Киеве; 3 – кабарский или венгерский сабельный клинок с наконечником ножен скандинавской работы. X в. Из боярской или княжеской гробницы 1 пол. XI в.

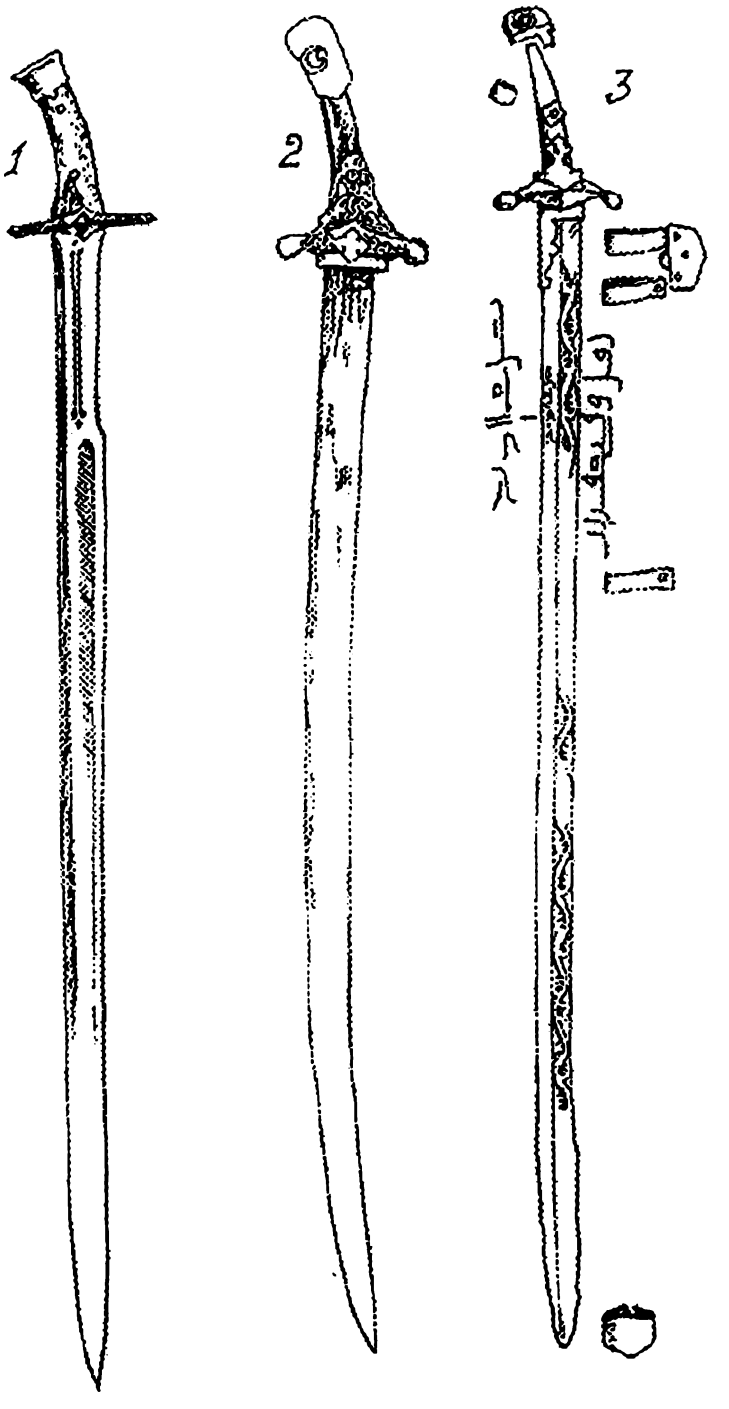

РИС. 2.

1 - хазарский палаш из р-на Майкопа, 9в. (по Захарову и Арендту); 2 – кабарская сабля из Гочевского могильника, Курская губерния, X в.; 3 – кабарская сабля или палаш кон. IX – нач. X вв. из погребения X в. кыргызского воина Багыра. Могильник Эйлиг-Хем-111, курган 2. Тува.

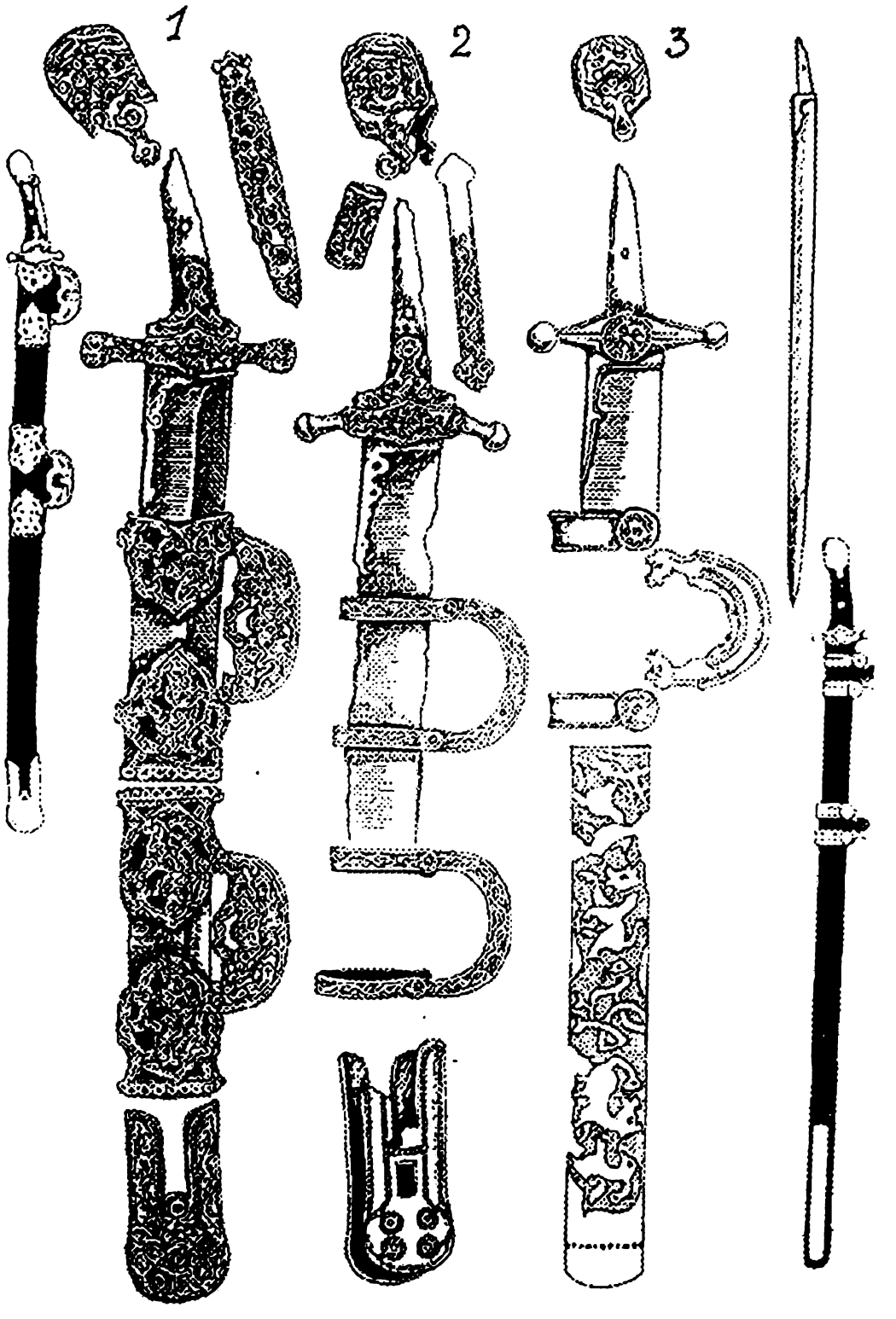

РИС. 3.
Кабарские сабли и палаш из могильника Колосовка 1, Адыгея, серед. X в. Майкопский краеведческий музей

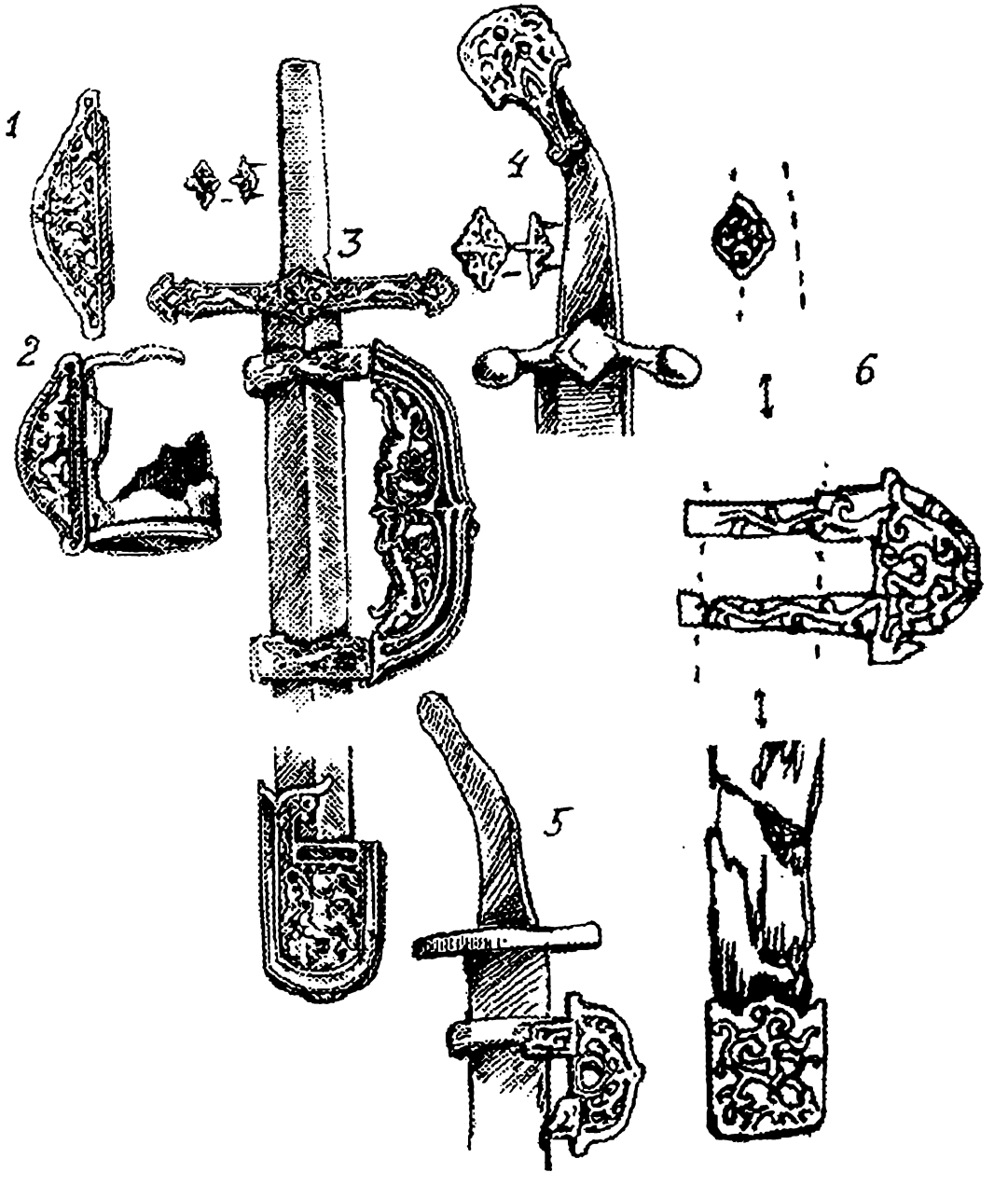

РИС. 4.

1 – скоба ножен для подвески к портупее, могильник Умна-2, Западная Сибирь, VII в.; 2- скоба из могильника Релка, Западная Сибирь, VII в.; 3 – кимакский меч с фурнитурой из могильника Сростки, Алтай, IX-X вв.; 4 – венгерско-кимакская сабля IX-X вв. из погр.4, Житимакские курганы, Башкирия; 5 – кимакская сабля IX-X вв. из погр. 3 кургана 2, Муракаевские курганы, Башкирия; 6 – кимакская сабля IX-X вв. из погр. в объекте 3, могильник Акчий 111, Верхнее Прииртышье, Казахстан.

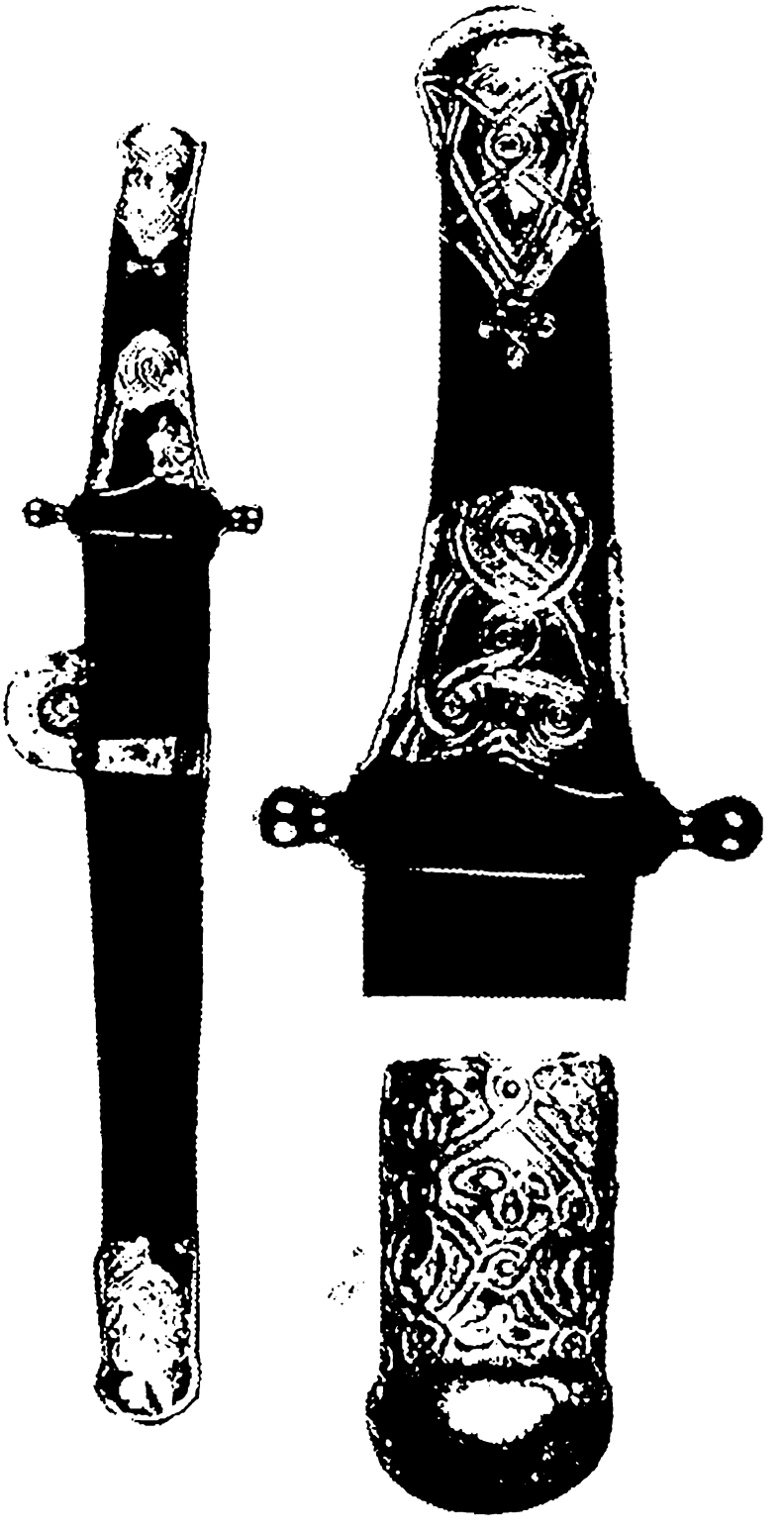

РИС. 5.
Боевой нож с серебряной фурнитурой и бронзовым перекрестием. X в. Северное Предкавказье, случайная находка. Частн. собр.

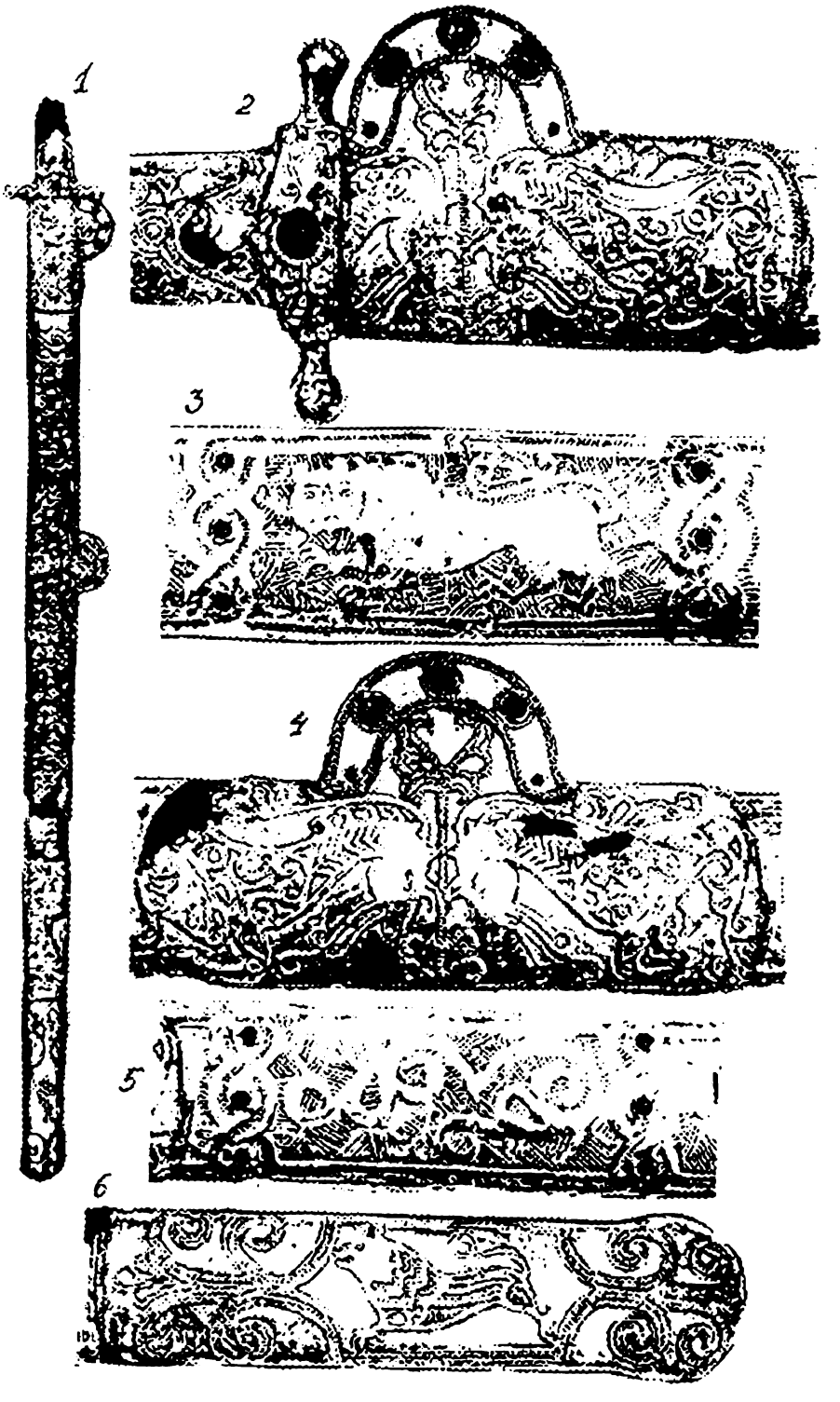

РИС. 6.
Палаш (1) с отделкой золоченой бронзой (2, 4, 6) и серебром (3, 5).
X в. Северное Предкавказье. случайная находка. Частн. собр.

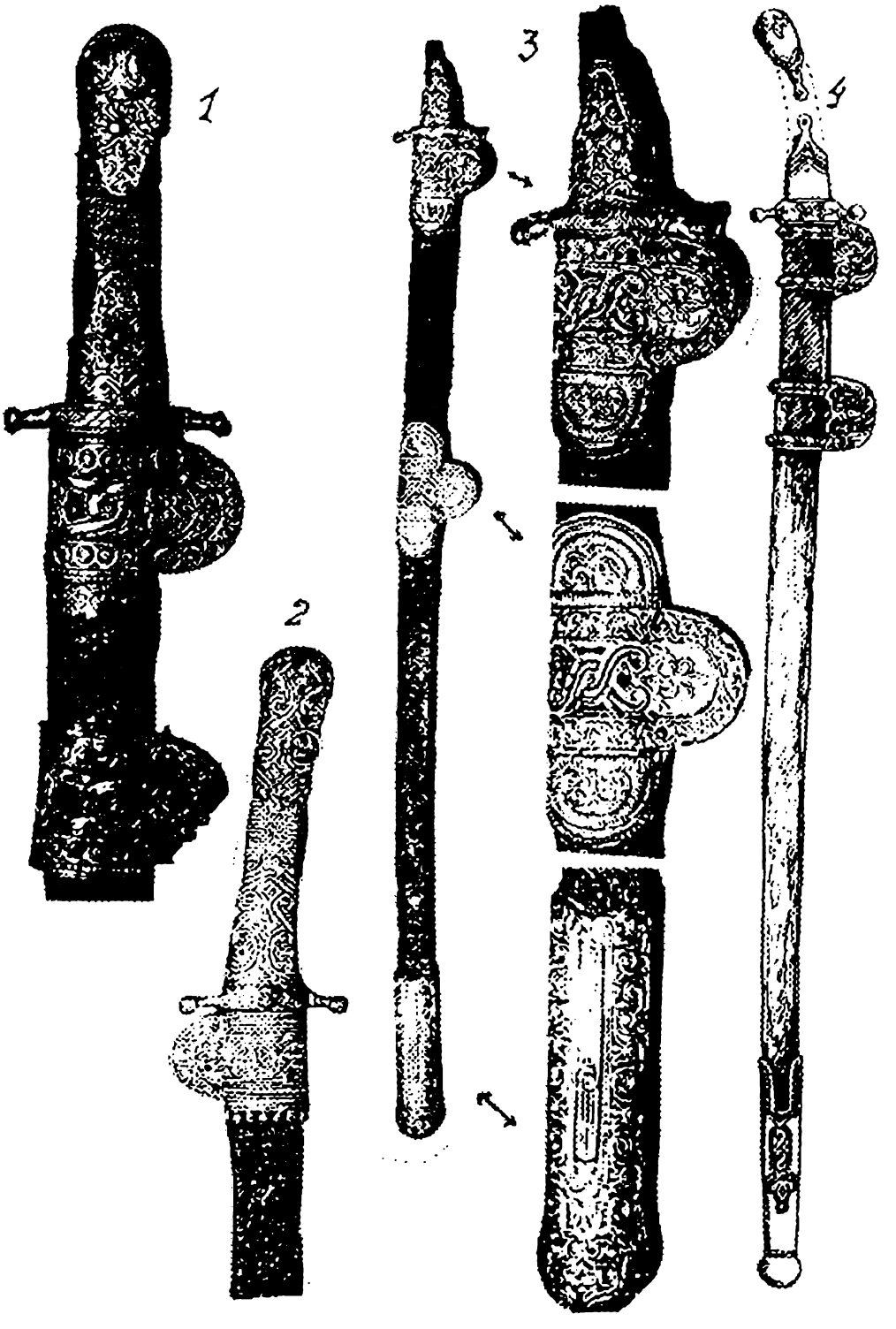

РИС. 7.

Сабли (1, 2 – могильник у Кольцо-Горы, Пятигорье; Кисловодский краеведческий муз.; 3, 4 – могильник у станицы Змейской, Осетия) в отделке из золочёной бронзы, рубеж X - XI вв.

[1] **Горелик М.В.** Парадные кабарские клинки // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. - М., 2001. – Вып. 2.*

[2] **Горелик М.В.** Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). – Самара, 2001.*

[3] **Горелик М.В.** Три племени кабар // *Бюллетень общества востоковедов. – М., 2002. – Вып. 9: HUNGARO – ROSSICA.*

[4] **Кирпичников А.Н.** Так называемая сабля Карла Великого. // *СА. – М., 1965. – №2*

[5] The Ancient Hungarians: Exhibition Catalogue / Ed. I. Fodor. – Budapest, 1996. – P. 68-71.

[6] **Zakharov A., Arendt W.** Studius Levedica: Archaeologische Beitrag zur Geschichte des Altertums im IX Jh. // *Archaeologia Hungarica. – Budapest, 1934 abb. – Ser. 5. – Vol. 16.* – S. 24, 25.

[7] **Голб Н., Прицак О.** Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесловие и комм. Петрухин В.Я. – М.-Иерусалим, 1997.

[8] См. **Горелик М.В.** Три племени кабар

[9] **Каргер М.К.** Археологические исследования древнего Киева: Отчеты и материалы (1938 – 1947 гг.). Киев, 1950. С. 101-103, 104; **Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие // САИ - Е1-36. – М.-Л., 1966. – Вып. 1. Мечи и сабли IX – XIII вв. – С. 65

[10] **Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие. – С. 92, № 2.

[11] **Грач А.Д., Савинов Г.Д., Длужневская Г.В.** Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – М., 1998. – С. 26-28

[12] **Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю.** О ремесленном производстве на киевском Подоле // *СА. – М., 1980. – № 2.* – С. 204-211, рис. 2; 3; 5; 6

[13] **Дитлер П.А.** Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // *Сб. материалов по археологии Адыгеи. – Майкоп, 1961. – Т. 2.* – Табл. XIV, XVII-XIX; **Горелик М.В.** Парадные кабарские клинки. – Рис. 2; L'Art des chevaliers en pays L'Islam. Collection de la Furusiyya Foundation. – Milan, 2007. – H. 30-31, 33, 34

[14] **Савенко С.Н.** Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора. 1986

[15] **Кузнецов В.А.** Змейский катакомбный могильник XI-XII вв. (по раскопкам 1957 г.) // *Археологические раскопки в районе Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1961.*

Никитин А.Н.

Каганат и ханства: распределение прерогатив всеобщих государей между Чингизидами в XIII – XIV вв.

С начала XIII столетия и до разрушения общечингизидской системы власти в 30-е – 60-е гг. XIV в. большая часть Евразийского материка была собственностью монгольского ханского дома. Важнейшим фактором политической истории Старого Света являлся в этих условиях раздел наследства Чингизхана между его потомками. Неотъемлемой частью достояния завоевателя мира являлись титулы верховного властителя – *каан* и *хан*. Изучению процесса формирования общечингизидской системы ханств во главе с Хубилаем Сечен-кааном (1260-94 гг.) и его преемниками и посвящена данная статья.

В историографии распространена точка зрения, согласно которой интересующая нас имперская структура существовала со времён Чингис-каана. Этого мнения придерживается, например, известный специалист-монголовед Т.Д. Скрынникова[1]. Её точка зрения базируется на изучении сообщений «Джами' ат-таварих» («Сборника летописей») (1304-05 гг.) Рашид-ад-дина (1247-1318 гг.), визиря братьев султана Махмуда Газанхана (1295-1304 гг.) и султана Мухаммеда Олджейту Худабандэ-хана (1304-16 гг.).

Действительно, согласно «Сборнику летописей», сыновья завоевателя мира и его старшей жены Бортэ-фуджин, Джу-

чи, Чагатай, Угэдэй и Толуй, были ханами ещё при жизни отца. Впоследствии данную прерогативу унаследовали их потомки[2].

В то же время, анализируя сообщения «Джами' аттаварих», следует помнить, что «Сборник летописей» Рашид-ад-дина представляет собой памятник эпохи «четырёх улусов», улусов каана, Хулагу, Джучи, Угэдэидов и Чагатаидов. В письменных источниках, датируемых временами единой Монгольской империи (1206-60 гг.), вырисовывается принципиально иная организация рода всеобщих государей.

В монгольской летописи 1240 г. «Юань-чао би-ши» («Сокровенное сказание монголов») мировое государство времён Угэдэй-каана (1228 / 1229 – 1241 гг.) разделено на Правую руку (*Baraun Qar*) во главе с Чаадаем и Бату, Левую руку (*Jaoun Qar*) во главе с Отчигин-нойоном (Темуге-отчигином), младшим братом Чингиз-хана, и племянниками завоевателя мира и Центр (*Qol*), возглавлявшийся сначала Толуем, а, затем, дочерьми (*okit*) и зятьями (*kureket, kuriket*) представителей царственного дома[3]. *Все* мужчины из дома Есугей-багатура, отца Чингиз-хана, подчинённые каану, именуются «сыновьями» (*Kout*), «старшими и младшими братьями» (*Aqa – Deu, Aqanar Deuner*). Их статус внутри правящего клана определяется семейным положением (старший, младший брат, дядя по отцу – *abaga*), выполнением управленческих и военных функций (старший из «сыновей» – *Koudun aqa*, старший человек – *aqa kuun*)[4]. *Представители рода завоевателя мира, оставшиеся местными правителями, Джучи, Бату, Чагатай, Толуй, никогда не именуются ханами.*

В «Юань-чао би-ши» ханский титул является у монголов прерогативой каана. О взаимозаменяемости этих *нере** свидетельствуют формулировки: «*Cinkis-qaqan keen nereitcu, qan bolqaba*»[5] – «назвав Чингис-кааном, сделали ханом»; «*Cinkis-qaqan-na qan nere tende okba*»[6] – «дали Чингис-каану титул хан»; «*Cinkis-qaqan, qan bolju...*»[7] – «Став ханом, Чингис-каган...»[8]; «*Okodai-qagan-ni qan orkuba. Caadai aqa Okodai-*

* Старомонгольское слово, обозначающее имя, звание, титул.

qagan-ni deuyueen qan erkuju...»[9] – «возвели Окодая (Окодай-каана – А.Н.) в ханы. Старший брат Чаадай возвёл в ханы младшего брата Окодай-кагана»[10].

Сходная ситуация имеет место и в «Истории завоевателя мира» («Тарих-и-джехангушай»)[11] (1259-60 гг.) Ала-ад-дина Ата Малика Джувейни, багдадского наместника Хулагу, сына Толуя и повелителя юго-западной части владений дома Чингиз-хана (1256-65 гг.) с центром в Иране. Когда Чингизид «восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя – хан или каан <...>, а сыновей его и братьев зовут теми именами, что даны им при рождении, в лицо и за глаза...»[12]. Завоеватель мира сказал: «...если каждый из моих сыновей пожелает стать ханом и быть государем, и не подчиняться никому другому, не будет ли это как в притче о змее с одной головой и о другой змее – со многими головами <...>»[13]? Чингиз-хан имел в виду следующую притчу: «Однажды ночью, когда стояла злая стужа, головы решили заползти в нору, чтобы укрыться от мороза. Но когда одна голова просовывалась в нору, другие мешали ей, и так они погибли все до одной. А другая змея, у которой была всего одна голова и длинный хвост, заползла в нору, где нашлось место и для её хвоста, и для всех её членов, и они спаслись от лютого холода»[14]. *Как в «Юань-чао би-ши», так и в «Тарих-и-джехангушай» господствует идея, согласно которой у монголов может быть только один хан*[*].

Вместе с тем, уже в «Сокровенном сказании» отслеживаются предпосылки для формирования есугеидской системы ханств. Сама праматерь Алан-Гоа сказала, что её послебрачные сыновья, сыны Неба (*Tenkiri-in kout*), Бугу-Хатаги, Бухуту-Салчжи и Бодончар-глупец, предок Борджигинов, в том числе и Есугеидов, станут всеобщими ханами (*qamuq-un qat*)[15]. Ещё в юности сыновья Оэлун-эхэ, Темучин, Джучи-Хасар, Хачиун-элчи и Темуге-отчигин, «достигли ханского величия (*qat bolura*

---

[*] На это обстоятельство обращал внимание ещё классик отечественного востоковедения В.В. Бартольд (**Бартольд В.В.** Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. – С. 452).

kurbei)»[16]. Впоследствии, Бельгутей, сводный брат Чингиз-хана, услышал от своей матери: «*Kout mino qat boljuu*»[17] – «мои сыновья стали ханами»[18]. Составитель «Юань-чао би-ши» никогда не ставит *нере* хан после личного имени «сыновей», оставшихся местными правителями. Тем не менее, он иногда именовал *qat всех* представителей правящей семьи.

В «Сокровенном сказании» намечается также разграничение между каанским и ханским титулами. Летописец называет каанами только монгольских государей и Алтан-хана, *хуанди* («императора») Северного Китая из дома Цзинь. Кереитские и найманские властители всегда именуются ханами[19].

Через два десятилетия после написания «Юань-чао би-ши», в «Тарих-и-джехангушай» уже вырисовываются контуры системы *чингизидских* ханств. По словам Джувейни, главной причиной успехов Чингиз-хана и его потомков было единство рода завоевателя мира. Отношения между Чингизидами являют собой полную «противоположность тому, что рассказывают о других царях, когда брат нападает на брата, а сын замышляет погубить отца, и как все они неизбежно бывают покорены и завоёваны, а их власть – низложена и свергнута <...> Ханы же из числа детей Чингисхана, которые унаследовали его трон после него, помогая друг другу и поддерживая один другого, завоевали весь мир и уничтожили всех своих врагов до последнего»[20]. В данном отрывке ханами названы все представители дома завоевателя мира. Общечингизидский лидер Мункэ-каан (Менгу-каан) (1251-59 гг.) именуется в «Истории завоевателя мира» и Ханом ханов[21], Ханом всех ханов, арабских и иных[22]

Кроме того, Джувейни эпизодически употребляет ханский титул по отношению к конкретным местным правителям из *урука** Чингиз-хана. Согласно «Истории завоевателя мира», «Чагатай был жестоким и могущественным ханом, суровым и безжалостным»[23]. Уже во время междуцарствия, наступившего

---

* Слово «*урук*» обозначало у монголов улуса каана XIII-XIV вв. и в мусульманских странах, завоёванных Чингиз-ханом и Чингизидами, родство по мужской линии. *Уруки* составляли *обок*.

после смерти Угэдэй-каана, ханами были *все* сыновья Толуя и Соркуктани-беги, Мункэ, Хубилай и Ариг-Бука[24]. Наконец, в *одном из списков* «Тарих-и-джехангушай» иль-ханом (*aylxan*)[25] именуется Хулагу.

В «Истории завоевателя мира» господствует концепция единого всеобщего ханства. Вместе с тем, ещё при жизни Мункэ-каана Хулагу чеканил монету не только с титулом своего старшего брата и государя, но и с собственным *нере* хан[26]. Уже в 50-е гг. XIII в. Монгольская империя трансформировалась в систему ханств во главе с кааном*. Главы имперских улусов обретали одну из важнейших прерогатив всеобщих государей.

Временами Джучиды и Хулагуиды даже именовались каанами. Согласно «Истории завоевателя мира», всё началось после кончины Гуюка Далай-хана (1246-48 гг.), старшего сына Угэдэй-каана. Чингизиды, эмиры и нойоны, собравшиеся в Алакамаке, где-то на границе современных Казахстана и Киргизии, «пришли к решению, что поскольку Бату был старшим из царевичей и вождём среди них, ему лучше было известно, что хорошо, а что плохо в делах государства и династии (*daulat*). Ему решать, стать ли ему самому ханом или предложить другого. Все присутствующие согласились с этим решением и написали письменные обязательства в том, что они никоим образом не отступят от своего слова и не нарушат приказания Бату»[27].

Государь Джучиева улуса предложил возвести на ханский трон Мункэ. Но старший сын Толуя отказывался от престола. Менгу-каан согласился взойти на трон только после уговоров со стороны своего сводного брата Моге-Огула и Бату[28]. Моге убеждал Мункэ выполнить клятву всех присутствовав-

---

* Вопрос о титуловании государей улуса Джучи в первой половине 40-х – середине 60-х гг. XIII в. остаётся без ответа. Во-первых, мы не располагаем документами Джучидов этого периода. Во-вторых, вплоть до времён хана Мункэ-Тимура (1266 – 1280 / 1282 гг.) из дома Бату на монетах, чеканившихся в джучидских владениях, в городе Булгар, указывались только имя, титул и тамга всемонгольского каана, а также место чеканки (**Френ Х.Д.** Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий. – СПб., 1832. – С. 1 – 2).

ших на курилтае и «повиноваться приказаниям Бату-каана»[29]. В «Тарих-и-джехангушай» кааном именуется государь, *отказавшийся от ханского трона.*

Внук Бату Мункэ-Тимур уже чеканил монеты с титулом *справедливый каан* (*ка'ан аль -адил М(е)нгу Тимур*[30], *Менку Тимур каан аль'-адил*[31]). Однако после кончины Мункэ-Тимура каанский титул исчез с монет и из документов Джучидов. Иначе обстояли дела в улусе Хулагу. Традиция употреблять по отношению к иранским иль-ханам *нере* каан, зародившаяся при Газане, была продолжена в царствование Олджейту. Об этом свидетельствуют как легенда монет наследников Хулагу-хана[32], так и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина.

В «Джами' ат-таварих» два каана – из дома Хубилая и Хулагу являются двумя главами дома завоевателя мира. «Тимур-каан и государь ислама Газан-хан, – да длится его власть! – суть кааны и государи; другие ветви и потомки его [Чингизова] чистого рода [насл] стали ханами и государями всех [земных] поясов»[33]. «Благороднейший каан»[34] султан Мухаммед Олджейту Худабандэ-хан вообще назван в «Сборнике летописей» «повелителем человеческого рода»[35].

Тем не менее, развитие хулагуидско-исламской идеи всеобщего государства не привело к совершенному отрицанию прерогатив Хубилая Сечен-каана и его наследников. Согласно «Джами ат-таварих», во времена Хубилая эмир Хулагуидов Бука сказал: «Каан есть государь населённой четверти земного круга...»[36]. По словам Рашид-ад-дина, внук и преемник Хубилай-каана Тимур (1295 – 1307 гг.) «в настоящее время является кааном эпохи»[37]. Сень правосудия и справедливости Тимур-каана должна простираться «над всем творением»[38].

Согласно «Сборнику летописей», распоряжения каанов, от завоевателя мира до Хубилая, определили границы чингизидских владений[39]. Сечен-каан и его наследники оставались главами и гарантами существования «четырёх улусов».

Конечно, ханы западной части Монгольской империи были с 60-х гг. XIII в. de facto самостоятельными правителями.

Вместе с тем, в «Джами ат-таварих» проводится чёткое разграничение между правителями, воевавшими и не воевавшими с государями населённой части Земли. Приведём характеристику, данную визирем улуса Хулагу Хайду, внуку Угэдэя, сражавшемуся с Хубилай-кааном и Тимур-кааном. «Когда Ариг-Бука отправился к Кубилай-каану и покорился его приказу, Кайду был осведомлён об опасности, [грозящей] от Кубилай-каана, и поскольку было не в обычае, чтобы кто-либо переиначивал решение и указ каана, а тот, кто бы это совершил, являлся бы преступником, то он [Кайду], преступив ясу, учинил противодействие и стал мятежником»[40]. Восстав против Хубилая Сечен-каана, Хайду перестал быть легитимным правителем, подобным ханам улусов Хулагу и Джучи.

Согласно «Сборнику летописей», главы рода Хубилая не были отстранены и от управления ханствами. Рашид-ад-дин называет Пулад-чингсанга, посла каана при дворе иранских иль-ханов[41], «великим эмиром, командующим войсками Ирана и Турана, руководителем государствами мира...»[42].

Итак, формирование концепций хулагуидского и джучидского ханства не привело к полной дезинтеграции чингизидского мира. Единое есугеидское ханство первой половины XIII в. сменила система ханств во главе с кааном из дома Хубилая. Новая иерархия высших чингизидских титулов тюркомонгольского происхождения с предельной чёткостью выражена в «Истории» Шихаб-ад-дина Абдаллаха ибн Фазлаллаха Вассафа, составленной в царствование Абу-Са'ида Бахадур-хана (1316– 1335 гг.), сына Олджейту. Иранский историк писал: «В ските дервишей хан и каан одинаковы с одетыми в рубище»[43]. Что же позволило сохранить единство чингизидского мира во времена, когда главы имперских улусов стремились иметь своё ханство или даже каганат?

Ответ на данный вопрос содержится, прежде всего, в персоязычных исторических сочинениях из улуса Хулагу. Из сообщений этих текстов следует, что в середине XIII – XIV в. Чингизиды оставались единым правящим кланом. Главы рода

повелителей мира, всемонгольские кааны, автоматически становились со времён Мункэ старшими братьями всего *урука* Чингиз-хана. Самое раннее указание на эту прерогативу содержится в «Тарих-и-джехангушай». Вскоре после воцарения Мункэ-каана одна из жён Ходжи, сына Гуюка Далай-хана, сказала мужу: «Менгу-каан – *ага* и наш отец; ты должен явиться к нему, чем бы это не обернулось»[44]. По словам эмира Буки из «Джами' ат-таварих», каан «есть государь населённой четверти земного круга и старший брат всего рода Чингизханова. Царство над владениями Иранской земли после своего брата Хулагу-хана [каан] пожаловал старшему сыну его Абага-хану, который был самым разумным и совершенным, а после него оно по наследству достаётся его сыну и законному преемнику – Аргуну»[45]. Воля каана, всеобщего государя и старшего Чингизида, узаконила, среди прочего, исключительные права Аргун-хана (1284 – 1291 гг.), отца иль-ханов Газана и Олджейту на иранский трон. В «Истории» Вассафа Дува (ум. в 1307 г.), государь улуса Чагатая, поклялся воевать со всеми нарушителями указов своего *старшего брата* (*aga*) Тимур-каана[46].

Оставаясь единым правящим кланом, Чингизиды стремились к компромиссу и в вопросе о перераспределении титулов верховных властителей между представителями рода завоевателя мира. Стремление потомков Чингиз-хана к согласию получало солидное идеологическое обоснование. В том же «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина история джучидского и чагатайского ханств возводится ко временам самого завоевателя мира. Ради сохранения единства урука Чингиз-хана придворные историки монгольских государей «закрывали глаза» на неповиновение отдельных улусных властителей главе дома Хубилая. Речь идёт о Берке, сыне Джучи.

Ещё в XIX в. в научный оборот была введена одна монета первой половины 60-х гг. XIII в. Она отчеканена в городе Булгар от имени «Ариг Буки каана могущественного (Ариг Бука ка'ан аль-а'зам)»[47]. Таким образом, в начале 1260-х гг. Берке признавал кааном Ариг-Буку, единокровного брата Хубилая,

воевавшего с Сечен-кааном за трон миродержца. Согласно же «Джами ʿат-таварих», Ариг-Бука передал улус Чагатая царевичу Алгу, «чтобы войско Хулагу и войско Берке не могли прийти <...> на помощь Кубилаю»[48]. По словам Рашид-ад-дина, государь улуса Джучи никогда не восставал против Хубилай-каана*. Иначе говоря, Берке не участвовал в *смуте*[49]. Его войска не были *сбродом*[50]. Сановник иранских ханов пощадил посмертную репутацию государя, воевавшего, между прочим, против улуса Хулагу[51].

Сами Чингизиды относились к доброму имени рода всеобщих властителей даже бережней Рашид-ад-дина. Согласно «слову» (*uege*), т.е. грамоте Олджейту-султана французскому королю Филиппу IV (1305 г.), *уруки* Чингис-каана во главе с Тимур-кааном, Тохтой†, Чапаром‡, Дувой и самим иранским иль-ханом, по воле и с помощью Бога, положили конец взаимным обвинениям. Они объединили свои улусы, соединили свои *джамы* (*ямы*, почтовые станции) и поклялись сообща действовать против нарушителя этого соглашения. Если Рашид-ад-дин называл Хайду мятежником, то в грамоте Олджейту виновниками межчингизидских распрей объявляются некие интриганы, подданные ханского дома. Все потомки Чингиз-хана, старшие и младшие братья, стали жертвой клеветы дурных *карачу*[52], иначе говоря – неесугеидов. В начале XIV в. все главы дома завоевателя мира признали друг друга законными правителями.

В свою очередь, будучи самостоятельными властителями, государи имперских улусов не должны были посягать на сам принцип верховенства общечингизидского каана.

Остаётся добавить, что глобальные системы международных отношений возникали и после распада «четырёх улусов». Но международные системы Нового и Новейшего времени создавали не представители одного рода, а главы *разных* го-

---

* Во время войны Хубилая и Ариг-Буки «Берке посылал гонцов к обеим сторонам и примирял их» (**Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. Т. 2. С. 162).

† Хан улуса Джучи (1290 / 1291 – 1312 / 1313 гг.) из дома Бату.

‡ Старший сын и преемник Хайду.

сударств. И желание мировых лидеров достичь согласия не имело стимула, сопоставимого по эффективности с клановыми узами. В итоге достичь гармонии между имперскими амбициями отдельных правителей и стремлением к компромиссу в международных делах не удалось никому после потомков Чингиз-хана.

---

[1] **Скрынникова Т.Д.** Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – М., 1997. – С. 40.

[2] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – М.-Л., 1952. – Т. 1, Кн. 2. – С. 198, 205, 216 – 217, 219, 229, 266, 274-276; М.-Л., 1960. – Т. 2. – С. 8, 20-24, 37-40, 64-113.

[3] Сокровенное сказание: Анонимная монгольская хроника 1240 года. – Элиста, 1990. – С. 253, 270.

[4] Там же. – С. 236, 238, 253-272.

[5] Там же. – С. 69.

[6] Там же. – С. 173.

[7] Там же. – С. 75.

[8] Там же. – С. 75.

[9] Там же. – С. 252.

[10] Там же. – С. 252.

[11] **Ата-Мелик Джувейни.** Чингисхан: История завоевателя мира. – М., 2004.

[12] Там же. – С. 20.

[13] Там же. – С. 121.

[14] Там же. – С. 29.

[15] ССМ – АМХ. – С. 12.

[16] Там же. – С. 31.

[17] Там же. – С. 59 – 60.

[18] Там же. – С. 60.

[19] Там же. – С. 7, 19 – 272.

[20] **Ата-Мелик Джувейни.** Указ. соч. – С. 30.

[21] Там же. – С. 4, 451.

[22] Там же. – С. 403.

[23] Там же. – С. 186.

[24] Там же. – С. 397 – 398.

[25] Там же. – С. 458, 672.

[26] **Spuler B.** Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit. 1220-1350. – B., 1955. – S. 270.

[27] **Ата-Мелик Джувейни.** Указ. соч. С. 404.

[28] Там же. – С. 404-406.

[29] Там же. – С. 405.

[30] **Савельев П.С.** Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки императорского археологического общества. – СПб., 1858. – Т. 12. Вып.1. – С. 270.

[31] **Френ Х.Д.** Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий. – СПб., 1832. – С. 2

[32] **Spuler B.** Die Mongolen in Iran... – S. 271.

[33] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 1. Кн. 2. – С. 69.

[34] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – М.; Л., 1952. – Т. 1. Кн. 1. – С. 42.

[35] Там же. – С. 42.

[36] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – М.; Л., 1946. – Т. 3. – С. 110.

[37] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 2. – С. 154; См. тж.: **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т.1. Кн. 1. – С. 55.

[38] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 2. – С. 205.

[39] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 1. Кн. 2. – С. 69; Т. 2. – С. 78-79, 94, 162, 168; Т. 3. – С. 60.

[40] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 2. – С. 12 – 13.

[41] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 1. Кн. 1. – С. 187; Т. 3. – С. 116, 123, 135, 160, 192.

[42] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 1. Кн. 1. – С. 67.

[43] **Тизенгаузен В.Г.** Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.; Л., 1941. – Т. 2. – С. 87.

[44] **Ата-Мелик Джувейни.** Указ. соч. – С. 424.

Отметим, что, согласно некоторым спискам «Истории завоевателя мира», Моге-Огул в Алакамаке убеждал Мункэ подчиниться приказу *Бату-каана-аги* (Там же. – С. 657) и занять ханский трон.

[45] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 3. – С. 110.

[46] **Нагель Т.** Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. – Ростов-на-Дону, 1997. – С.70, 592.

[47] **Френ Х.Д.** Указ. соч. – С. 2.

[48] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 2. – С. 161.

[49] Там же. – С. 160.

[50] Там же. – С. 163.

[51] **Рашид-ад-дин.** Сб. летописей. – Т. 2. – С. 82, 168; Т. 3. – С. 58 – 60, 68.

[52] **Mostaert A., Cleaves F.W.** Les Letters de 1289 et 1305 des ilkhan Argun et Oeljeitue a Philippe le Bel. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. – P. 55.

Фодор И.

Древние венгры и Северный Кавказ

Как известно, древние венгры прошли большой путь от их первоначальной западносибирской прародины до Карпатской котловины в первом тысячелетии н.э. По нашему мнению древневенгерский этнос сформировался в лесостепной зоне Западной Сибири, на территории саргатской археологической культуры раннего железного века. По лингвистическим данным это произошло примерно в середине I тысячелетия до н.э. В VI веке н.э. древние венгры переселились из Западной Сибири в Приуралье, где они впоследствии составляли население кушнаренковской культуры. Примерно в середине VIII в. н. э. Часть венгерского населения покинула Приуралье и двинулась в Подонье, где они потом жили в рамках Хазарского каганата. Подонскую – приазовскую родину венгров византийский император, Константин Багрянородный назвап Леведией. Примерно в середине IX века венгры отсюда переселились на территорию к западу от Днепра, в область нижнего течения Днесьра, Прута и Серета, в т. н. Этелкузу, отсюда они с 862 г. совершали военные походы в Западную Европу через Карпатскую котловину. В 895 году они заняли восточную часть Карпатской котловины, а в 900 году и Задунавье. Те же венгры, которые остались в Приуралье, проживали там в пределах Волжской Болгарии. Ими оставлены такие могильники, как Большетиганский в Татарстане и Стерлитамакский в Башкирии. Непосредственно перед татарским нашествием одну группу этих венгров нашел венгерский монах Юлиан недалеко от болгарской столицы, Биляра. Еще одна часть древневенгерского насе-

ления откололась от основной их массы по сообщению византийского императора, когда они совместно с хазарами сражались с печенегами. Эта часть венгров переселилась в Закавказье, на персидскую границу и их называли именем савартои асфалои, то есть храбрые саварты. Они ещё в середине X века обменялись посольствами с венграми в Карпатской котловине [См. Аннинский 1940; Шушарин 1977, 18–134; DAI § 38; Fodor 1977; 1982.]

Для настоящей темы наиболее важным является место обитания венгров на территории Хазарского каганата, т.е. Леведия или Лебедия. По сообщению византийского императора эта территория названа по имени первого венгерского воеводы, до которого у венгров не было верховной власти, не было у них царя. В исторической и археологической литературе уже больше ста лет дискутируется вопрос о расположении этой легендарной страны Лебедии. К сожалению, конкретного ответа мы не находим ни в исторических источниках, ни в археологических памятниках. Однако с большей долей вероятности мы можем утверждать, что археологические памятники древних венгров второй половины VIII и первой половины IX века мы можем найти в материале салтово-маяцкой культуры. Известный венгерский археолог прошлого столетия, Н. Феттих даже предполагал, что все изделия древневенгерской торевтики, найденные в погребениях древних венгров первой половины X века в Карпатской котловине, были сделаны еще в мастерских салтовской культуры и принесены венграми на свою новую родину [Fettich 1937, 93; 1942, 18–19; 1973, 81, 90]. Правда, эта точка зрения позже не была оправдана, и было доказано, что самые выдающиеся памятники древневенгерской торевтики сделаны уже на новой родине венгров, в Карпатской котловине [László 1970, 64; Dienes 1972, 97–99; 1972a, 74; Fodor 1979, 66.]. Но в то же время несомненно, что на территории салтовской культуры имеются многочисленные аналогии древневенгерским археологическим материалам. К ним относятся женские и мужские украшения (наушницы, подвески, поясные накладки,

амулеты, украшения поясных сумок и др.), украшения конского снаряжения, оружия, орудия труда и керамика (в первую очередь глиняные котлы с внутренними ушками), планировка поселений, типы жилищ и хозяйственных построек [Флёров 1996; Fodor 1977a; 1982, 218–235; 2001; Кузнецов 1964]. На основании этих аналогий мы можем, по всей вероятности согласиться с мнением, по которому «... в целом, материальная культура венгров в период их обитания в Восточной Европе, несмотря на ряд отличительных черт, имела салтово – маяцкий облик.» [Толочко 1999, 33] И поскольку Северный Кавказ в это время также входил в ареал салтовской культуры, этим обстоятельством объясняются нижеследующие аналогии, которые наблюдаются, главным образом, между венгерским и северокавказским аланским археологическим материалом.

Из этих, довольно многочисленных аналогий мы тут упоминаем лишь наиболее яркие.

В последнее время в древневенгерских погребениях X в. были найдены ажурные бронзовые подвески для украшения женских волос с изображением всадников. Двое из этих фигур заключены в круг *(рис. 1/1-2)*, также как подвеска из первомайского катакомбного аланского погребения на Северном Кавказе. *(Рис. 1/3.)* [Fodor 1980, 200–201. Abb. 7–8.; 2003, 344. Abb. 6,1–3; Кузнецов 1959, 108, рис. 11/1.] Третий же экземпляр без круга *(Рис. 1,5)* [Nepper 2002, I, 81–82; II, 78. Taf. 72/5.] как фигура всадника из Кисловодского аланского могильника. *(Рис. 1,4)* [Рунич 1968, 210, рис.2/2. см. Далее: Рунич 1973, 164; МАКІ, табл. XIX, 6; Ковалевская 1978.] Бронзовые фигурки всадников без круга встречаются в VII–X вв не только в Венгрии и на Северном Кавказе, а на обширной территории Восточной Европы и Болгарии и по вероятному предположению являются изображениями бога Неба, Тенгри хана [Плетнева 1967, 176–178; Fodor 2003, 343].

Веьма характерным для древневенгерского мужского костюма было ношение на поясном ремне небольшой кожаной сумочки для огнива и прочих мелких вещей. Крышки их были

иногда украшены позолоченной серебряной пластинкой или же серебряными и бронзовыми накладками. Сумки, украшенные накладками, были широко распространены в это время от Скандинавии до Кавказа и от Волжской Булгарии до Венгрии. На Северном Кавказе во многих аланских погребениях обнаружены т. н. «крылатые накладки» для привешивания кожаных сумочек к поясу, такие же, как древневенгерские накладки. *(Рис. 2/1-2, 4 –5.)* [Fodor 1982, Taf. XLVIII; Савенко 1986, 86, рис.3/4, 6; Алексеева 1971, 343; Рунич 1970, 205, рис. 8/8.] Аналогии древневенгерским сумкам, украшенным накладками, мы находим, главным образом, в древнерусских и викингских дружинных погребениях Прионежья, Гнездова, Чернигова, Киева и в Волжской Булгарии, в скандинавских погреьениях в Бирке [Dienes 1964; Fodor 1977в, 87–101]. Однако недавно в одном из богатых мужских погребений первой половины X в. у с. Карош были найдены украшения сумки, почти тождественные сумке из аланского погребения Мартан Чу примерно того же времени [Révész 1996, 94; Vinogradov 1983, 214].

В археологической литературе не разу обсуждался вопрос о сходстве древневенгерского и северокавказского искусства. Некоторые авторы предполагали, что искусство древних кавказских мастеров влияло на формирование искусства древних венгров, живших в Восточной Европе. А. Барта к этому добавил, что древневенгерское ювелирное искусство занимает промежуточное место между салтовским и кавказским [Bartha 1975, 106]. Часто приводились в качестве аналогий богато украшенные северокавказские сабли. Как известно, в богатых венгерских мужских погребениях также были найдены сабли, богато украшенные серебряными или золотыми накладками с типичным венгерским пальметочным узором. Как пример мы здесь приведем сабли из с. Гестеред и Ракамаз [Fodor 1996, 66, 114–115]. Некоторые венгерские исследователи уделили особенно большое внимание саблям из Змейского катакомбного могильника и также саблям из Колосовского могильника под Майкопом в Адыгее [Кузнецов 1959, 102–103; Дутлер 1967,

158–159, табл. XIV]. Они считали эти сабли наиболее близкой аналогией т.н. «сабли Карла Великого» [Bóna 1966, 282; Fettich 1973, 105–109]. Однако тут мы должны иметь виду хронологическое положение этих находок. Упомянутые северокавказские сабли датируются, скорее всего, X–XI вв., в то время как древневенгерские мы можем отнести к первым двум третьям X в. Необходимо также отметить, что орнамент северокавказских и древневенгерских сабель во многих деталях отличаются друг от друга. Пальметки и плетенки далеко не те же самые, хотя иногда в орнаменте появляются и сходные элементы. Во всяком случае нельзя утверждать, что северокавказские ювелирные и оружейные мастера сильно влияли на формирование древневенгерского искусства в VIII–IX вв. Сходные элементы скорее всего появляются тут и там благодаря общим источникам. [См. Орлов 1988. —Особенно сильное преувеличение этих связей см. Veres 1985; 1985a.]

Как известно, до середины XX в. в венгерской исторической литературе существовало мнение о пребывании венгров на равнинах, прилегающих к горам Северного Кавказа. По этой теории венгры около 463 г. покинули свою западно-сибирскую родину и поселились к северу от Кавказа, в Нижнем Подонье и в Прикубанье, на Таманском полуострове [Halasi Kun 1943, 71–72]. В связи с этим историки часто писали о «кавказском периоде» истории венгров или о «кавказской прародине» древних венгров.

Указанные нами аналогии в археологическом материале древних венгров и северокавказских алан далеко недостаточны для подтверждения такого мнения. Как известно, подтверждением пребывания любого этноса на определенной территории могут служить в первую очередь черты погребального обряда, натболее прочного признака этнической принадлежности в археологии.

Однако известные нам типы погребального обряда на Северном Кавказе не проявляют сильного сходства с погребальным обрядом древневенгерских могильников X в. в Кар-

патской котловине. Не находим мы аналогии у венгров и северокавказским аланским катакомбным могильникам. Правда, в этих катакомбах — вернее в дромосах катакомб — иногда встречаются захоронения шкур коня (когда в шкуру жертвенного коня завернули его череп и четыре ноги), но кости коня лежат не рядом со скелетом погребенного, как у древних венгров, и эта деталь погребального обряда характерна не только для венгерских погребений. Редкое исключение составляет погребение 341 в некрополе античного города Кепы на Таманском полуострове. Тут было найдено погребение в простой яме, в которой вытянутый костяк лежал головой на запад — юго-запад. Слева от погребенного с противоположной ориентировкой лежали кости черепа и четырех ног лошади в анатомическом порядке. Судя по остаткам органического материала, здесь в могилу положили чучело коня. Инвентарь состоял из ойнохои, железного тесла, длинного ножа, топора, бронзовой проволоки и двух стекляных бусин. Автор раскопок ойнохою датирует VIII в., а погребение в целом VIII – началом IX в. [Сорокина 1969]. Данное захоронение по своему обряду относится к зливкинскому типу погребений салтовской культуры, обычно связанному в эническом отношении с болгарским населением данной культуры. Однако для зливкинских погребений — как справедливо отмечает автор раскопок — не характерен обряд захоронения чучела жертвенного коня. Но в то же время эту деталь мы можем наблюдать у древних венгров [См. Балинт 1972, 179, рис. 1/4.]. Является типичным для венгров и положение в могилу одной или двух – трех бусин. (Они, вероятно, служили оберегом.) На основании аналогии погребального обряда И. Эрдели это погребение условно связал с древними венграми, которые могли побывать в указанное время на Таманском полуострове [Эрдели 1970; Erdélyi 1977]. Сказать что-нибудь более определенное и сейчас трудно, ведь ни доказать, ни исключить венгерскую этническую принадлежность данного погребения невозможно. Однако после краткого обзора аналогий в археологическом материале Северного Кавказа и Кар-

патской котловины X в. мы все же можем прийти к выводу, что они недостаточны для доказания пребывания большого числа венгерского населения в этой области.

Веским доказательством т.н. «кавказской теории» могли бы служить языковые данные. На научном уровне связи венгерского языка с кавказскими языками впервые были рассмотрены Б. Мункачи. В своей книге «Арийские и кавказские элементы в финно-венгерских языках» он указал на значительное число иранских (в том числе и аланских) заимствований в венгерском языке и предполагал, что с иранскими и тюркскими заимствованими в венгерский язык попадали и слова из кавказских языков [Munkácsi 1901, 86, 101]. Но его книга получила весьма острую критику и поэтому им уже не был написан запланированный второй том монографии, а после этого среди венгерских лингвистов не нашлось и последователя начатой им работы [Ligeti 1986, 174–176]. Сейчас можно только надеяться, что эта весьма перспективная и важная тема в будущем найдет своего исследователя. В.И. Абаев обратил внимание на то, что в списке слов на языке ясов (венгерских алан) XV века имеются заимствования из кавказских языков (названия лошади и быка). [Немет 1960, 23.]

Итак, ни археологические, ни лингвистические данные не позволяют нам утверждать, что древние венгры в VIII–IX вв. проживали на территории Северного Кавказа или на Таманском полуострове. Но это не значит, что дальнейшее изучение их исторических контактов — археологических и языковых — является бесперспективным. Наоборот, эти исследования могут пролить свет на взаимоотношения этих народов в границах салтово-маяцкой культуры, т.е. Хазарского каганата.

Литература

Алексеева 1971 — **Алексеева Е.П.** Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М.

Аннинский 1940 — **Аннинский С.А.** Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. // *Исторический архив. – М.-Л. – Т. 3.* – 71-112.

Балинт 1972 — **Балинт Ч.** Погребения с конем у венгров в IX-X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров / Ред. Смирнов А.П. и др. – М. 176-188.

DAI — **Константин Багрянородный**: Об управлении империей / Текст, пер., комм. Ред. Литаврин Г.Г., Новосельцев, А.П. – М., 1989.

Дитлер 1961 — **Дитлер П.А.** Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. // *Сб. материалов по археологии Адыгеи. – Майкоп. – Том 2.* – 127-165, табл. I-XXI.

Ковалевская 1978 — **Ковалевская В.Б.** Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Ред. Козенкова В.И. и др. – М. – 111-120.

Кузнецов 1959 — **Кузнецов В.А.** К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // *СА – 1959/1.* – 97-118.

Кузнецов 1964 — Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА 99. – 34-39.

МАК — Материалы по археологии Кавказа. – М. 1888. – Вып.1. Археологические наблюдения Всев. Миллера.

Немет 1960 — **Немет Ю.** Список слов на языке ясов, венгерских алан. (Пер. с нем. и примеч. В.И. Абаева.) – Орджоникидзе

Орлов 1988 — **Орлов Р.С.** Художественная культура городов «Русской земли» в IX-X вв.// *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. – Киев. – Т. 2. Ред. Толочко П.П. и др.* – 115-120.

Плетнева 1967 — **Плетнева С.А.** От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // *МИА-142.* – М.

Рунич 1968 — **Рунич А.П.** Катакомбный могильник VII-VIII вв. около г. Кисловодска // СА – 1958/3. – 208-214.

Рунич 1970 — Катакомбы Рим-Горы // СА – 1970/2. – 198-210.

Рунич 1973 — О конской сбруе из района Пятигорья. СА – 1973/1. – 163-170.

Савенко 1986 — **Савенко С.Н.** Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – пер. пол. XII вв. могильника «Кольцо Гора» // *Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. - Орджоникидзе*

Сорокина 1959 — **Сорокина Н.П.** Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове. // *Экспедиции Государственного Исторического музея / Ред. Левашова В.П. – М.* – 124-130.

Толочко 1999 — **Толочко П.П.** Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев

Флеров 1996 — **Флеров В.С.** Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. - М.

Шушарин 1997 — **Шушарин В.П.** Ранний этап этнической истории венгров. (Проблемы этнического самосознания.) – М.

Эрдели 1970 — Эрдели И., К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани. // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. – Tallin, 1970. – Тезисы. Т. 2.* – 5.

Bartha 1975 — **Bartha A.** Hungarian Society in the 9th and 10th Centuries. – Budapest

Bóna 1966 — Bóna I. [Diskussionsbeitrag.] Archaeologiai Értesítő 93. 281-282.

Dienes 1964 — Dienes I. Honfoglalás kori tarsolyainkról. – Les aumânières hongroises de l'époque de la conquête. Folia Archaeologica 16. 79-112.

Dienes 1972 — Die Kunst der landnehmenden Ungarn und ihre Glaubenswelt. In: Actes du XXIIe Congrès International d'Histoire de l'Art, vol. I. Budapest. 97-108.

Dienes 1972a — Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest

Erdélyi 1977 — Erdélyi I. Les anciens Hongrois ont-ils été dans la région du Kouban? Studia Archaeologica, VI. Budapest. 249-252.

Fettich 1937 — Fettich N. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica, XXI. Budapest.

Fettich 1942 — Die altungarische Kunst. Berlin

Fettich 1973 — Geschichte, Auswertung des Fürstengrabfundes von Zemplín. In: V. Budinskỳ-Krička – N. Fettich., Das altungarische Fürstengrab von Zemplín. Bratislava. 49-238.

Fodor 1977 — Fodor I. Où le dominicain Julien de Hongrie retrouva-t-il les Hongrois de l'Est? Studia Archaeologica, VI. Budapest. 9-20.

Fodor 1977a — Der Ursprung der in Ungarn gefundenen Tonkessel. Acta Archaeologica Hung. 29. 323-349.
Fodor 1977b — Altungarn. Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland. (Acta Antiqua et Archaeologica, XX.) Szeged
Fodor 1979 — Einige Beitrage zur Entfaltung der ungarischen Kunst der Landnahmezeit. Alba Regia 17. 65-73.
Fodor 1980 — Honfoglaláskori korongjaink származásáról. – Zum Ursprung der ungarischen Metallscheiben der Landnahmezeit. Folia Archaeologica 31. 189-219.
Fodor 1982 — Die große Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest
Fodor 1996 — (Ed.) The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest
Fodor 2001 — Changes in the Hungarian Economy during the Tenth Century. In: The First Millennium of Hungary in Europe. Ed. K. Papp – J. Barta. Debrecen. 18-37.
Fodor 2003 — Über die vorchristliche Religion der Altungarn. Acta Ethnographica Hung. 48. 327-351.
Halasi Kun 1943 — Halasi Kun T. A magyarság kaukázusi története. In: A magyarság őstörténete. Ed. L. Ligeti. Budapest. 71-99.
László 1970 — László Gy. Steppenvölker und Germanen. Kunst der Völkerwanderungszeit. Wien-München-Budapest
Ligeti 1986 — Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest
Munkácsi 1901 — Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Budapest
Nepper 2000 — M. Nepper I. Hajdú-Bihar megye 10-11. századi sírleletei, I-II. Budapest-Debrecen
Révész 1996 — Révész L. Karos. In: Fodor (Ed.) 1996. 82-109.
Veres 1985 — Veres P., Magyarok a Kaukázus előterében. – Ungarn im Vorraum des Kaukazus. Ethnographia 96. 114-125.
Veres 1985a — Újabb adatok a „kaukázusi őshaza" kérdéséhez. Magyar Nyelv 81. 93-96.
Vinogradov 1983 — Vinogradov V.B. Altungarische Parallelen zu einigen Grabern des alanischen Grabereldes bei Martan-Cu. Acta Archaeologica Hung. 35. 211-220.

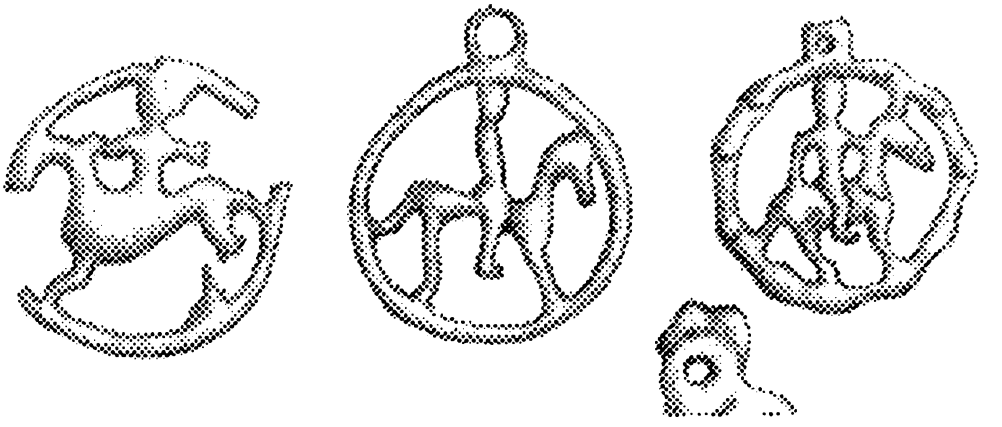

Рис. 1 1-3
Бронзовые подвески с изображением всадника
слева – Тисашуй, середина – Шарретудвари,
справа – Первомайское.

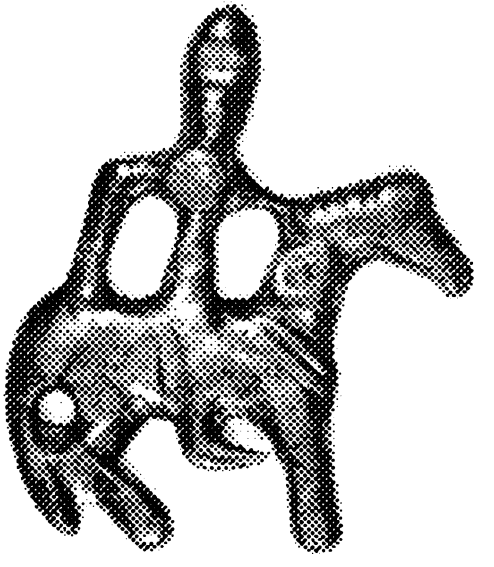

Рис. 1, 4
Бронзовые подвески с изображением всадника
Кисловодск

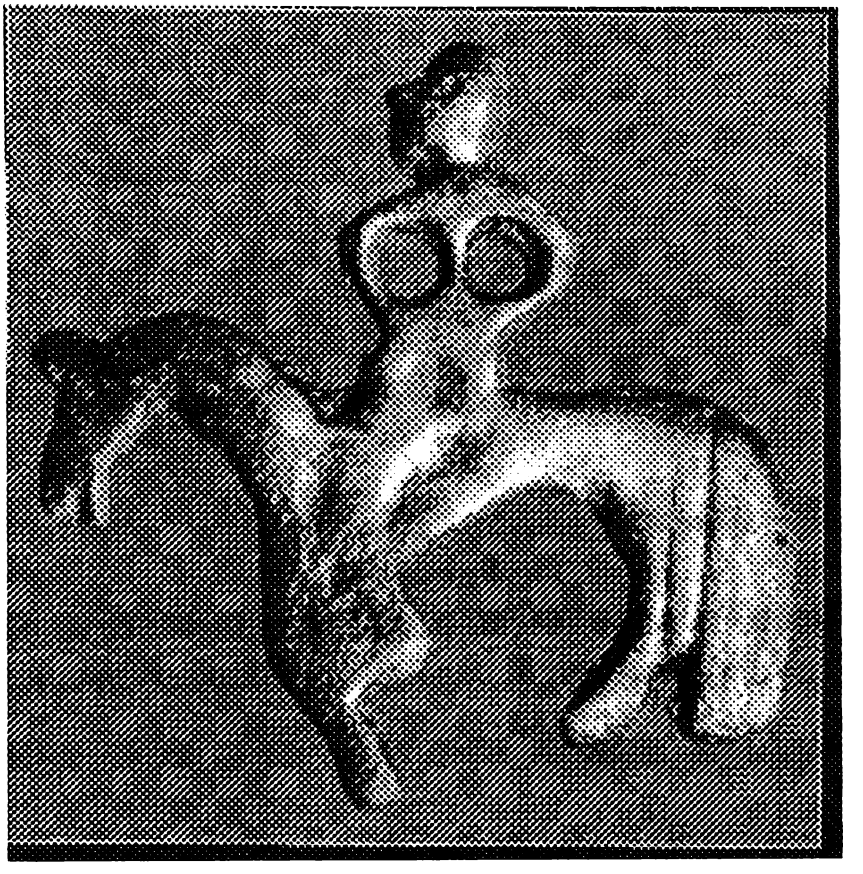

Рис. 1, 5
Бронзовые подвески с изображением всадника
Хайдусобосло

Рис. 2, 1-2
Накладки от сумок: слева – Шошхартян справа – Карош

Рис. 2, 3
Остатки кожаной сумки из Рим Горы (катакомба № 52)

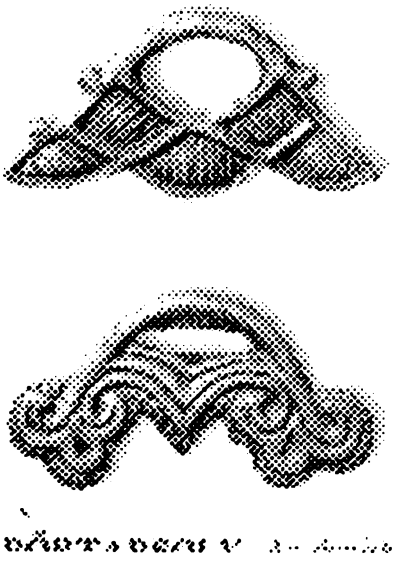

Рис. 2, 4-5
Накладки от сумок: – Кисловодск.

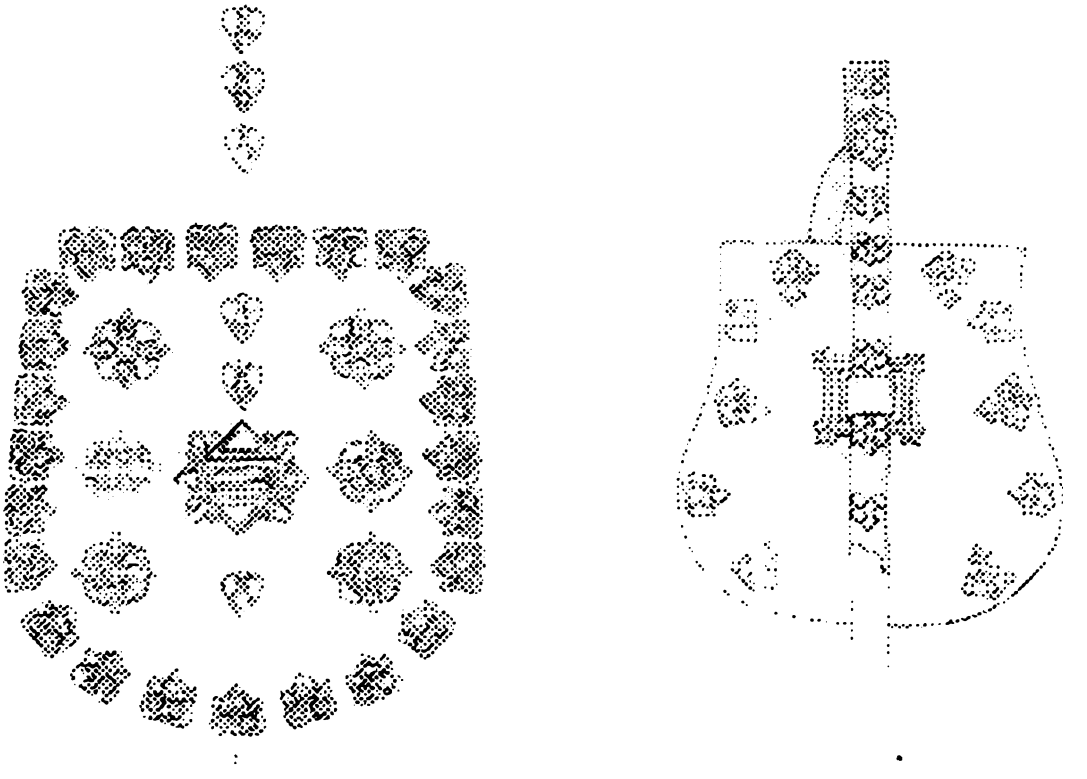

Рис. 3.
Украшения сумок: слева – Карош, справа – Мартан Чу

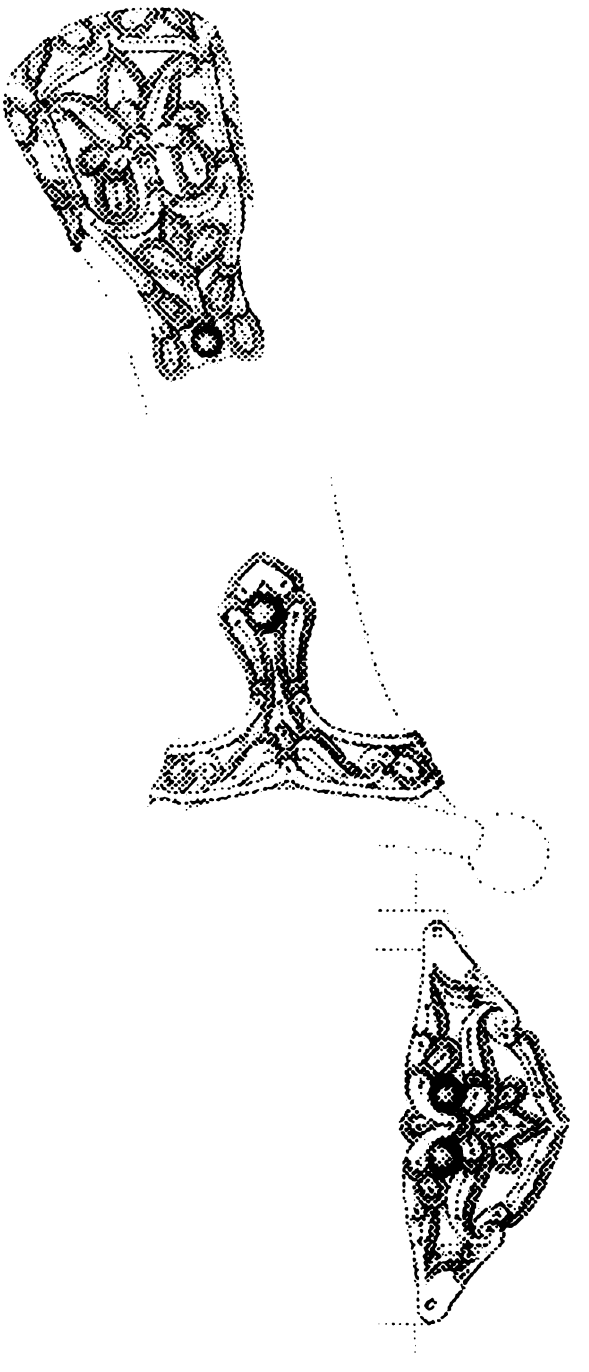

Рис. 4
Сабля из с. Гестеред.

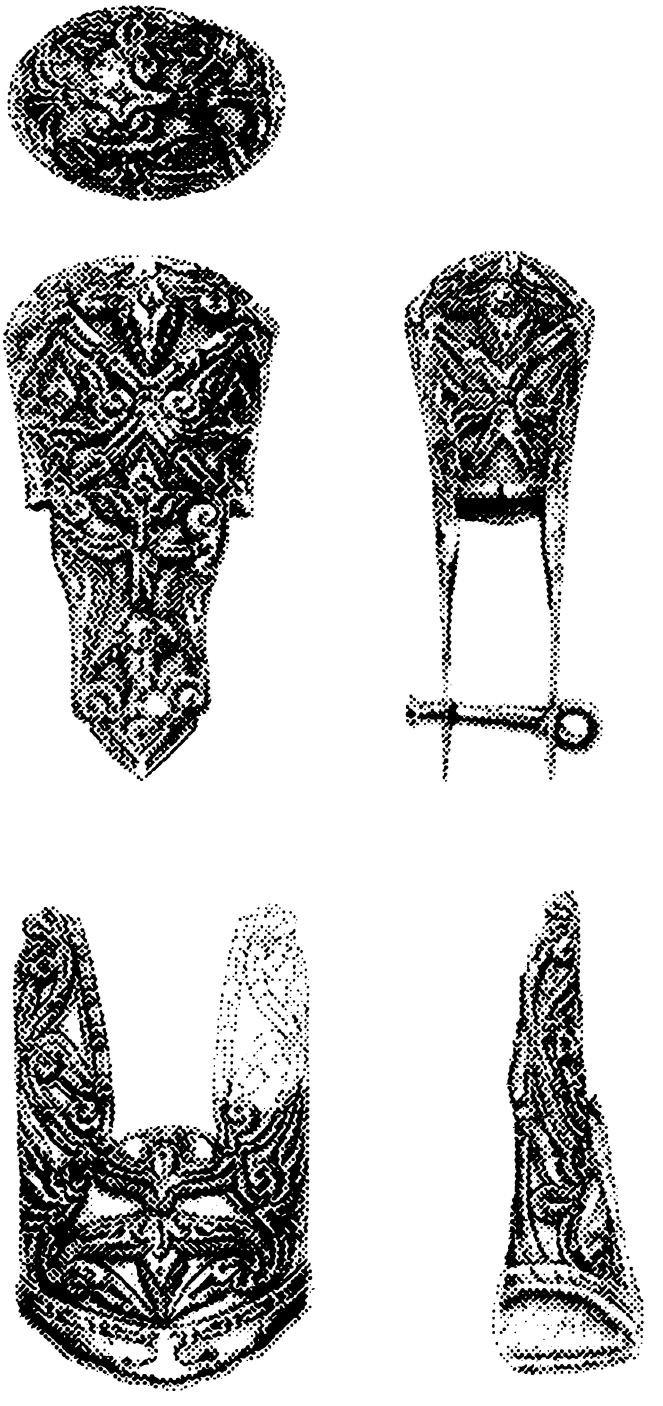

Рис. 5
Золотые украшения сабли из г. Ракамаз.

D.A. Stashenkov, M.A. Turetsky

New Madjar site on the Middle Volga*

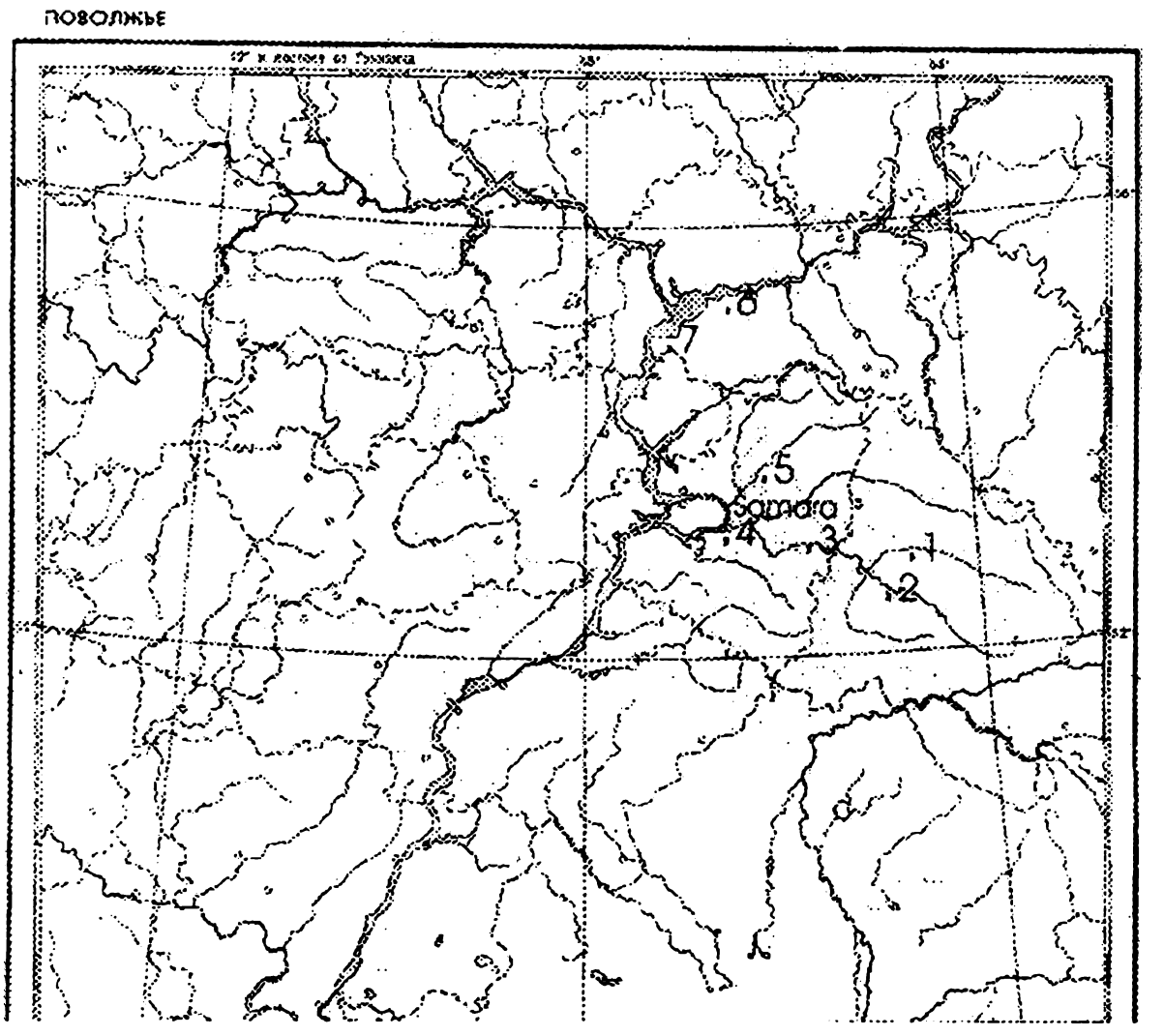
At present time in the Kama Region the large necropolises are known, which are recognized by the majority of scientists as madjar (Bolshie-Tigany burial ground and significant part of burials of Tankeevka). To the south in the Samara Region (Povolzhje) there are few individual monuments synchronous to these archaeological complexes. All of them were entered into a scientific revolution[1], and each new find is of great importance for the reconstruction of the ethno-cultural situation in the region.

A medieval burial was investigated during the archaeological excavation in 1997 on a settlement of the Neolithic-Bronze Age near v. Lebyazhinka on the Sok-river in the Samara area (fig-1).

The outlines of a burial hole were designated on depth - 128 cm from 0 at a level of continent. The burial hole focused on a line the north-west - the south-east, had the extended rectangular shape by the sizes 225x65 cm and depth 14-15 cm. In area of a head of a burial a small step was available. Skeleton belonging to man of 30-35 years of Evropean race laid extended on a back, head was orientated on the south-east; the face was inverted on the south-west.

A burial was accompanied by a part sacrum of a large animal located behind the skull

The authors thank for the help in translation of article on the English language A.F. Kochkina and N.D. Valkova.

(fig. 1).

An iron loop (fig. 2,4) and three scotched iron tips (fig. 2,3) laid in the bottom part of thorax crate.

The bronze bracelet was found in a carpal of the left hand (fig. 2,5), at a phalange of the right hand the silver finger-ring was revealed (fig. 2,6).

At the right femur a very corroded iron ring (fig. 2,7; 5,4) and a fragment of a stone steel by the sizes 3,3x2,5x0,9 cm (fig. 2,13; 3,7) were found; the fragments of iron horse-bits laid on a knee-joint (fig.2,8-9). The iron rod-shaped subject was revealed near a tibia, its length is 7,7 cm, thickness is 0,9 cm, probably, it is a part of a

cheeck-piece (fig. 2,10; 3,4). AT (On) the right foot the iron axe-stamp laid (fig. 2,12).

Near the skull there was a rectangular flat stone by the sizes 8x4,3x1,2 cm (fig. 2,2; 3,8). The traces of bronze oxide are fixed on the right part of the skull (fig. 2,11), probably, they are remnants of the ear-ring, a fragment of which was found near the burial on the level of the 5 spades' depth.

The dating and the ethno-cultural belonging of a site

We will undertake the analysis of artifacts for definition of dating and ethno-cultural belonging of a burial.

1. **The iron axe** is strong corroded (fig.4). The axe applies to the group of a battle axe-stamp, distinguished by presence of an acting hammer butt and of its small sizes. Its general length is 15,4 cm. The edge is narrow wedge-shaped, its length is 7 cm, the width of its working part is 4,5 cm. The length of a butt part is 4,5 cm, the maximal width is 4 cm. A shaft-hole, which kept the remnants wooden handle, is small, its size is 2x2,5 cm. This axe is referred to type I of groups I a specially battle axe-hammers (stamp) by A.N. Kirpichnikov's classification[2] and type AI of a department A (specially of battle axes) by I.L. Izmaylov's classification[3]. In I.L. Izmaylov's view, such axes were a weapon of the ordinaries horse combatant in IX-X c.[4] On the territory of Volga Bulgaria the similar axes appears in the second half of DC c. (in earlier complexes of sites of Novinki circle in the Samara Bow region they are not present at all -among almost 200 funeral complexes one axe of other type is known, most likely, referring to the working ones)[5]. That fact, that only axe was revealed in materials of the Bolshie-Tigany burial ground the biggest part of which had functioned in the second half of VIII-first half of IX c. is another confirmation of this late date[6]. In the more late the Tankeevka burial ground the axes are met more often, they usually are trusted in the bottom of a grave at the right tibia[7]. Frequently there are battle axes in actually Hungarian burials ground of X c.[8] The separate finds of battle axes are available in barrow burials ground in Bashkiria[9]. Similar but not identi-

cal axes are known in Mordva burials ground of VII-XI c, where in total there are more than 80 copies of battle axes - stamp of various types[10]. More often axes of this type are met on the territory of Saltovo-Mayatsky culture, basically in the catacomb burials attributed to alans. S.A. Pletnjeva says, that the axes got the greatest spreading in Alan antiquities of forest-steppe zone of East Europe and in the Ciscaucasian. So, 72 battle axes were found in the Dmitrievsky burial ground in 152 catacombs[11]. The axes of a similar type were met also in the Tarsky burial ground[12]. In steppe sites of Saltovo-Mayatsky culture there are significantly few, moreover, there are no such axes in burials ground at all. However it should be noted, that the complete analogy to an axe from a Lebyazhinka the authors were not a success to find.

2. The iron tips (3 copies (fig. 3,5)) baked themselves in to one piece, their shape is established hardly. Tips, apparently, apply to the Gnyozdovsky type. They are the same flat leaf-shaped tips without an emphasis on all visibility. The length of each tip is 6,5 cm, the length of the head is 4 cm, the maximal width is about 2,5 cm. It is interesting to know, that the finds of arrows in burials are met rather rarely on the territory of Saltovo-Mayatsky culture and in the Novinki complexes, and they are basically of three-bladed shape[13]. The similar flat tips are available in the barrow burial "Gold Niva" in the Samara Povolzhje[14], they are frequently found in the complexes of madjar circle as on Danube[15], as in the Kama Region[16], in barrows of Bashkiria[17]. More often the mentioned complexes have contained the one or two tips, occasionally up to 10[18]. Probably, to put the individual tips in burials of this circle was a symbolical replacement of the complete quiver of a set.

3. The iron two-compound horse-bits (fig. 5). Their ends are unchained in round rings, its diameter is 4-4,5 cm, free connected with the double flatted rings - cheek-pieces. Iron is strong corroded. The length of a link is 11 cm, the diameter of rings are 2,5 and 4,5 cm, the diameter of connecting rings is 5 sm. An imprint of a fabric is traced on some parts of bits. Probably an iron-corroded core found in the burial has been a part of a cheek-piece or actually a simple

cheek-piece-rod, similar to which were found particularly in the Dmitrievsky burial ground[19].

The similar bits were widespread in steppes in the end VII-IX c, however in the Novinki complexes of the Samara Bow and in the Saltovo burials they are met rather seldom[20]. In the Bashkir antiquities such bits are met more often[21]. But there were prevailed the bits with S-shaped cheek-pieces. Similar bits are known in the madjar complexes on the Danube[22]. Both in madjar burials on the Danube and in the Lebyazhinka burial the bits are a symbol of putting a horse in the grave of the owner, whose life was closely connected with a horse[23]. The similar detail of a ceremony was met in the Tankeevka burial ground. There as a rule bits were also founded at the legs of the deceased[24].

4. **The iron loop** (of quiver?) is strong corroded (fig. 3,6). It was made of an iron bent bar, which ends were unchained. The height and the width are 4 cm. The pins of fastening in lugs of a loop are traced. The analogies to that are not known in synchronous burials on other territories.

5. **The bronze bracelet** has the oval shape It was formed of thick hexahedral section rod with not close ends (fig. 3,3). The sizes of a bracelet are 7,73x5 cm. The entire external surface of the bracelet is decorated by three lines of a circular ornament. The section's diameter of a rod is 0,67 cm. The bracelets of a thick rod, more often round or semicircular in section have been met in the Volga Region since the end of VII c.[25] However the only bracelet with the same ornament was revealed only in the Bolshie Tigany burial ground[26], they are seldom met in Bashkiria barrows[27]. Judging by the publications the similar decoration is not known in other regions. The bracelets spread on territory Saltovo-Mayatsky culture have a round shape and hexahedral section of a rod (the diameter is 4 mm). They are usually of a 1 round shape, sometimes the ends of bracelets are ornamented by notching[28]. Apparently the degree and character of an ornament are there chronological attributes.

6. **A cast finger-ring** is made of low-standard silver. On its oval panel the glass insert of violet colour is strengthened by four fastening lug (fig. 3,1). The sizes of the ring are 2,8x2,0 sm, sizes of the oval insert - 1,3x1 cm.

Finger-rings there are similar to ours, but made mainly of bronze (type 1 by S.A. Pletnjova), dated by the end VIII- first half or all IX c, are met on sites of Saltovo-Mayatsky culture[29]. They are also found in complexes of the end IX c. on the territory of the Romensky culture in the Dniper Left Bank[30]. The similar finger rings are known in Old Ladoga as the artifact of the oriental importation trade[31]. Sometimes the same rings are named after "Saltovsky". We have already written about a legitimacy of using of this term[32]. It is a fact that the finds of the finger-rings of such a type were few on the territory Saltovo-Mayatsky culture, and they were not of a conducting type there. At the same time, as far as it is possible to judge by the publications, this kind of adornment the only and widespread both in the Bolshie Tigany burial ground in Tatarstan and in the burials IX-X c. of Bashkiria[33]. Three identical rings were found at once in the Palimovka burial in the Orenburg area dated by IX c. correlated with the site of madjar circle[34]. The same ornaments are known also in Pannonja[35]. Unfortunately, the fractional chronology of finger-rings of this type is not jet worked out. Probably, the shape of a panel and the sizes of the fastening lugs are there chronologically impotant attributes.

7. **A fragment of a cast earring** of a Saltovo type (fig.3,2). The earring was made of low-standard silver. The quality of moulding is rather bad. The ring of an earring is broken off, but its shape may confidently be reconstructed as an oval one. The width of a ring probably was 1,1 cm, the height could be 1,5-1,6 cm. In the middle side part of a ring there was a bulge in a form of a bead. The size of the lengthened pendent with the 4 bead is 2,5 cm. The diameter of the first three balls of the pendent is 0,4 cm, the last one is 0,6 cm. The length of the survived part of the earring is 3,1 cm, the reconstructed sizes are 3,6-3,7 cm. It is important to note, that on the territory of a Samara-Simbirsk Povolzhjie. where 26 copies of earrings

of early Saltovo (of Khazar types) are known, the Saltovo cast earring have not been met. All the earrings, found in the region before. differ from those that were found on own Saltovo sites dated back to the end VII-first half VIII c.[36] The earring from Lebyazhinka, though it was not survived completely, is dated to IX c. by its technological and morphological features, and has the wide analogies in the sites of Saltovo circle, as well on the territory of the Middle Volga (the Bolshie Tarhany and Tankeevka burial grounds). This earring marks an arrival of the other population in Samara Povolje as in comparison with the Novinky group. It is necessary to note, that the presence of one earring at the right part of a skull was a characteristic detail of man's burials in sites of the Hungarian circle[37]. Thus the carried out analysis of the artifacts has shown that the Lebyazhinka burial can be dated back to the second half of IX c.

If such dating of this complex is accepted then it will be necessary to explain who had left it.

The nomads, which the Samara researchers traditionally connect with early Bolgar, are excluded from the probable applicants. The Novinky burials investigated in the Samara Bow are dated to the period up to middle of VIII c. The complexes, which can be dated back to a boundary of VIII-IX cc, and especially to IX c, are individual and differ from basic ones[38]. At that time the territory of the Samara Povolzhje lai desdate.

The rarity of complexes IX c. in the Samara Povolzh'ie can be explained if we take into consideration the assumption of some researchers that summer nomad camps were situated only from the last quarter of I millennium A.D. in the Middle Volga, but for winters these groups moved to the steppe areas of adjacent of Aral Sea, the Ciscaucasian and the Black Sea Littoral[39]. Individual archaeological complexes date back to the end of VIII-X c. in adjacent of Aral Sea (in particular, a burial from the Atpa II burial ground in the Aktyubinsk area) really has affinity to synchronous complexes of Bashkiria and the Kama Region[40]. The analogies are rather numerous in Alan complexes of the Ciscaucasian[41].

However the hypothesis that the nomads of the Middle Volga were at the stage of simple nomadic life cannot explain the presence of the large burial grounds on territory of the Kama Region and the Urals, correlated with madjar ethnic group. The Lebyazhinka burial is close just to these sites. The analogies of the grave goods and the details of a funeral ceremony testify about blood ties between the population that had left the Lebyazhinka burial and well-known sites of the madjar circle. There is a coincidence of the set and the character of accommodation of the grave goods, of a burial hole construction, of the presence of a sacrificial complex in headboard burial and of other details. And though the south-east orientation of a Lebyazhinka burial is not typical for sites of the madjar circle, where western orientation of burials prevails, however both in the Bolsie Tigany and in the Tankeevka burial grounds the east orientation with seasonal deviations met almost in 10 % of burial[42]. It is interesting, that the anthropological supervision, carried out by Samara anthropologist A.A. Hohlov, has shown that the Lebyazhinka burial has the best correlation just with the Tankeevka burial ground which has other close criteria.

Most probably a small number of complexes of IX c. was conditioned by the boundary character of the Samara Povolzhje which is situated at the turn of steppe and forest-steppe zones. Just here many isolated burials have been found (burials at the section double track near Nemchanka, at 116 kms of Kuibyshev, Palimovka and Romashkino). In these burials, both in men and female's ones there is of a similar set of funeral stock. Silver adornments were sure to be in them: the finger-rings with four lugs and the breckets. The weapon as a sabre and tips, details of horse harness were typical for men's burials. Besides Abbasid coins of VIII c. have were found in the Palimovka and Romashkino burials. The Lebyazhinka burial is the most northern complex in this group and situated already in forest-steppe zone.

All listed burials were casually found and only the Lebyazhinka burial was excavated by the archaeologists. The significant area ex-

cavated on the site (1500 sq.m.) allows asserting that it is really a single burial but not a separate one in the large burial ground.

Earlier we have already joined to V.A. Ivanov's opinion. He connected this burials with "a madjar way on West"[43]. This opinion is confirmed by the fact that this type of complexes all known for today were located compactly in the eastern part of the Samara region and in the western part of the Orenburg region. They were the single burials accomplished on a significant depth (about 1 m). The situation of this kind could arise due to fast movement of many people through a strange land where they were not assumed to come back, hi the same-dated burial grounds of Tatarstan (Bolshie Tigany and Tankeevka) the number of burials is measured in hundreds. It is quite possible, that the population that has left the Bolshie Tigany burial ground and burial grounds similar to it, was the very group, which made the mentioned migration to the West through areas of the Samara Povolzhje[44]. However an appearance of new complexes allows, though with caution to being as the assumption, that they were not necessary connected to a short-term road of migrants, and could belong to the Hungarians, who stayed in the Middle Volga. It is possible, that these madjars appeared under the name of the nomads - bashkirs, whose Ahmed ibn-Fadlan, the secretary of embassy Baghdad khalif to king of Bolgar, met in the Samara region in 922.

АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа. – Л.
ПАДИУ – Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.
СА – Советская археология – М.
САИ – Свод археологических источников. М.

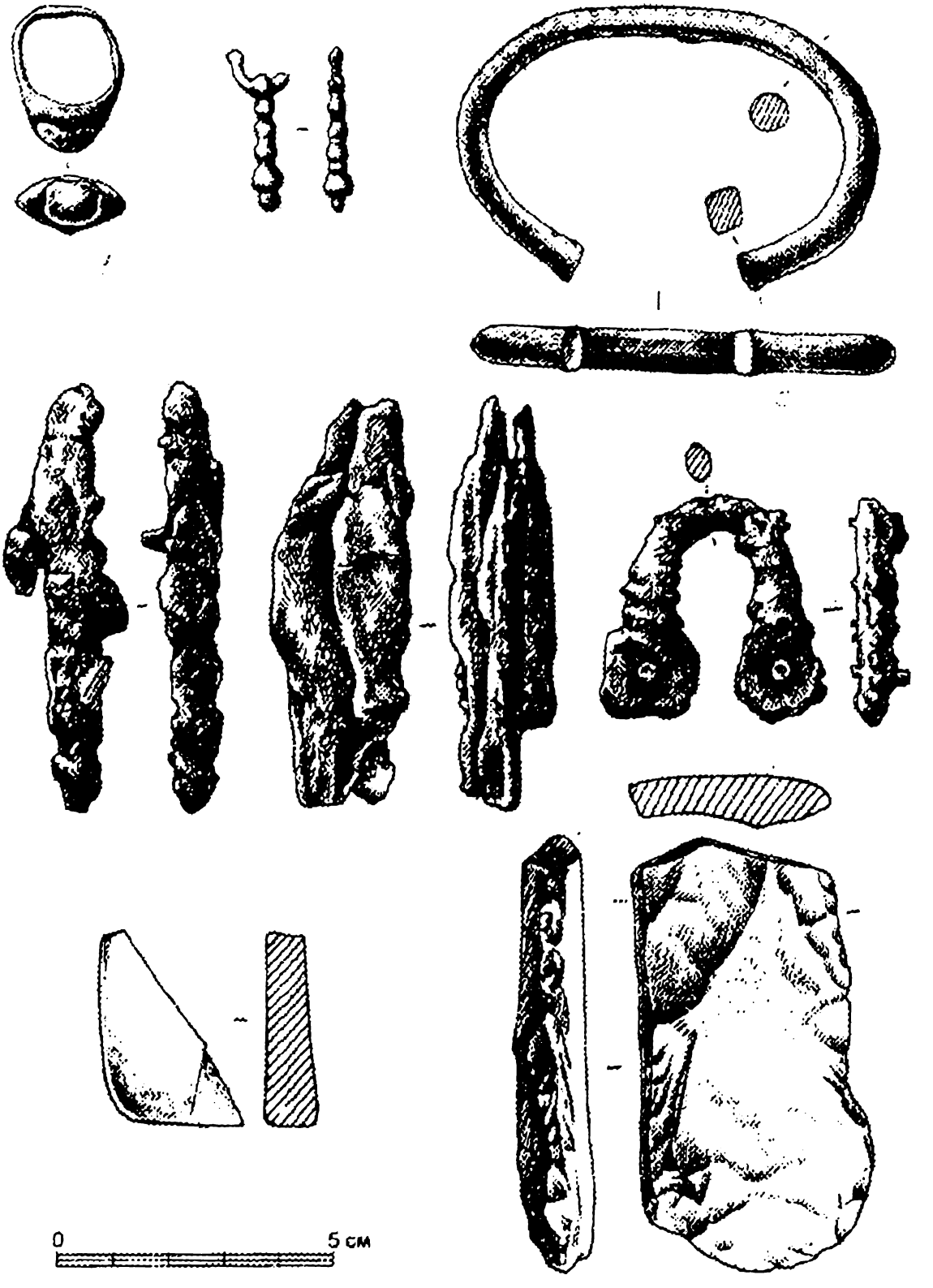

Fig. 3

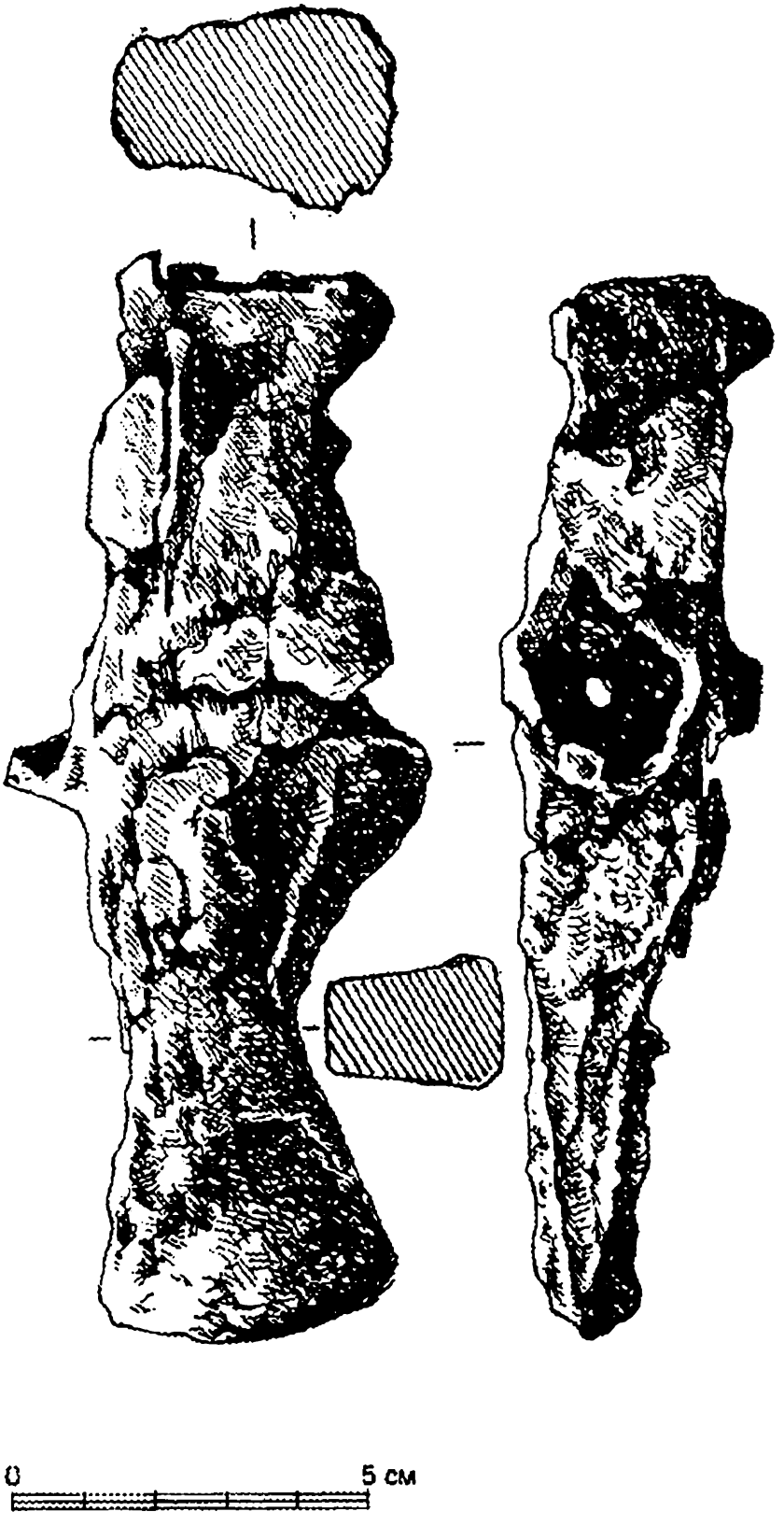

Fig. 4

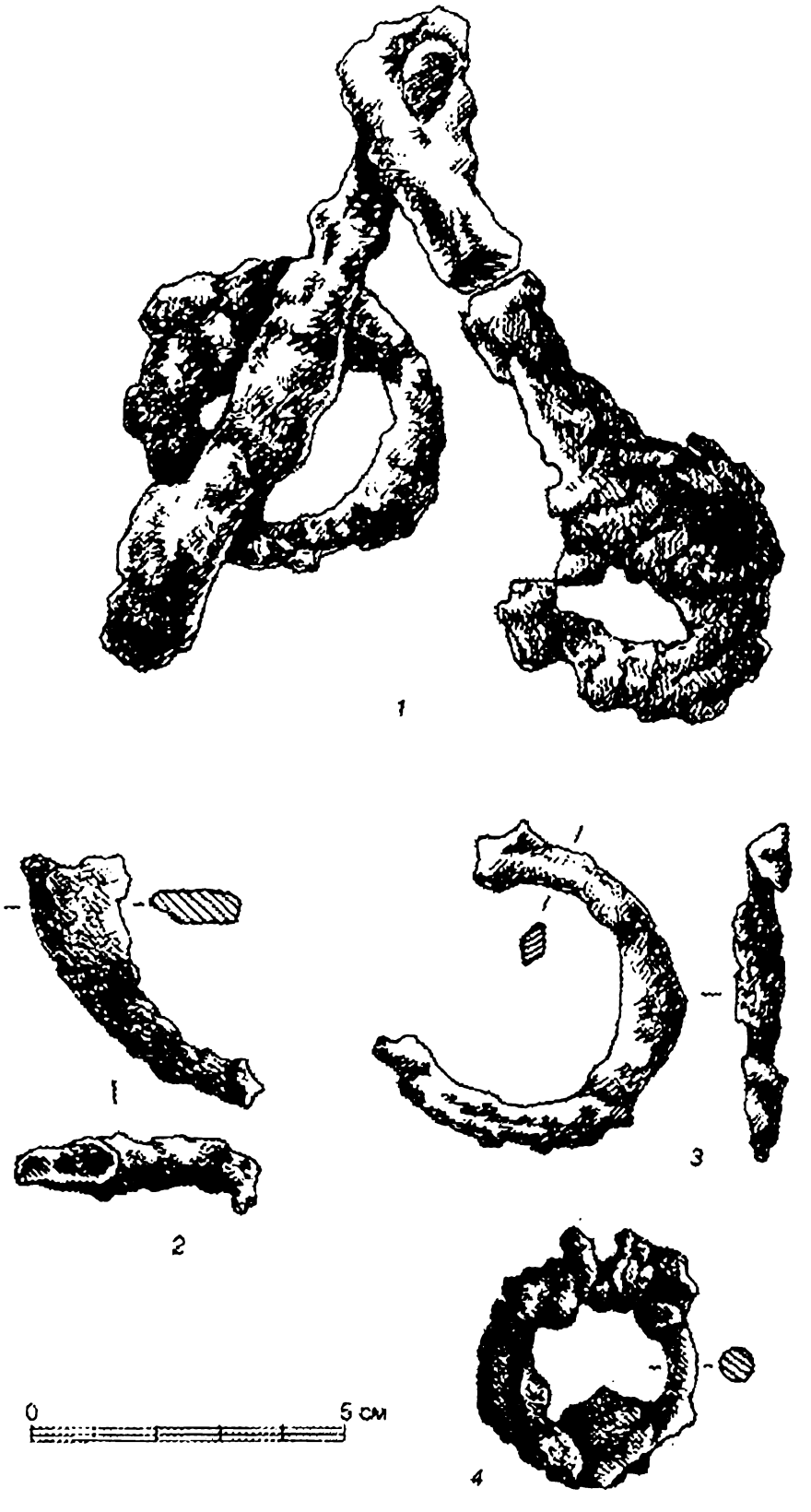

Fig. 5

[1] **Васильева И.Н.** Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // *Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979*; **Перепелкин С.В., Сташенков Д.А.** Палимовское погребение // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996*; **Матвеева Г.И.** Погребение VIII-IX веков в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. - Куйбышев, 1976. – Вып. 1; **Матвеева Г.И.** Погребения VIII-IX веков у разъезда Немчанка // *Древности Волго-Камья. – Казань, 1977.*

[2] **Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие // *САИ - Е1-36. – М.-Л., 1966. – Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX – XIII вв.* – С. 33, фиг. 6.

[3] **Измайлов И.Л.** Вооружение и военное дело Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань-Магадан, 1997. С. 96.

[4] Там же.

[5] **Матвеева Г.И.** Могильники ранних булгар на Самарской Луке. – Самара, 1997. – Фиг. 114, 4.

[6] **Chalikowa E.A., Chalikow A.H.** Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). – Budapest: Magyar Nemzeti Muzeum. 1981. Taf. 28, 6.

[7] **Халикова Е.А.** Погребальный обряд Танеевского могильника и его венгерские параллели // *ПАДИУ. – М., 1972.* – С. 149.

[8] **Барта А.** Истоки венгерской культуры IX в. // *ПАДИУ. – М., 1972.* – С. 118.

[9] **Мажитов Н.А.** Курганы Южного Урала. – М., 1981. – Фиг. 26,13; 41,11,14; 50,12.

[10] **Святкин С.В.** Относительная хронология мордовских боевых топориков-чеканов VIII-XI в. // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998.* – С. 260, фиг.2.

[11] **Плетнёва С.А.** На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М., 1989. – С.74.

[12] **Кантемиров Е.С. Дзаттиаты Р.Г.** Тарский катакомбный могильник VIII-IX в. н.э. // *Аланы: история и культура. Аланика -III. – Владикавказ, 1995.* – Таб. VI, 37; XII, 1; XV, 6; XXXVI, 5.

[13] **Плетнёва С.А.** Указ соч. – С. 71; **Багаутдинов Р.С., Богачёв А.Б., Зубов С.Е.** Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – С. 26.

[14] **Васильева И.Н.** Указ соч. – Фиг. 4, 20-23

[15] **Эрдели Л.** Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. // *ПАДИУ. – М., 1972.* – С. 138; **Nandor Fettich,** Adatok a honfoglalaskor archaeologiajahoz // Archaeological Ertesito. 1931. - P. 32, 53, 57.

[16] **Казаков Е.П.** О некоторых венгерских аналогах в вещевом материале Танеевского могильника // *ПАДИУ. – М., 1972.* – С. 167.

[17] **Мажитов Н.А.** Указ соч. – Фиг. 10,22; 21,3; 57,16 и т.д..

[18] **Халикова Е.А.** Больше-Тиганский могильник // СА. – 1976. – № 22. – С. 173.

[19] **Плетнёва С.А.** Указ соч. – С. 81.

[20] **Багаутдинов Р.С., Богачёв А.Б., Зубов С.Е.** Указ соч. – С. 26; **Матвеева Г.И.** Указ соч. – Фиг. 1, 16, 2.

[21] **Мажитов Н.А.** Указ соч. – Фиг. 10,20; 29,4; 38,24.

[22] **Nandor Fettich,** Указ соч. – P. 57, 74, 78.

[23] **Балинт Ч.** Погребения с конём у венгров в IX-X в. // *ПАДИУ. – М., 1972.* – С. 177.

[24] **Халикова Е.А.** Указ соч. – С. 144, 149.

[25] **Багаутдинов Р.С., Богачёв А.Б., Зубов С.Е.** Указ соч. – Фиг. 18,29-31; **Матвеева Г.И.** Указ соч. – Фиг. 124,19-23.

[26] **Халикова Е.А.** Указ соч. – Фиг. 5,8.

[27] Археологические памятники... История и культура Башкортостана. – Уфа, 1996. – Вып. 6. Археологические памятники Башкортостана. Таб. 15,11; **Мажитов Н.А.** Указ соч. – Фиг. 44,8; 56,5; 60,8.

[28] **Плетнёва С.А.** Указ соч. – С. 114-115,Фиг. 60; **Кантемиров Е.С. Дзаттиаты Р.Г.** Указ соч. – С. 271.

[29] **Плетнёва С.А.** Указ соч. – С. 115, Фиг. 61,1; **Кантемиров Е.С. Дзаттиаты Р.Г.** Указ соч. – Таб. XXX, 2-7; Hainrih A., ibid., tab. XIX, 5-6; XXV, 8-9; XXIX, 1-2.

[30] **Сарачева Т.Г.** Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII) // *История и эволюция древних вещей. – М., 1994.* – С. 92, фиг. 6,18.

[31] **Давидян О.И.** Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII-IX в. // *АСГЭ. – 1986. – Вып. 27.* – С. 101, фиг. 2,2.

[32] **Перепёлкин С.В., Сташенков Д.А.** Пальмовское погребение // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. – Самара, 1996.* – С. 202-203.

[33] Chalikowa E.A., Chalikow A.H. Ibid. – Tab. I, 9; HIB; IV, 31; VI, 29; VIE, 9 etc.; **Мажитов Н.А.** Указ соч. – Фиг.. 38,7; 44,12; 51,15; 63,2.

[34] **Перепёлкин С.В., Сташенков Д.А.** Указ соч. – С. 202-203.

[35] **Nandor Fettich,** Указ соч. – P. 32,8; 51.

[36] **Сташенков Д.А.** Об одной группе ранневенгерских украшений Самаро-Сибирского Поволжья (серьги салтовского типа) // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии): тезисы докладов. – Самара, 1997.* – С. 60-64.

[37] **Халикова Е.А.** Больше-Тиганский могильник // *СА. – 1976, – № 22.* – С. 162.

[38] **Багаутдинов Р.С., Богачёв А.Б., Зубов С.Е.** Указ. соч. – Таб. XIV-XIX.

[39] **Кузеев Р.Г.** Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. – С. 50-51.

[40] **Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю.** Средневековые погребения с территории Актюбинской области // *Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996.* – Фиг. 3.

[41] См., например: **Хейнрих А.** Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского естественно-исторического музея) // *Аланы: история и культура. Аланика -III. – Владикавказ, 1995.*

[42] **Халикова Е.А.** Погребальный обряд Танеевского могильника. – С. 148.

[43] **Иванов В.А.** Урало-Поволжская часть мадьярского пути на Запад // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. – Самара, 1996.* – С. 192-196.

[44] **Перепёлкин С.В., Сташенков Д.А.** Указ соч. – С. 204.

Vladimir A. Dmitriev,

The Change of Spacemeaning during Transition from Nomadic's Living Style to Settled's Living Style

The system approach assumes the study of phenomena of culture in view of connections of them with environment. One of compulsory attributes of environment are its space organization, principles of which are introduced on the part of person, and hence differ by cultural features.

The being present cultural space break down on real space with zone pragmatically and ritual, the space perceiving by individuals and conceptual space (representation about space, inherent ethnos or local culture).

In conceptual space exists so named "pattern of university", that is, system world outlooking organizations of worlds and outline meaning of physical features of environmental space, used by culture the to system of spacemeaning relates to area so named "of folk experience" and exists as rule of reference with space and its characteristics: isomorphology, topology, dimension, orientation, step-type behavior. As a rule, mentality of ethnos, similar rules produces on level of unconscious, and their study is reconstruction by technique. Its base is the space matrix of culture, determined by accommodation residential and active of space.

Spacemeaning, obviously, is not ethnical by characteristic, and is connected predominary with living style. Than higher taxon level of the unit of activity, especially appreciably the distinction in principles of space meaning, therefore the attitude to space at no made

and at settled people of inhabitant should be distinguished considerably.

The shift of living style means the change of spacemeaning. Typologicaly the similar process should happen and at process of having to settle, irrespective of its reasons.

From works E. Wasilewski, S. Weinstain, C. Humphuy, N. Dzykowskya, S. Klastorny, O.Potapov, J. Winnikow the model of space nomade is presented enough precisely.

In base of model the representation that for nomad receive the yurta as - micro world, model University; oriented on cardinal points, possessing semantic sectors (right - left-hand, male -female, honorary – non-honorary, and others) and vertical axis. The fireplace in centers of yurta - space center, and environmental space is organized on dynamic principle.

So the space concentrates to dwelling or group of dwellings. However this principle is universal for nation of various living style, that is connected that the dwelling represents the most zone ordered by person world of chaos (A. Leroi-Gourhan). Universal are also the principles of streamlining, showing as the specification of activity in space, designation of its elements and endowing of them by metrological features.

The space inside of yurta has high functional and semiotic significance, it is limited and posses a structure. The restriction is proceeded skeleton, consisting from lattices (4-6-8 and more), skeleton from poles and top vault with aperture for smoke, additional rush mats and felt coverings. Toming of yurta is broken by door opening and aperture above. The series ritual of actions existed for^re^storation torning of dwelling: any communicative ~~certificates~~, transmission of subjects, looking through the aperture above were prohibited.

It were probably the any of rule for transitions through door for "the", but it is known, that "another's", figure entering to Mongol yurta, have touch by hand to lintel of the door, left for threshold the

weapon (if it male), made the series of actions, among which the bypass on direction, according to sex of visitor, paj^ofinternal perimeter, it was restoring infringing line of ^yurta's perimeter.

In door opening, predominary in top were placed amulets, distinctive features of which were the availability of attributes the "iron" and "point".

To based pier of yurta was added pole (in Turkic and Mongolian languages named "bagana"), on which relied top rim. In semiotic sense it existed as the part of vertical axis of world. Bagana follows to understand as visible the designation of axis, as is real this vertical passed through the chimney aperture. The metric of yurta, as far as it is known, in details was not investigated. The data, that at turkic peoples its part are measures by scope of hands is present. Usually the size top rim came nearer to this measure, as it is testified the by materials from assemblies of Russian Ethnological Museum. Basic poles of skeleton are arranged through one wise. The height of lattices and stakes, including in structure of walls was compare with hight of human growth with raised hand (1,9-2,2 m).

In sizes of yurta on horizontal line the measured modules more than likely were not applied, as its space was subject to topological principles of organization, basic on social base. The main center of was the fireplace, having form of circle with diameter 0,8-0,9 m. For fireplace was the honorary location, location of chapter of family. On its left-hand was the female half, on right - male was. The Mongolian type of orientation required, that enter yurta was with south, and honorary part the northern half of yurta was. Originally Turkic peoples oriented yurta on west (Bartold). Around of yurta was the zone mastering, at Mongolian peoples this zone was marked two points: one on south, south-east - in 5-6 m from yurta (the horse-tethering post) and second on north, north-east-in 10-12 m from yurta (the enclosure).

For last point the zone of external space began, where the rest is not present, and the movement is present, where the dynamic principle of development of space dominated. This zone or marks the sepa-

rate subjects of space, or was marked the movement. The marks of district was made by artificial formations, with menghirs (vertically of delivered stones), "obo" (cairns). To number of artificial labels was possible to be attributed and the stone drawings.

The other way of marks of points on districts was toponymy, verbal designation the descriptive attributes of district and its places.

The movement was marked by ability to locomotion of means of transport (at nomad practically is not present the reference to valuations of movement of person) range of shot, as well as comparison of duration of movement with duration of any of process, important in stock-breeding economy.

The main measures of movement were one piece of way (that is, transition from one installation site yurta to other) and one day of riding. Whereas the space was not marked on external borders, and was identified in frameworks of established traditions as "the" and "anther's one". The one more type of applied the grid of coordinates, possessing also in base radial-vector the principle has arisen.

This way is possible to be named social-metric, as it was determined by social structure of nomadic society. According to this structure in its center is the separate family (yurta) or community, including in circle more large social units, down to horde, military-economic association.

Thus, the model of nomadic spacemeaning appears as the zone of stability, consisting from two concentric circles, presenting or yurta with its nearest environment, or camp with leader's yurta in center and usually is moving on routine route. The Environmental space is marked in separate details and the existence is blocked system of coordinates, possessing mental origin.

At the same time the static zone in nomadic space meaning on relation to external world is in defense of position, the form of circle, which the lay-out yurta or nomadic's camp is subject. (It is known, that the circle from all geometrical figures has the minimum perimeter).

It is possible to assume, that in process of settling the system spacemeaning of nomad undergo changes so, that at termination of movement the zone of dwelling changes the form, and environmental space receives large order.

Nomadic in the past two Turkic peoples of North Caucasus (Karatchay and Nogay peoples) is doubtless, as well as that in total their images of life has become irreversibly stationary one. At Karatchay people the nomadic elements are part of culture and have the survival nature.

In Nogay culture the nomadic living style was fixed as the norm in past at direct supervision.

The North Caucasian Nogays were genuine successors nomadic of empires Europe and Central Asia, and in XIX-XX centuries presented from self already isolated the groups of population. They are yet in the pre-Russian Period of history of steel go to settling, however change of living style appears as the result of activity Russian and late soviet administration.

Though North Caucasian Nogays in middle XIX the centuries were subjected stronger administrative effect than Blacksea's nogays, the tsars' administration pursued the purpose to transform them in settled. To middle XIX century in Stavropol region the 10 % of Nogays remained nomadic. However traditions of the nomadic mode of life remained strong, and, obviously, the mentality remained nomadic and in soviet time, even on period, following for decree 1926 ("The Rule about continuous and compulsory system of land use in DSSR") when Nogays of steel to use exclusively by stationary dwelling.

In process of settling Nogays have replaced the some forms of dwelling. On early particularly nomadic stage, when they made distant moving, and late, at practice moving on radial routes, dwelling of Nogays were non-sectional wagon on wheels and sectional yurts. The initial stage of settling, beginning in second part of XIX century was noted occurrence semi-dug-out dwellings with erected

overlaps and forward wall, then wattle and clay by house with double-pitch by overlapping and consisting from two chambers and house with porches.

As true characterizes this process S. Gadjieva, Nogays mastered the types of dwellings and building techniques characteristic, for adjacent nations. The following period - at final of process of settling, coincides with increase in dwelling urbanistic features.

On period of nomadic living style on the being present sources lay-out of settlement was circular, and on winter sites yurts were incorporated in circle with wattle-fences. But in XIX century the circular lay-out is replaced irregular and row planning. J. Debu mentions about organization of settlement in case of danger as a quadrangle. Wagons on wheels and yurts thus looked on south. In circular settlement its chief put his yurta in center of group of dwellings, at random lay-out it simply took the best location.

Gradual fastening of location of winter site has an influence on change of attitude to space, which was chosen in places, protected from northern wing (the valleys, channel of dried riverbeds).

Such situation developed, that on winter site remained enclosures for livestock and farm constructions, and yurts at returning with migration were put on former location. The family is usually moved on distance of 10 km (one unit of nomadic way). The disorderliness of lay-out winter-grade settlement existed only in space attitude, as in social - settlement was well organized on a family principle of quarters. New center of settlement is mosque. The mosque occupies the expedient position. In spring mulla, after closing the mosque, left on moving.

The Nogays dwelling of nomadic period existed in kind of yurta - main as residential structure, and in kind wagon - construction on wheels, keeping basically as the premise for fiancée and had being by part of her dowry, prepared father. The large Nogay yurta - "termS - corresponds type of dwelling, characteristic for nomad. Its wall was made by 5-6-8-10-12 lattices [A.P. Archipov, 1850]. The

hoop of cupola had the diameter, close to 1 handscope-span (k'u-latch). Near the fireplace placed in middle and copied the form of circle, characteristic for yurta, set up the space of dwelling in the same order that was described above.

For fireplace the honorary location "to'r" male part at the right ("oyg-bet" - right party), female at the left ("k'azana-yak'-bet" - kitchen part), in front - source part ("aski-bet") is.

Wagon, that is, the yurta on carriage (local term "otaw") has top cupola it of size, and its diameter in one k'ulatch, and its the external diameter was on certificates I. Georgi about 1,5 sazhens (3 m), hight of walls made about 4 ft (about 1,2 m).

The interior of otaw was divided by curtain, closing the location, where was a bride bed.

The many authors thought, that wagon was ancient type of nogays dwelling. If so, space in ideal nomadic variant had the some constantly of relocating centers in kinds of circle with diameter in 2 scopes of hands.

Should basis consider being present in family yurts and wagons, as the separate premises for groups inside of family. As writes S.S. Gadjieva "after evening meal, when men and women eat separately, chief of family with wife and daughters left in the yurta, and in large remained unmarried sons and, if they were, hired workers. In other case elder men and daughters remained in general yurta, sons left in the yurta or for their wagons.

However at Nogays at further settling of them has not taken place "imprinting" of premises yurts in stationary dwelling. Partly semi-dug-out dwellings reminds yurta, only executed in other material, but further way of formation settle planning dwelling went on line of use one-row and one-and-half row of lay-out, that at adjacent of nations correspond with process of segmentation of dwelling and introduction of techniques Russian house-building.

In such dwelling the fireplace, located in one of rooms, was moved from center of premise in distant its corner.

Thus, at boosted transition from nomadic's living style to settle's the deformation of center of mastered space happens. The environmental space is designated as before by names of points of district, in measures of distances preserve the significance the manners of valuation of movie, in especially the distance of moving. With occurrence winter sites the center of space is stabilized, and it is evaluated by radius-vector, measuring by daily trip and distances between moving families (5-10 km). The given distance permitted nomades not to lose the connections between summer sites.

Karatchay, part of Karatchay-and-Balkar ethnie, the Turkic people, as converge various authors, absorb in self alan (VIII-XI century) and at moving in mountain of Northern Caucas Kiptchak (XI-XIV century) legacy. Thus as the conditions of mountain district, as traditions of aboriginal population have determined the inevitability of settling of nomads.

The principles of nomadic facilities be came a part of the system of mounting stock-breeding. In spite of the fact that at Karatchay the maintenance for cattle was by male occupation, at raising on pastures participated women and children, and this event was recognized as the holiday. This fact is possible to be considered as recurrence of nomadism.

At mounting stock-breeding winter-grade pasture could be and in region of settlement, and other locations, including on plane peace but summer-grade pastures were predominant in region alpine or sub-alpine meadows. Therefore stock-breeding space was connected with distant of moving, and part of population, predominant young men, spend the large part of time outside of settlement.

The following feature was the availability at "kosh" (locations of contents of animals on pastures at night) stationary constructions from trees or stone, where the stock, inherent dwelling (the fireplace

stock, small tables, and utensils for probable visitors) was located herdsmen.

Thus the space was marked by seasonal centers, and space which was mastered by associations of several families. Temporary dwelling on pastures because of features of material more often had rectangular lay-out, naturally, these dwelling had one chamber. In XIX century the majority of dwellings of stationary type, being in the settlement, had in base rectangular frame of logs, however remainders of the monumental log constructions, having forms of polygon with elevated by earthen roof, relying on central pole, making were preserved and. The side of polygon was about one scope of hands.

On period XVIII-XIX of centuries at Karatchay existed so named "arbaze" - covered courtyard. This structure consisted of the several of residential houses, farm premises, premises for cattle, worth on circle, court yard in center was blocked. Overlapping had the apertures, called the name the "fireplace", that indicates on their origins. In court yard the important livestock was, the numerous family holidays arrange. The structures include the premises for newly married couple -"otow".

"Arbaze" considered as the variant of houses-citadels, typical for region of Large Caucas, but it is possible to note their similarities with circular planning of nomad's camp, as well as to assume, that the circular arrangement of premises of one family in Karatchay is a variant of realization idea of circle in wooden architecture.

Inside of Karatchay dwelling was the specific detail - basic pole exists, designated by widespread at Turkic term "bagana", but significance's "vertical axis of world" it has not, so it according to Caucasian tradition this sense was attributed of iron chain, which is hanged above fireplace.

The internal lay-out of dwelling provides magic the protection door opening (prohibition of communication through it and accommodation here amulets - iron subjects, coins, pieces of glass and coal and other) as well as role of fireplace as center, organizing internal

space of dwelling. Right (at sight from within) party is considered male, left-hand - female one.

For fireplace the honorary location is. The part. located between fireplace and entrances, refers to as "the door party" ("eshik arty").

Thus it was perceived as the transition from external space to honorary site of interior for fireplace. Latter the fireplace appears is not a center of dwelling, and center of world became the location senior man. This thesis finds the confirmation that at shift of fireplace on stove, the latter frequently appears at forward wall near from entrance.

The refusal from lay-out of dwelling in form of circle, discontinuance of arbaze construction, segmentation shared dwelling in Karatchay culture drop as a whole on XIX the century, approximately on period, when process Nogay's setting were speeded up, on time of beginnings of urban processes. It is possible to be considered as the certificate it, that the attitude to space changed much slower, than the living style changed.

Metrology of traditional Karatchay, known to us on chronological to period of end XIX - beginnings XX of century, reflects concentric of space zones. Their centers are honored zones behind the fireplace of shared dwelling (or living room with stove). This zone on using measures (scope of hands and wise) is not different from of zone of dwelling as a whole. The following zone belongs to economic space, where the area is measured by value of ground and costs on its processing.

Karatchay as stock-breeding people have a very cultivated measures the grass mowing. But at the same time all spaces for beyond the scope of settlement existed as dynamic, that are perceived and measured when someone are moving in it and someone have a comparisons in it of time on moving with duration of other processes. The measures of this can be at Karatchay appears more distinctive in comparison with adjacent nations, but whether their ap-

plications is connected with nomadic by components of origin of culture.

Thus by main attribute of spacemeaning of nomads are: the relocating center of space, possessing form of circle that, whenever possible acts, the kind of system of concentric circles gives to whole space. The settling of nomads conducts to rigid fastening of center of spacemeaning at simultaneous loss them the forms of circle.

Yuri Guguev

A Cuman Funeral Structure with a Wooden Statue on the Southern Bank of the Manych River

In 1997 an expedition of the Archaeological Research Agency attached to the Rostov Branch of the Society for Preservation of Historical and Cultural Monuments carried out the excavations of the Moskva 1 cemetery situated on the flood-land southern bank of the Manych river some 850 m east-north-east of the Vesiolyi settlement on the southern outskirts of the Naberezhnyi (or Moskva) settlement Previously there were several tumuli, yet by the time of the excavation but one barrow had survived flanked on the east and west sides by clay pits (fig. 1, 2)*.

*I would like to thank V. Potapov, director of the Archaeological Research Agency and chief excavator of the site, for his kind permission to publish the said complex.

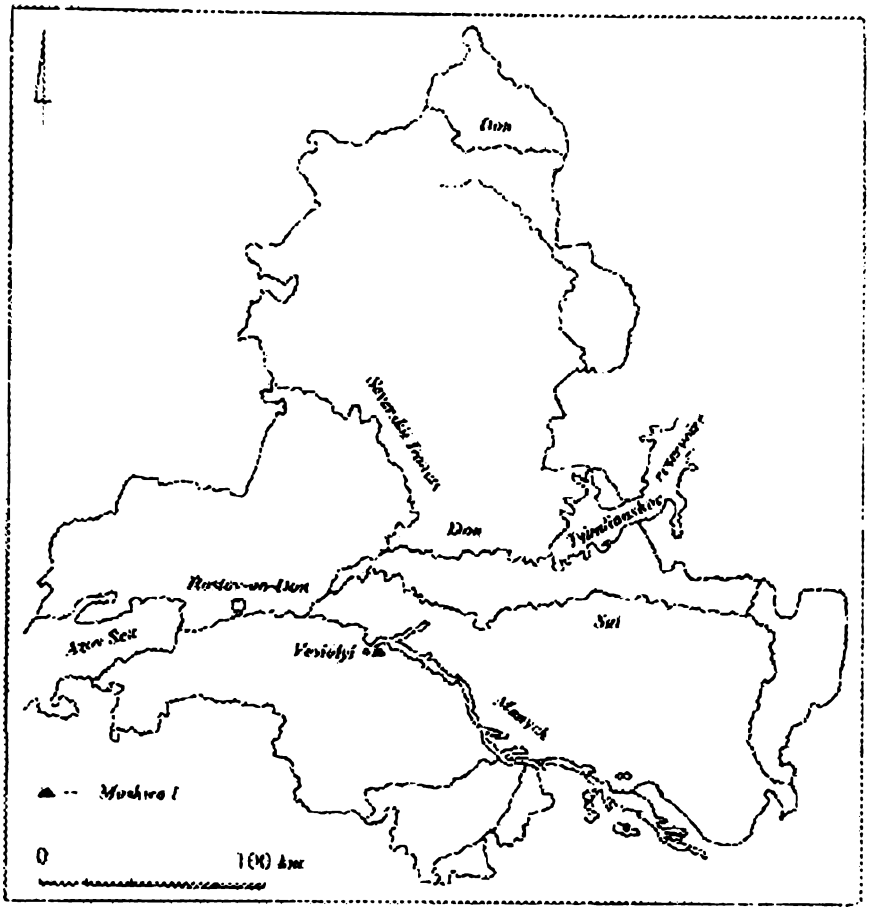

Don
Donetskiy Kryazh
Don
Tsimlianskoe reservoir
Rostov-on-Don
Sal
Azov Sea
Veselyi
Manych
Moskwa I
0
100 km

Fig. 1.

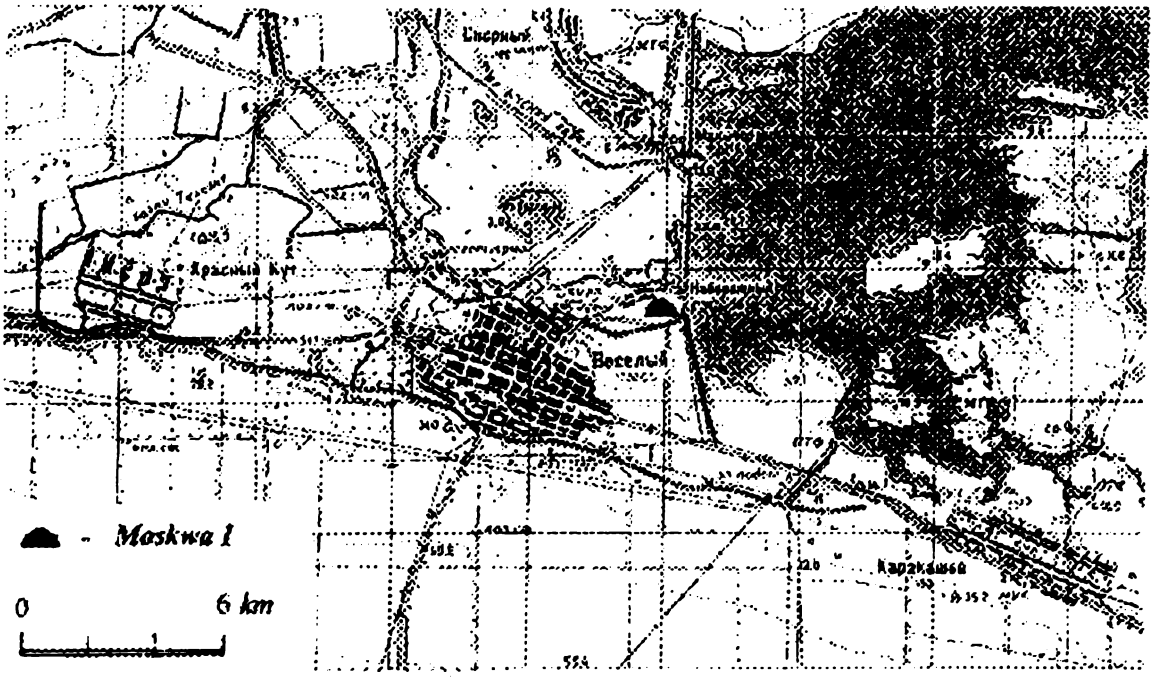

Сиверный
Красный Кут
Веселый
Moskwa I
0
6 km

Fig. 2.

Barrow 1 was oval in plan and slightly elongated latitudinal. It was 35 m long x 30 m wide and one meter high*. Erected in either Aeneolithic or Early Bronze Age it was later banked up. A burial and a Cuman sanctuary were inserted into it in the Middle Ages (fig. 3).

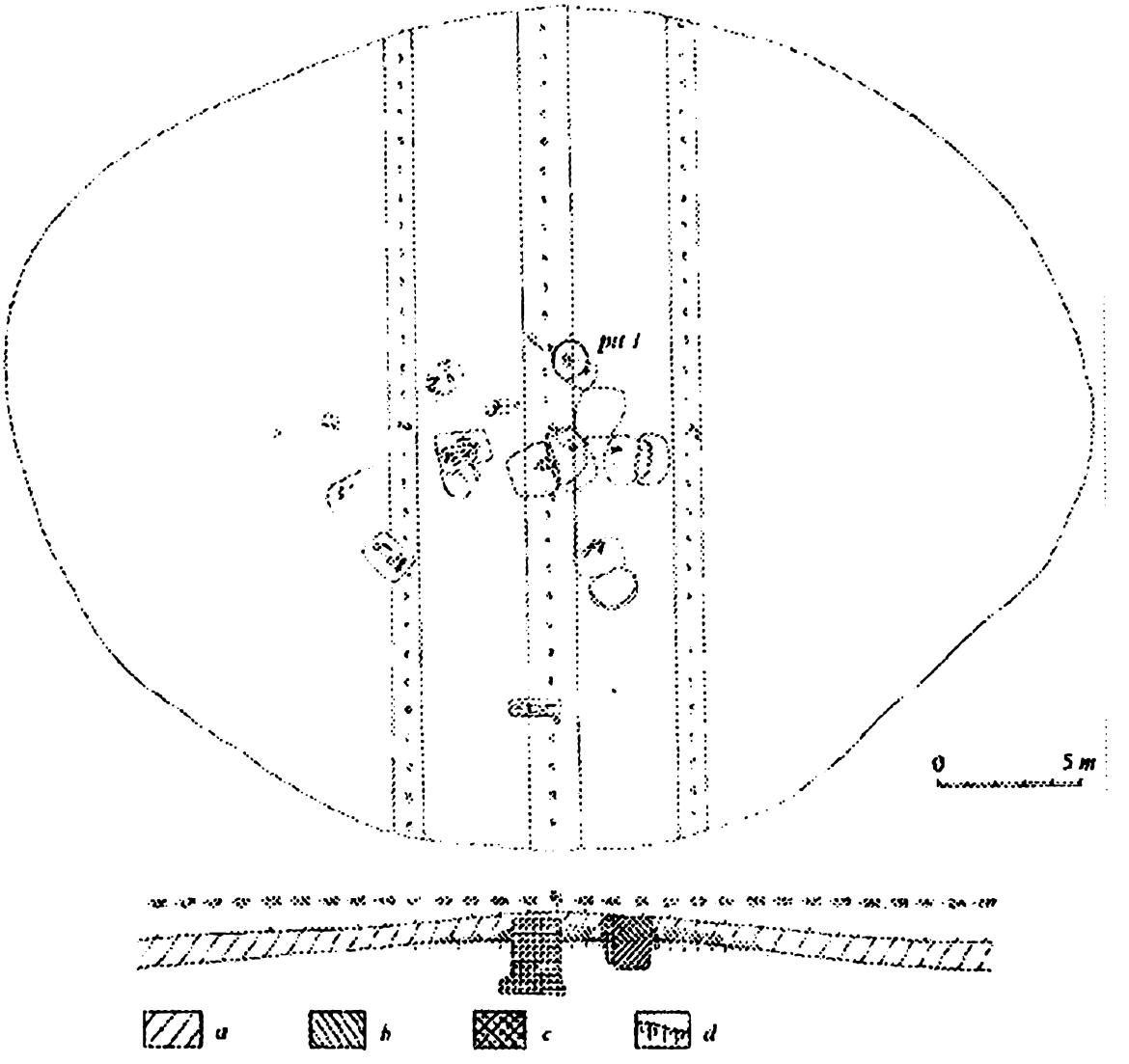

Fig. 3

* According to the locals, the barrow used to be somewhat higher. Indeed, no turf layer was visible in the baulk sections (fig. 3). The uppermost layer of the mound must have been removed before the exploitation of the clay pits.

The sanctuary placed in the centre of the barrow (2.1 m north-north-east of the central benchmark) was a pit 1.94 m deep* cut through the tumulus down to the virgin soil. It was oval, almost circular in plan, and its longer axis lay along the north-south line. The well-preserved walls of the pit, which were slightly widening downwards, abruptly turned into a bottom smoothly hollowing towards the centre. At the depth of 0.8 m it measured 1.35 x 1.15 m, while at the bottom it widened to 1.35 x 1.2 m. It was filled with homogeneous loose dark-brown humic loam - with small inclusions of yellow loam, markedly differing from the surrounding tumulus both in structure and colour. A small meridionally-oriented rectangular hole with rounded corners was dug roughly at the centre of the bottom, somewhat closer to the western wall of the pit. The hole was 0.4 m long, 0.15 m wide and 0.1 m deep in its southern part. In the north-western part of the hole there was a ledge-shaped lowering. There the depth reached 0.15-0.2 m. Some 0.05-0.1 m east of the said hole yet another similarly oriented bowl-shaped hole measuring 0.2 x 0.11 x 0.08 m was dug.

The meridionally oriented hole served as a pocket for the pedestal of an orthostatic anthropomorphic massive wooden statue facing east. Only a fragment of the head or headdress (a wooden "pillar" 9 cm in diameter and 10 cm in length encountered right above the statue at the depth of ca> 0.55 m), a large fragment of the trunk (featuring the right shoulder, chest, abdomen and back) as well as a fragment of the left thigh of the otherwise decayed statue have survived either *in situ* or slightly displaced. Other parts of the statue were imprinted in the filling as a low relief which was hollow at the waist and filled with loose cloddy soil mixed with wood-dust elsewhere. The deeper the pit, the more solid were the imprint walls (fig. 4).

* From here on all the depth measurements are counted from the central benchmark.

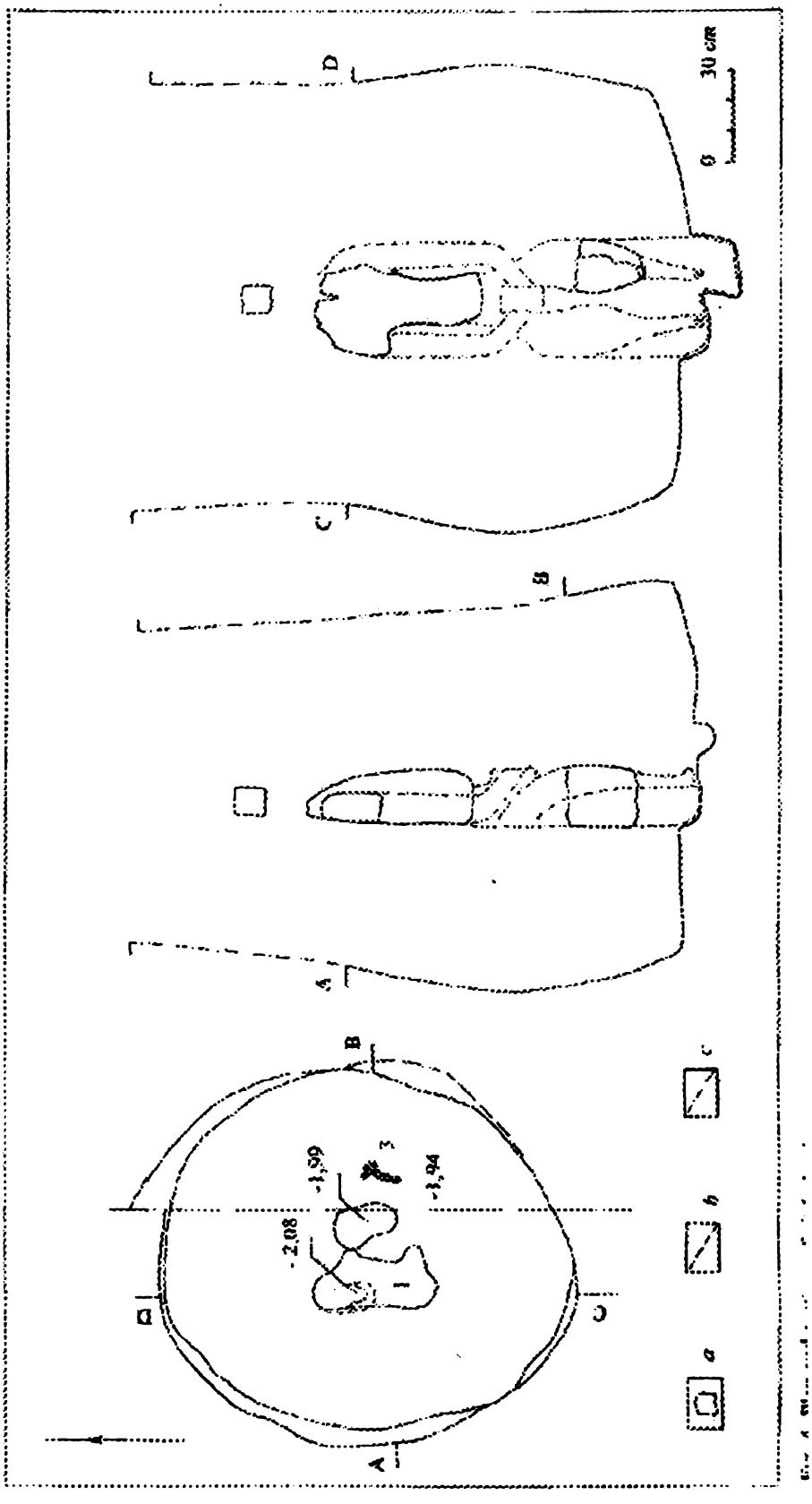

Fig. 4

The modeled in the round statue (fig. 5) was carved in oak, *Quercus sp*[*] and, judging from the lack of breasts on the well-preserved upper part of the trunk, featured a man. The back was flat with a horizontal ledge in the lower part. The arms must have been oval and somewhat X-flattened in cross-section and separated from the trunk with either very deep cuts or\apertures.

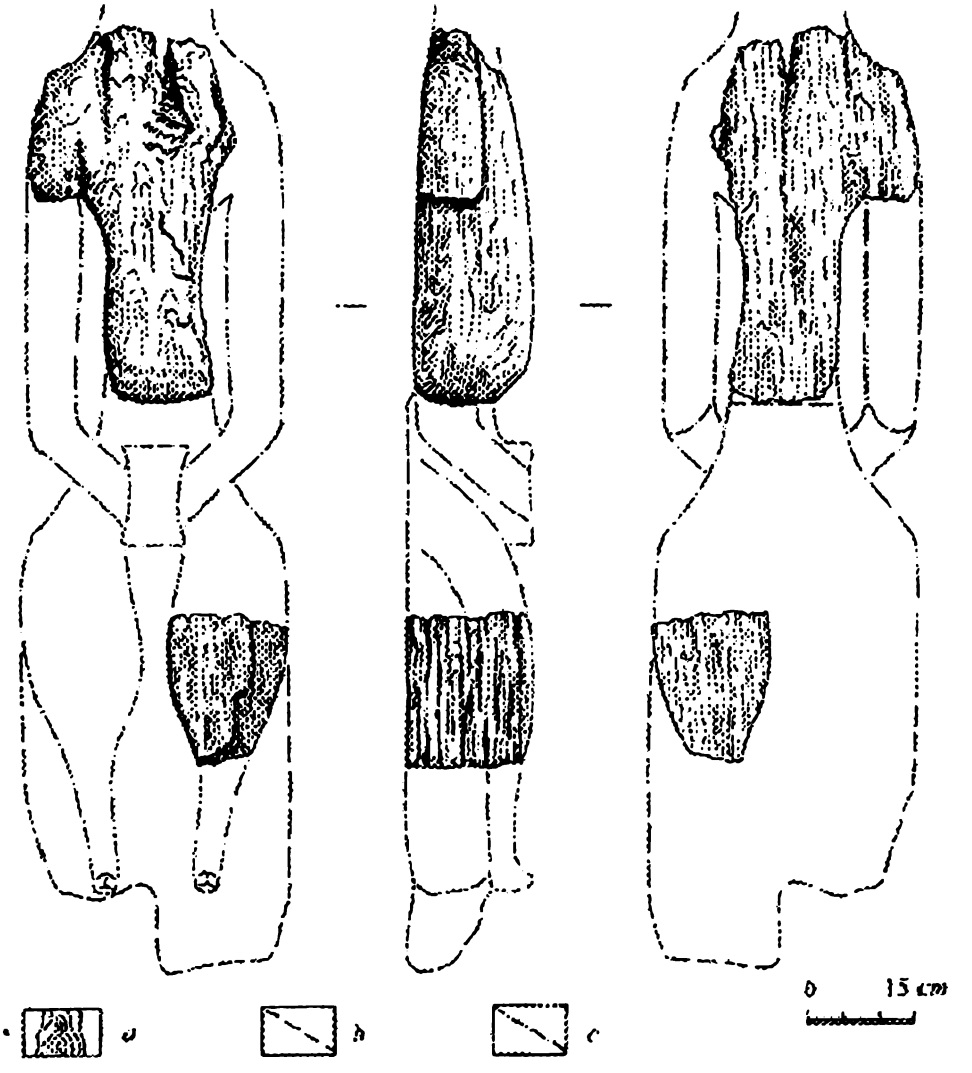

Fig. 5

[*] According to A.I. Semyonov, Research Fellow of the St. Petersburg branch of the Institute for Cultural and Natural Heritage, "the macro-traits of the wood anatomical pattern examined at the cross-section, i.e. pronounced ring-vascular structure with wide heart-shaped rays, imply that the statue from barrow 1 of the Moscow I cemetery was made of oak, *Quercus sp,*"

They were bent at the elbow and held a vessel with a cut-off top under the belly. The legs with wide flattened thighs smoothly turning into narrow shins and the feet with pronounced tips were featured without any support, so to speak, hanging from the pedestal. The pedestal was as wide as the thighs and rectangular in cross-section. Its thoroughly worked base slightly rounded on the front, back and bottom sides was very low and uneven. It hardly supported the right foot of the statue, while the middle part was curved and formed a projection in the area of the left foot*. The overall height of the surviving and traced through the imprint part of the statue was 1.39 m. The figure was 1.28 m tall (measuring 0.06 m from the uppermost part of the trunk to the arms, 0.55 m from the top of the arms to the vessel, and 0.67 m from the top of the vessel to the feet), with the pedestal base reaching 0.11 m at the highest†. The figure and the pedestal were 0.38 m wide. The figure was 0.18m thick at the abdomen level and the pedestal was 0.13m thick.

A small fragment of thin gold foil (0.7 x 0.4 cm) was found in the bowl-shaped hole near the feet of the statue. There was a dark deposit on one of its sides indicative of the fact that the foil had been attached or glued onto some base‡.

---

* It seems likely that the unusual shape of the pedestal was due to the fact that the oak trunk used for carving the statue proved to be too short and the carver preferred to stick to the dimensions and proportions of the figure proper at the expense of a purely functional element of the sculpture.

† Given the lost head, the height of the sculpture must have been more than 1.63 m, which is the distance between the top of the headdress fragment and the bottom of the pedestal.

‡ The fragment could hardly have anything to do with the statue and get into the hole accidentally, since no burial under the same barrow contained gold foil. The foil might have belonged to the lost decoration of the statue. This would not be a unique occurrence. Thus, a structurally similar sanctuary discovered between the Volga and Don rivers (the Novyi Aksai cemetery, barrow 12, excavations of V. Shilov, 1975) yielded a female wooden sculpture with the fingertips modeled with silver foil (1, p. 8,9).

Some 0.08 m east of the hole a rump of a young sheep/goat, 3 years old at the most*, lay at the virgin-soil bottom of the pit. Its lower part was oriented south-southwestward.

Morphologically, the above described sculpture belonged to type 5 according to S. Pletnyova's classification[1]. If the absolute chronology of the evolution of the Cuman monumental sculpture proposed by S. Pletnyova[2] can be relied upon the complex under investigation should be dated to the 12 - early 13 centuries.

Structurally the monument can be related to the so-called pit sanctuaries yielding usually wooden, yet sometimes stone statues. It is situated at the very centre of their area, which, as S. Gurkin has convincingly shown, embraces the lands between the Don and Volga, the steppes on the eastern bank of the Don and southern bank of the Manych as far as the Stavropol Hills, and certain territories on the western bank of the Don with the adjacent shores of the Azov Sea[3]. Gurkin was the first to suggest that these sanctuaries had been short-lived. Leaning upon the data on Kazakh ethnography as well as certain elements of Early Turkic funeral rites, tentatively reconstructed by archaeologists, he referred the emergence of pits with statues to the final phase of wake rites of Eastern European Cumans. The rites were supposed to convey the soul of the deceased, temporarily embodied in the idol, to the nether world[4]. Gurkin and the present author have also cited additional arguments in favour of this explanation. Pit sanctuaries are believed to have served as parting funeral structures for the souls of the run-of-the-mill commoners while those placed at the top of barrows are treated as a kind of temples erected to enable people to worship mighty spirits of such outstanding persons as deified khans, heroes or ancestors for a long time after their death[5].

The stratigraphy of the barrow 1 complex is in perfect agreement with the hypothesis of the short-lived sanctuaries. Judging from its filling, the form and state of preservation of its walls as well as the

* Osteological attribution by Ye. Batiyeva of the Archaeological Laboratory, Rostov State University.

composition and location of the remains of funeral meals the pit with the statue was not left open and gradually filled up by slip from the mound without human interference. The fact implies that the pit was not designed for repeated sacrifices and the statue was buried soon after being erected.

Before being buried the statue was given some food, namely a rump of a young sheep/goat. It is worth noting that this very part of the carcass, the ücha/üzha, is regarded as the most prestigious among some modern Turkic peoples, namely the Altai Kizhi, the Tuvinians and certain groups of the Kirghiz. It is a special treat for parents and guests of honour, mostly elder relatives[6]. During the second wake held for an adult kinsman/kinswoman on the forty-ninth day after his/her death the Tuvinians sacrificed a boiled üzha to the soul of the deceased parting irrevocably from the human world[7].

A striking trait of the complex in question is the presence of a small hole at the feet of the statue. To the best of my knowledge such a detail has not been encountered in Cuman sanctuaries and it is therefore hazardous to offer any interpretation. Certain ethnographic parallels, however, enable one to think of its ritual function. For instance, I. Lopatin, a keen observer of Nanai funeral rites of the early 20 century, noted that "Sometimes the shaman digs a hole before *the fan 'a* (an anthropomorphic abode of the soul of the deceased), pours some spirit and puts some food into if*.

Here one has to do with the intermediate *(nimgari)* and the great *(kaza taori)* wake[8]. The latter was held a few years after the death[9]. As a result, *the fan 'a* and *mugde* dolls ceased to be the abode of the soul going to the nether world and were destroyed[10]. This rite seems to be a direct analogy to the medieval Cuman ritual attested by pit sanctuaries. Thus, the rite performed at the sanctuary of barrow 1

---

* If the cuts had not been deep their traces in the form of low bolsters would have survived on the well-preserved imprint of the back of the statue. Since it is not the case one can safely assume that either the more pronounced bolsters formed by the filling of deep cuts or the earth filling of the apertures just sank down under their own weight.

probably involved not only the ritual feeding of the life substance of the deceased embodied in the idol but also the ritual libation.

To summarize, the complex under investigation was nothing but a funeral structure designed to be short-lived. The rites performed there must have taken no more than a few days or even hours. After that the statue was buried. It seems likely that the carver was well aware of the transience of the ritual and the resulting burial of the sculpture. Hence the manufacture of a statue with a too short and asymmetrical pedestal clearly unfit for a permanent erection at the top of a ~ barrow.

Abbreviations

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР

СА – Советская археология. – М.

САИ – Свод археологических источников. – М.

---

[1] **Плетнёва С.А.** Половецкие каменные изваяния // *САИ. – М., 1974. – Вып. Е 4-2.* – С. 65-68, фиг. 33, 35.

[2] Там же. – С. 69, 70

[3] **Гуркин С.В.** Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // *СА. – 1987.* – С. 100-108, fig. 1.

[4] Там же. – С. 107, 108.

[5] **Гугуев Ю.К., Гуркин С.В.** Половецкое святилище середины XI – начала XIII в. на правобережье Нижнего Дона (опыт исследования семантики культового комплекса). // Донские древности. – Азов, 1992. – С. 128-131; **Гуркин С.В.** Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. – Азов, 1991. – Вып. 10. – С. 103-113.

[6] **Абрамзон С.М.** Киргизы и их этногенетические и этнокультурные связи. – Л., 1971. – С. 146-149; **Потапов Л.П.** Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969. – С. 181-183.

[7] **Потапов Л.П.** Указ. соч. – С. 378, 381; **Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975. – С. 63, 64.

[8] **Лопатин Л.А.** Голды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт историко-этнографического исследования. – Владивосток, 1922. – С. 300, 313-315.

[9] Там же. – С. 310.

[10] Там же. – С. 318.

Sergey G. Klyashtorniy

The Oguzs of the Central Asia and the Guzs of the Aral Region

Some traces of the origin of the Qguz tribal confederation in the Aral region can be found in the historical works of the Islamic writers of the 10th and 11th centuries. Those of Ibn al-Fakih and Gardizi should be distinguished.[1] The authors present the facts in the shape of genealogical legends which connected both the Yictory of the Qguz-Yabgu dynasty in the Aral region and their successful struggle for the "Rain Stone" - a sacred Oguzian symbol of supreme power.

Three rulers, those of the Tokuz-Guz (the Islamic writers used this term to define the Uighurs of the Central Asia as well as their subordinate subjects- the tribes of the Tokuz-Guz), the Karluks, and the Guzs of the Aral region had been struggled for a long time. According to the words of Balkik (a son of a Guzian ruler) transmitted by Ibn al-Pakih, it was Balkik's grandfather who managed to get the "Rain Stone". Afterwards he broke his relations with his father, the ruler of the Oguzs, taking away a part of Oguz people.

Later Tersions of the genealogical legend, ascribed the deeds of Balkik's grandfather to the eponyme hero Gguz Han, remoTing the place of the origin of Oguz Han's state to the western part of D^etisu as well as to Sir Darya basin.[2]

The latter was the reason for some scholars to suppose that the native territory of the Oguzs could be the region of Djetisu, especially the lands adjacent to the Lake Issyk-kul where they began their expansion from.[3] However none of the original sources dating back to the period into consideration, that is the 8-9th centuries, mentioned

the Oguz (Guz) among the numerous Turkic tribes inhabited Dgetisu. In my opinion, the Tery list of the tribes fighting for the "Rain Stone" makes it possible to associate their struggle with the historical circumstances under which the formation of the Uighur Kaganate in Mongolia (745-840) took place.

After the collapse of the Second Turkic Kaganate followed by the short-lived supremacy of the Basmyls the power of Kagan was taken by the Uighur dynasty of the Yaglakar. They pushed their former allies, the Karluks, into the region of Djetisu where only few towns were still under the control of the Turgesh khans.

Hardly had the Karluks gone (747) the Uighur dynasty faced the revolt of eight other tribes belonging to the Tokuz-Gguz confederation. The first stage of the revolt ended in 750 with the defeat of fay Bilgetutuk, the ruler of Sekiz Oguz (according to the Selenga inscription), who was supported by the Tokuz Tatars. Tay Bilgetutuk claimed for the throne of Kagan but was killed fighting with the forces of Eletmish Bilge Kagan of the Uighurs. The new uprising took place in 752-753. However, the head of the rebels Abuz Yabgu failed due to the hostile attitude of the Karluks. During the third stage of the internal struggle (757-759) the Oguzs had managed to get also the so-called "Three Banner Turkic people" (i.e. the Second Turkic Kaganate's tribes subjugated by the Uighurs) as their allies but they were routed again.[4]

Afterwards a considerable part of Oguzian, Turkic, and Tatar tribes had to leave their native lands in Mongolia. The Tatars left for the Upper Irtish where they were to make an important contribution to the origin of the Kimak-Kypchak confederation.[5] The Guzs and the Turks fighting with the Karluks of Djetisu and Altay established themselves in the lands adjacent to the Aral Sea as well as to the Lower Sir-Darya. They had been struggling with the Karluks for possession of IParab (Otrar oasis) and, western Djetisu for a hundred years. According to al-Tabari, the Karluks had kept this region under their control until 812 at least.[6] According to Ibn al-Asir, for

the first time the Guzs (Oguzs) appeared on the borders of Maverannahr in the '70s~'80s of the 8th century.[7]

One of the Runic inscription discovered by myself (the Terhin inscriptio mentions a rebellious tribe called Igder (Igdir) which "was divided" in the middle of the 8th century.[8] In my opinion, this is a direct evidence in favour of the existence of kindred relations between the Tokuz Oguzs of Mongolia, The Guzs of the Aral region, and modern Turkmens. Mahmud Kashgari (the 11th century) mentions among the other Oguz (Seldjuk) tribes the Igders which left for the western direction. Later the Igders was a part of the Turkmen tribe of Tchavdar.[9]

In the Old Russian chronicles, the nomads coming into Eastern Europe were known as the Turks. At the same time, the Byzantine writers called them Uzs (Oguzs). This fact confirms a two-part structure of the confederation of the Aral nomads and reflects the Central Asian past of both the founders of the Oguz-Yabgu state and those of the Great Seldjuk Sultanate, i.e. the Oguzs and the Orkhon Turks.

Сокращения

МИТТ - Материалы по истории туркмен и Туркмении.
СЭ - Советская этнография.

---

[1] **Ибн ал-Факих**, Китаб ахбар ал-булдан / Пер. на рус.яз. (по Мешхедской рукописи) // *МИТТ – М.-Л., 1939, Т. 1.* – С. 41-42; **Гардизи.** Зайн ал-ахбар // ***Бартольд В.В.*** *Сочинения. – М., 1973. – Т. 8.* – С. 153-155.

[2] **Агаджанов С.Г.** Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. – Ашхабад, 1969. – С. 122-123.

[3] Там же. – С. 127-128

[4] **MacKerras C.** The Uighur Empire: According to the T'ang Dynastic Histories. – Canberra, 1979. – P. 54-69

[5] Кумеков Б.Е. Государство кимеков IX-XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972. – С. 41-42.

[6] **Кляшторный С.Г., Султанов Д.Ж.** Казахстан: Летопись трёх тысячелетий. – Алма-Ата, 1992, – С. 116-117.

[7] **Бартольд В.В.** Гузз // ***Бартольд В.В.*** *Сочинения. – М., 1968. – Т. 5.* – С. 524.

[8] **Klyashtorny S.G.** The Terkhin Inscription // AOH, *vol.XX%$/XXTII.* pp. ^4-5 34-9

[9] **Толстов С.П.** Города гузов // СЭ. – *М., 1947.* – *Т. 3.* – С.79.

V.I. Matushenko

The Sargatka Antiquities of Omsk-Irtysh Area in Culture System of Early Iron Age of West Siberia Forest-Steppe

The Sargatka Culture of West Siberia forest-steppe is well known. Rioh literature about the Culture was produced in many countries of the world. We'd like to mention the main publications: N.V. Polosmack (1987), L.N. Khoriakova (1988), V.A. Moghilnikov (1992), N.P. Matveeva (1993). Many problems of the population history of the Culture have been settled or are being settled.

The Sargatka Culture is located in the West Siberia zone of Omsk Irtysh territory, middle Tobol river zone and Barbara steppe. A special local pattern of the culture is revealed in each of these regions. The culture period is determined between V c. B.C. and II(III) c. AD. The population which has left the Sargatka's relics was basically cattle-breeding (cattle horses), some early agronomy was known at that period. Hunting and fishing played a definite role in the life of the population. Metallurgy was rather developing.

Social development of the people was characterized by fast collapse of primitive-tribal relations and tribal-clan chiefs' ascent, where a special role was given to the warriors-bogatyrs (epio-heroes).

Here the author is going to attract attention to a number pf questions which are worth mentioning in connection with the finds at the area of Sidorovka village of Niessne-Omsk region at right bank of Omsk Irtysh area in 1986.

First, we'd like to give certain information about the burial ground. Some publications were made, but we'd like to mention them here[1].

The burial ground near Sidorovka village is a part of a large group of barrows of Sargatka culture of Omsk Irtysh area[2] there are some tumulus burial places in the dispersion of villages Isakovka, Bogdanovka, Strissevo, Bbvobologne and others explored by V.A. Moghilnikov, A.I. Trufanov, L.I. Pogodin and the author for the last two decades. In 1986 five tumuli of the Sidorovka group of barrows were investigated. Tumulus I was the richest. The embankment measuring 42x48:2,5 (height) was made of dark-grey humus mass under which there were burial soil and beneath it was mainland loamy subsoil of yellow colour The embankment of the tumulus was probably made of turf bricks. Such construction method of Sargatka embankment is known in many tumuli.

There were two graves under the embankment. One of them central I, was surrounded under the embankment with a loamy subsoil lens in the center of which a burial spot was well seen. The grave was deepened 185cm into mainland at the level of the upper border of mainland and was 3,4x3,5m at the bottom being 2,35x3,5m with North-South orientation.

The Eastern and western walls had ledge arms 65cm wide The grave was fully robbed. We managed to find some human being bone fragments, decayed wooden pieces and some fragments of Sargatka type vessel, gold tabs, a rivet and two beads. The grave seemed to be very rich.

The grave 2 was located in the southern part of tumulus. It was 2,25m deep into the mainland. The dimensions of the grave at the mainland level were 4,4x4,95m and 3,1x4,95m at the bottom level, having North-South orientation. Along the Eastern wall at the level of 40 cm beneath the surface of the mainland there was a ledge arm measuring at the Northern part 70 cm wide and at the Southern part - 140cm. Some parts of the overhead cover remained at the ledge, which was absent above the grave, it was destroyed by the robbers.

The upper part of the grave contained remains of a robbed burial of a woman (some shifted bones were find: radii bones, pelvis bones, ribs, vertebral. temporal bones and some pieces of -wooden boards, fragments of Sargatka vessel). The thickness of the mess was 25-70 cm above the mainland level. Beneath the robber's mixture, that is at 75 cm below mainland level the contents of the grave was well observed. It hade not been touched by the robbers who probably had found useless to dig deeper the destroyed grave.

At the bottom of the grave the burial bed was opened it had rectangular form, surrounded with wooden logs (one log-wide). The size of the bed was 220x400cm. It is worth mentioning that the total size of the grave at the bottom is 3,1x4,95m. Thus, there was a gap between the burial bed and the walls of the grave hole of different width. We found one piece of iron rod, a bone piece and a fragment of ceramics. Upon the log layer and the whole place of the bed, remains of boards of the longitudinal overhead cover, some pieces of birch bark under the boards and decayed organics remained. The burial bed can be divided into three parts: the center and north-east - the warrior burial: the east and east-north; and the south.

The warrior is buried drawn out on his back, with his head to the north, the left arm along the body, the right hand resting on the groin. The dead were laid upon an organic litter like a mat because some fiber net could be seen under him and near by. We could not find out whether the mat had spread out to the whole burial bed or not.

The bones of the dead are good preserved. The warrior was provided with rich decoration. Gold transpierce, mountings made of thin plates, some of them goffered, and were located in a line over the forehead bones of the broken scull (fig-2). At the left under the broken scull there was a gold earring with the rhombus shield. A gold torque with thickened terminals was on his neck. At the waist there were two massive gold belt plates touching the upper parts of pelvis bones. At the surface of the plates fight between two tigers

and a dragon was depicted; the depiction is provided with many precious and semi-precious stones (turquoise, ruby, jasper).

A gold plaque with a relief of a laying cat of prey was found under the right plate under the plaque at the left some pieces of skin are located and beneath there are bronze rings. There is a silver belt clasp with the depiction of opposing cats of prey. An iron sword in a scabbard in a bad state was located on the right hip bone (II), the length of the blade measuring 90 cm A nephrite crampon joining the scabbard to the sword belt was located at the upper part of the scabbard. An iron dagger in a wooden sheath with several gold rivets was near the right hip bone. Silver rivets were found under the dagger. The hilt of the dagger was injured. The top of the hilt was probably decorated with a big bead. A deformed iron smoking pipe at the left of the hip near the left hand, nearer the hand there was a silver chibouk of the pipe at the left side of the belt, where skin pieces and bronze ring were found there was a silver spherical bottle with a lid filled with dense substance. There were two gold openwork buckles[3] between the feet. Beneath the feet a square ground was opened with two flattened leather vessels decorated with ornaments, one with red ornament on the black ground and the other with the black ornament on the red ground. A large sheet of golden brocade was situated to the left of the head. Over the brocade and partly over the left shoulder there was a wooden bar of the overhead cover. There was a silver bowl and a ruined Sargatka vessel covered with a piece of wooden bar.

The western and North-western parts of the burial bed consisted of two groups. Wearer the skeleton of the dead the remains of a bow and a quiver were opened: remains of bone plates on the bow some pieces of a bone item, possibly a detail of the quiver deformed and rusty remains of iron arrow heads pointed down. We think it's right to consider the sheet of brocade to be a part of the quiver decoration. Next to the brocade some horse bones (a rib, a left shoulder-blade and others) are found. Six silver and two iron buckles, six silver semi-spherical tabs with central holes (without number) axe located nearer the western overlay of the burial bed. In the North-

Western corner of the bed there were iron plate amour in the heap of things[4] among them such objects were found as: two silver horse amour plates an iron bit, a bronze arrow head, an iron spear head, and an iron ring .

A number of things are concentrated near the Southern wall of - the burial bed. A big ceramic bottle with a narrow neck and one plain side was located in the South-Eastern corner, at the surface of the bottle a star decoration was performed with a relief roller. To the west there was a bronze copper with a very short cylindrical saucer, edged with wooden bars[5], a silver ring (cartridge clip) with leather pieces was found near by an iron war axe with pieces of the wooden hilt a little to the west of the copper. A big bronze copper on a high conic saucer was situated in the South-western corner.[6] The copper was surrounded with plenty of wooden bars and covered with a large oxen skin A number of sheep bones were gathered inside the copper.

The Sidorovka tumulus finds are an integral part of the Sargatka type culture complex Burial ritual, local origin articles (ceramics, arms and some other things) allow us to consider this finds of the complex to be Sargatka's ones though the majority of them do not seem to be of Sargatka origin.

We have already had a chance to determine the period of Sidorovka complex belonging to the last centuries of the 1st millenium B.C. but possibly not earlier than 2nd mill. B.C.[7] We have no any reason to change this date. Xul+i'ogodin's discovery of a similar complex in 1989 in Isacovka village tumulus (2-5km to the south-west of Sidorovka barrows) supports us in this opinion.

We think that such complexes indicate rather wide spread of property stratification in Sargatka society which is quite obvious in such kind of rich burial graves. So, we can be quite sure now that the greatest part of well-known Siberian collection of Peter I originated from Sargatka tumuli of Omsk Irtysh area. The archaeologists from Tumen A.Y. and N.P. Matvievs came to this conclusion after the examination of maps and archive documents. It is also well-known

that this collection contains some part (may. be the less part) of tumulus gold. which had been taken by Russian hillockers robbing tumuli

The traces of such grave robbers activity could be discovered in robbed out central graves. Thus. we can suppose that the majority of big Sargatka barrows had rich central graves at that time.

Besides there are some other ideas, concerning the problem of cultural communities of wooden steppe of the West Siberia.

Sargatka cultural community and the proMei of Scythian-Siberian history and culture unity. The problem of existing Scythian - Siberian history and culture unity attracted a special attention in 1970-early 1980. (All-union conferences considering these questions in Khemerovo)[8]. At that time few scientists considered sceptically this notion (Unity), supporting the notion "Scythian-Siberian cultural-historical community", which was rather close to it but different in its content, which means in our opinion the existence of a great number of cultures at vast territories of Eurasian steppe which had various extent in common but were quite different in many attributes: the origin, the character of economic life, the level of social-economic development. ethnic and anthropological staff of the population and so on.

Although, all these steppe cultures have the Scythian triad as the evident feature s. It was a kind of veil under which a peculiar, bright and original culture existed in each particular cultural sphere. If we raise the veil above the cultures of the Northern part Asian steppe and wooden steppe we can see under it becide above mentioned Sargatka culture - Bolsherechie, Tagarsk. All of them are quite different one from another and each of them from the cultures of Tuva, Ordoss, Altay and Kazakhstan regions. It is the material which can characterize cultural origin has a special importance for studying its history, but not the largest part of the material which is the veil. the cover. Naturally. with the exception of those complexes of the veil which are of local production.

General laws of the process of forest-steppe culture formation.

The transition period to the early Iron Age in the West-Siberian forest-steppe is marked by a number of similar features in different regions. So, in all cases (in Irtysh and Ob rivers regions) a local historically preceding cultural stratum, which was a part of such cultures as Sargatka, Bolsherechier, Tagarsk ones played an important role. In each case this underplaying substratum was peculiar and it caused the peculiarity of new cultures of Scythian Siberian historical-cultural community to a great extent.

Wide and various cultural and historical connections of Sargatka population allow thinking about participation of different components in formation its culture:

a) previous, substratum, leading us back to deep ancient times, up to the early bronze age, and even more ancient;
b) western ones, linking Sargatka culture with Sarmatiacv and more western group of cultures including the one which ananian groups of population belong to;
c) eastern, linking Sargatka culture not only with the nearest regions of upper Ob river, Altay, Khachassia-Minusinsk aria, but also with Mongolia;
d) southern and south-eastern (Central Asia, Tianshan).

Not all these components were equally important during formation of Sargatka culture. We can say without any doubt that the local substratum was quite equally important as the other three. But among the last not local components the southern one was the most important.

If we consider the material of only Sidorovka complex, we see that this thesis can find great corroboration. It's interesting that the area of Largatka culture population in previous period was inhabited by the representatives of Irmenian and andronoid Slovian, Krasnoverian cultures. They are forest-steppe cultures. These cultures are connected with a great number of features with forest, taiga, but not

with steppe. We can compare two kinds of attributes: forest and steppe according to their origin.

Forest: - soil, without tumulus burials:

- a great number of details of forest origin ornamentation:
- important for hunting and fishing in economic life of the population.

Steppe: - tumulus burials;

- burials of horse parts or a staffed horse in tumulus ;
- using of the decoration of steppe, southern origin;
- introduction begaza-landibaiev ceramic component;
- cattle breeding;
- land-working.

While comparing these two kinds of attributes we can get a proof that in the late Bronze Age and in transmission period to iron the territories of lower Tobol, Ishim, Omsk Irtysh and Baraba, that is the regions of late Sargatka culture formation, were inhabited by the representatives of the cultures being first of all forest-steppe according to their genesis and character.

The investigation of A.Ya. Trufanov and Ye.M. Danchenko are good proves in this respect.

The character of Sargatka culture appeared to fee very suitable to course a short strengthening the steppe component we can say without any doubt. Though according to the course of events as far as we know, we can't be quite sure that a group of steppe population penetrated to the territory of Sargatka culture population. Such moving is not known in Sargatka period. So we can deduce that it was the inner reconstruct ion of Irtysh culture in the course of which the steppe component began to play a leading role.

We'd like to attract your attention to the material indicating Southern links of Sargatka aristocracy. Beside a number of objects the origin of which is of no doubt (vessels-flasks jugs) there are many other facts: tumuli constructing which could not be explained by

traditions, preserved since Irmenian periods implementation belt plaques of Southern decoration in Sargatka objects and so on.

It is also very interesting in this respect, that there are numerous findings of southern origin in deep West Siberian taiga. Such is the plaque showing Arthemida from Istiatsky findings and silver plates depicting Parthian pictures from Khanty-Mansi and Kolpashevo museums[9]. To this we can also add an object found by the author in 1961 in Kijirovsk settlement 45km lower Tomsk[10]. It is a fold of a clay form for casting of rectangular showing three *men*. Two *men* standing at sides in some ribbed clothes looking like woman dress with open arms and legs hold a man by neck and arms in the center wearing a long dress up to knees made of smooth fabric.

This topic leads possibly to the Parthenian world. But it's interesting that such plaque was reproduced rather often in Southern region, that is a cast form.

According to these facts we can deduce that there was a strong Southern culture impulse into taiga zone, which had come from far off wooden steppe regions of origin.

And at last one more question which requires consideration provided with now days material. Namely the question is about the place of Sargatka culture in ethnogenetic processes of Western Siberian peoples and bordering territories. We suppose that it is impossible to consider the representatives of Sargatka culture mono ethnic as it was done by V.A. Moghilnikov, V.I. Vasiliev and other scientists. Most likely those are right, who consider the Sargatka population to be polyethnic, which agrees with the cultural genetic processes of late Bronze age and with the formation processes of the Sargatka culture, the most convincing in this respect is L.N. Khoriakova, with whom V.A. Moghilnikov agreed at last period. It is possible to explain role and place of those many cultural components, which are found in the history of interrelations of culture communities of late Bronze Age and the Sargatka culture from the point of recognition of polyethnic Sargatka population.

The main ethno-cultural component in sargatka culture was the component which had been a part of Early-Ugrian community. In its turn this component belonged to the local substratum cultural layer.

---

[1] **Матюшенко В.И.** Погребение воина эргатской культуры (предварительное сообщение) // *Известия СО АН СССР: Серия истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1989. - Вып. 1.* **Матюшенко В.И.** Раскопки у д. Сидоровка в Прииртышье // *Археологические открытия. – М., 1983*; **Матюшенко В.И.** Новые материалы скифо-сибирского звериного стиля // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. - Суздаль, 1987; Древние сокровища Сибири / Сост.: Матюшенко В.И., Спирина В.И. – Омск, 1988.

[2] **Корякова Л.Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. - Свердловск, 1988.. – Фиг. I, 5-14

[3] **Полосьмак Н.Б.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск, 1987.

[4] **Мартынов А.И., Алексеев В.Ф.** История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1986.

[5] **Корякова Л.Н.** Указ. соч.

[6] **Косарев М.Ф.** К вопросу о кулайской культуре // *КСИА. - М., 1969. – Вып. 119.*

[7] **Матюшенко В.И.** Погребение воина эргатской культуры... - С. 58.

[8] **Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // *Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983.*

[9] Кинжалов Р.В. Серебряная пластина с изображением парфянского царя // СА. – М., 1959; SA. 1959; **Косарев М.Ф.** Указ. соч.

[10] **Матюшенко В.И., Сыркина Л.М.** О новых находках эпохи раннего железа в Ломско-Чулимском Приобье // *Первобытная археология Сибири. - Л., 1975.* – Фиг. 1-2.

S.N. Savenko.

Early medieval horse-hide burials: evidence for Turkic-Ugrian presence in the Kislovodsk area

This study will focus on the so-called horse-hide burials, a distinctive early medieval burial type in the North Caucasus that features significant ritual traits: the deposition of partial horse skeletons and skulls together with the lower limb bones. This burial type, well attested among the steppe burials of Eurasia, can be traced from the Ural Mts and Western Siberia to Central Europe. This burial type is, to the best of my knowledge, found only in the environs of Kislovodsk in the Northern Caucasus. The discovery of partial horse skeletons, as well as two horse skulls near a disturbed catacomb burial of the Otstoinic cemetery belonging to a 6th-9th century cemetery, was reported by N.N. Mikhailov, an amateur archaeologist, in the late 1950s and 1960s.

Several horse-hide burials were uncovered in the early 1970s at the Mokraia Balka cemetery (catacomb 35), Lermontovskaia Skala cemetery (burial 3, No. 14), the Kugul catacomb cemetery, and at other sites. In 1977 a burial complex was found in the shaft of catacomb 5 of the Direktorskaia Gorka cemetery.

Most of the above-mentioned horse-hide burials remain unpublished, except for brief descriptions of fences of stone slabs and ritual depositions of the grave goods into a separate nif based on early Turkic analogies from Siberia and from Avar cemeteries in Hungary. Together with V.A. Fomenko I excavated an unusual cata-

comb burial (no. 3) that features a ritual assemblage in its shaft at the Machti burial site in 1991.

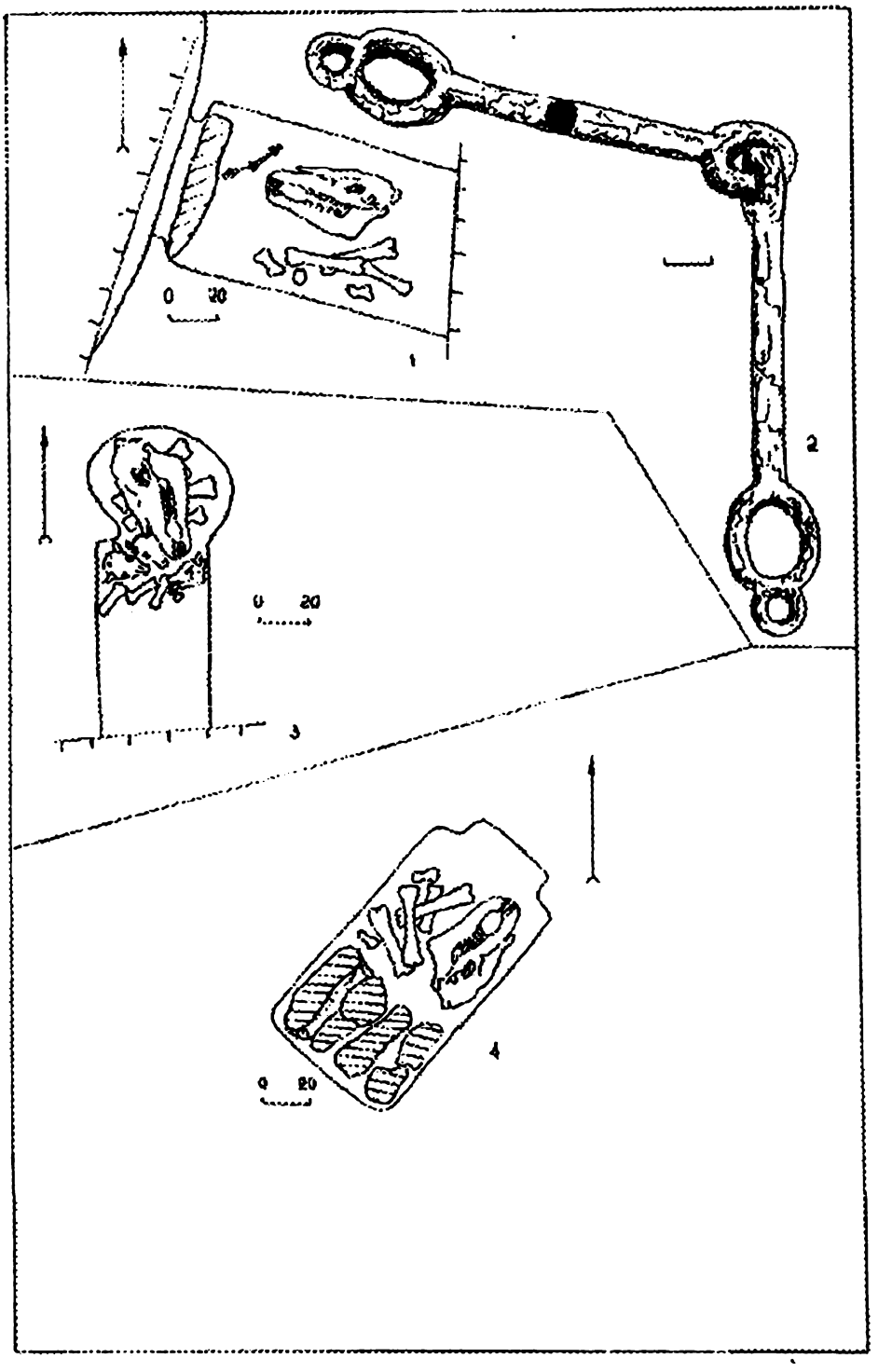

Fig. 1
Mokraia Balka. 1 Plan of burial 85; 2. Iron bit from burial 85; 3 Kugul Horse-hide burial; 4. Lermontovskaia Skala 2. Horse-hide burial 3

The burial could be roughly dated to the late 7th century AD, and had excellent parallels in Siberia and the Urals. Subsequent work at this site in 1992 and 1993 resulted in the uncovering of a further catacomb burial with a ritual assemblage in its shaft, as well as the excavation of four horse-hide burials in separate pits (nos 12-14, 21), with the latter containing over twenty animals: fourteen horses (seven of which were foals), as well as three cows, deer and donkey hides. Ten ritual horse-hide burials have been uncovered to date. The horse-hide in the shaft of catacomb burial 85 of the Mokraia Balka cemetery lay directly beside the stone slab separating the shaft from the disturbed burial chamber. The horse skull was west oriented, with a sight deviation to the north, and faced the entrance. According to A.P. Runich, only the remains of the front limbs were preserved. An iron bit with ringed cheek-pieces lay in front of the horse skull (Fig. 1. 1-2).

Burial 3 of the Lermontovskaia Skala cemetery was a southwest northeast oriented short and narrow grave (L 120 cm, W. 60 cm, D. 160 cm). A niche (30 cm x 30 cm) in the northeastern end of the grave. The southwestern area of the grave was lined with stone slabs (measuring 56 cm x 44 cm on the average). The skull and the lower limb bones of a horse were deposited in a position that probably faced the entrance to the burial chamber (Fig. 1. 4).

The form of burial 14 of the same cemetery differed considerably: the southeast-northwest oriented grave was wide and almost rectangular in shape (128 cm x 98 cm). A horse skull, the front legs, some vertebrae and the ribs were found, with the skull facing the northwest (Fig. 2. 1). Also found were two iron stirrups (H. 127-130 mm, diam. 95-97 mm), a bit with cheek-pieces, one end of which was straight and flat, the other being curved and oval in cross-section. Rings were attached to the end of the cheek-pieces (L 105 mm) (Fig. 2. 4-5).

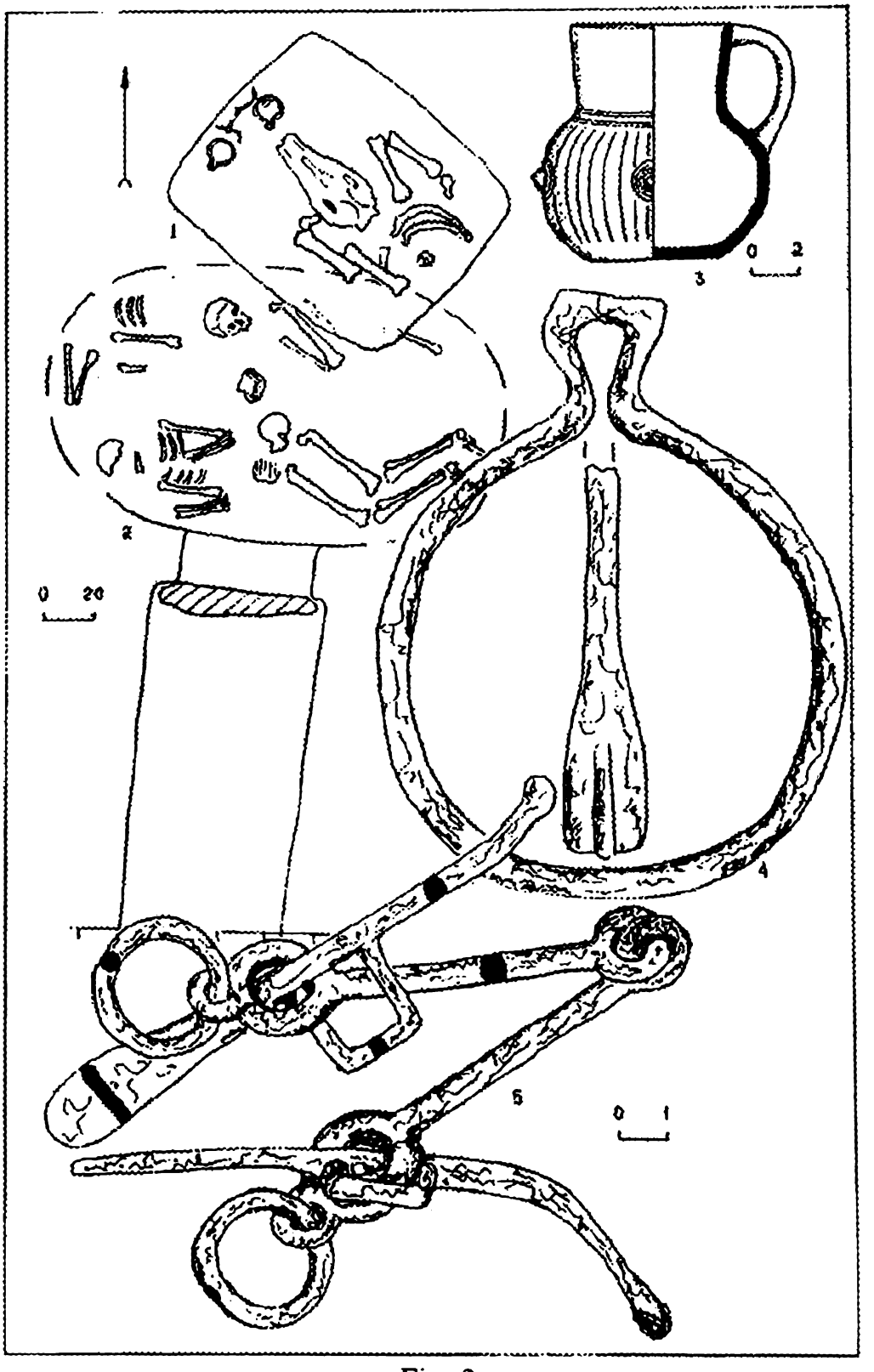

Fig. 2
Lermontovskaia Skala 2. 1. Horse-hide burial 14; 2. Plan of catacomb burial 15; 3. Clay mug from burial 15; 4-5. Iron stirrups and bit from burial 14

A further catacomb burial containing two human skeletons was uncovered under the above grave; also deposited in the grave was a clay mug ornamented with knobs and vertical incisions (Fig. 2. 3). The relation between the catacomb burial and the ritual assemblage, however, is unclear.

One area of the extensive catacomb cemetery near Kugul featured both shaft graves and ritual assemblages. One of these was uncovered in a burial structure that consisted of a partially collapsed narrow shaft (W. 46-48 cm, D. 176 cm) and a small burial chamber (L 59 cm, D. 35 cm). The structure was north to south oriented. The remains of a horse (skull, bones, and limb bones) and of three other animals, probably goats, were found lying in the chamber and in the adjacent passage area. No grave goods were recovered (Fig. 1. 3).

The ritual assemblage of catacomb 5 of the Direktorskaia Gorka cemetery is of special interest. The south-southeast to north-northwest oriented catacomb was outlined with stones and had a rectangular stone fence; it had an oblong shaft that was somewhat wider towards the entrance and the floor was raised towards the entrance(285 cm x 50-65 cm). The burial chamber itself was rectangular in form (240-210 cm x 215 cm) and was perpendicular to the shaft. A large, spouted vessel, unfortunately broken, was found in the southeastern part of the passage; the charcoal layer covering the floor in its northwestern part yielded an iron spearhead (L ca. 130 mm) (Fig. 3. 41). A partly deformed iron stirrup with a flat bar and a loop, fragments of bits with cheek-pieces, and a rectangular iron girth buckle were found beside the northeastern wall. The charcoal layer also contained the fragments of bone saddle mounts, fragments of gilded silver ornamental mounts, as well as the fragment of an iron knife (Fig. 3) and hide remains. The horse-hide burial itself was represented by the limb bones and a few other disarticulate bones. M.P Abramova and others have suggested that only part of the horse had been buried, with the horse-hide also being deposited.

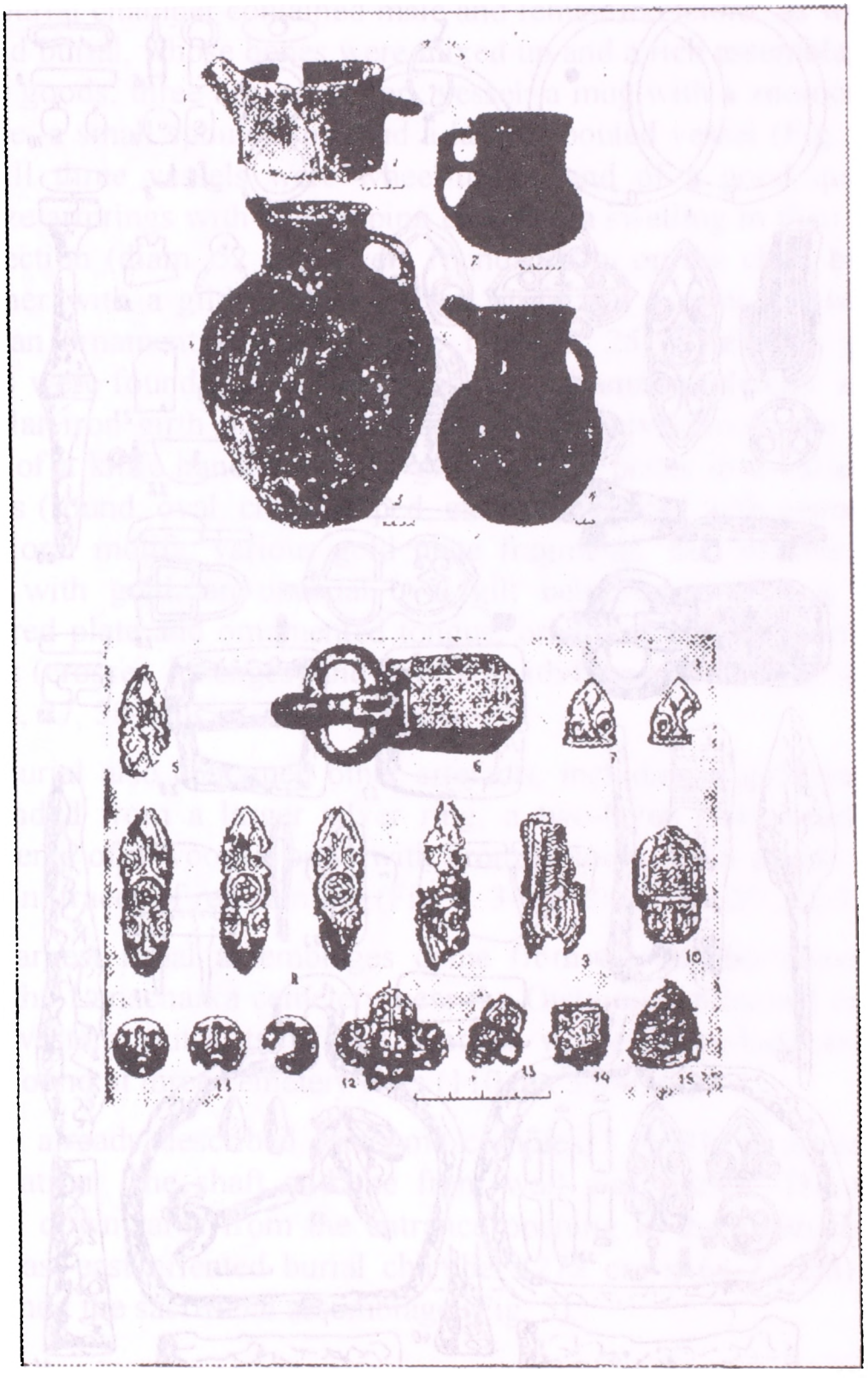

Fig. 3
Direktorskaia Gorka. 1-4. Clay vessels from catacomb burial 5; 5-10. Gilt silver mounts and ornamented buckle from burial 5 (after M.P. Abramova)

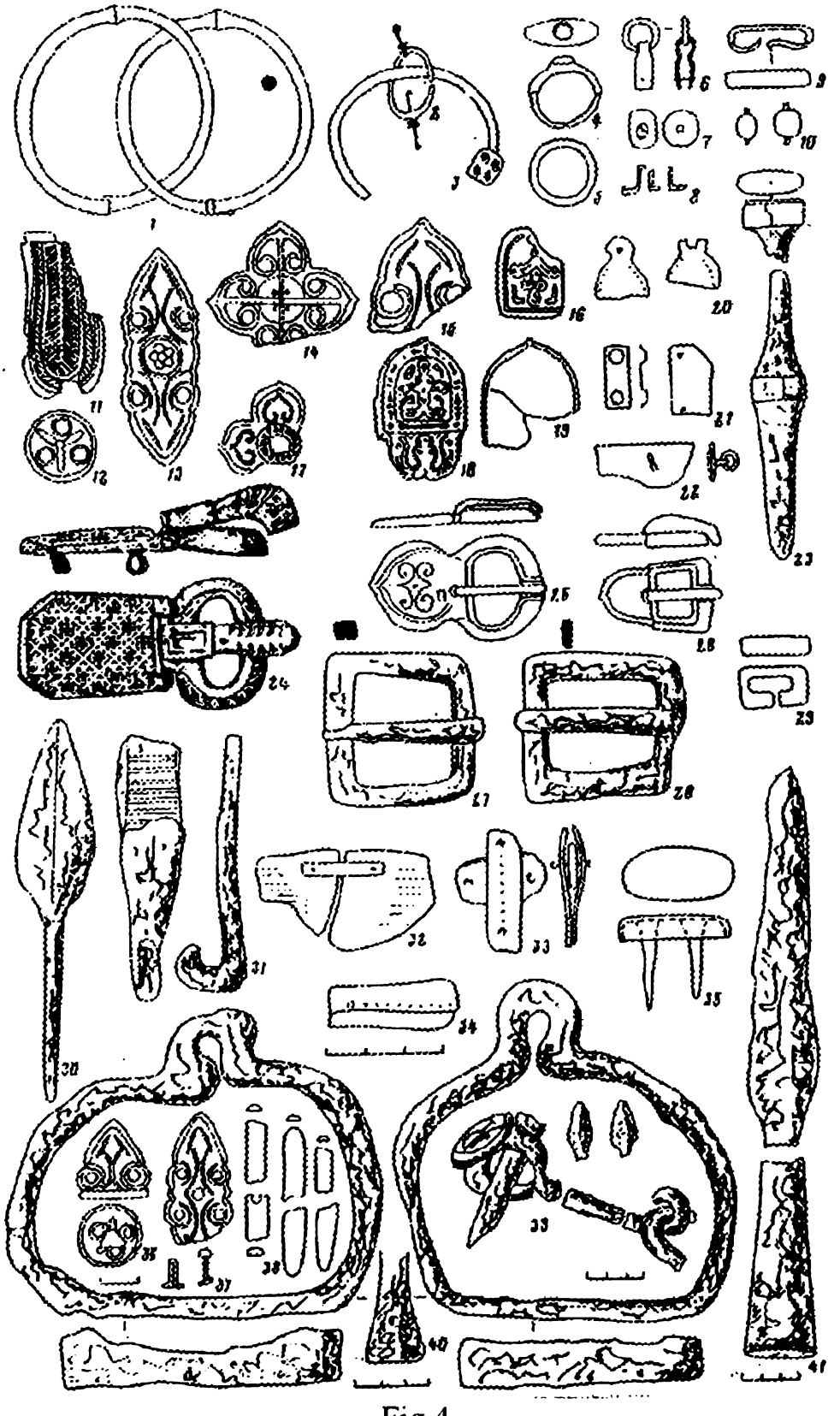

Fig.4
Direktorskaia Gorka. Grave goods from burial 5 (after M.P. Abramova).

The burial chamber contained male and female skeletons, as well as a child burial, whose bones were mixed up and a rich assemblage of grave goods: three broken pottery vessel: a mug with a zoomorphic handle, a small spouted jug, and a larger spouted vessel (Fig. 3. 2-4). All three vessels were wheel-turned and of a good quality. Bronze armrings with overlapping ends and a swelling in their middle section (diam. 52 mm) were found *in situ* on the child burial, together with a gilded ring, an iron knife and a semioval buckle with an ornamented plate (Fig. 4. 1, 4, 23, 25). The other grave goods were found among the bones of the human skeletons: a rectangular iron girth buckle, an arrowhead, a quiver hook, the fragment of a knife handle, various gilded silver plates in a variety of shapes (round, oval, cross-shaped, etc.) ornamented with geometric and floral motifs, various gold plate fragments, belt mounts, one lined with gold, an unusual oval gilt belt buckle with a five-cornered plate and ornamented tongue, ornamented with geometric motifs (crosses, lozenges) and covered with blue enamel (Fig. 4. 11-19, 24, 27, 30-31).

The burial also contained other artefacts, including a gold earring suspended from a larger silver ring, a two-layer glass bead, the fragments of a wooden bowl with bronze mounts, thin planks with the faint traces of red painting (Fig. 4. 3-10, 20-22, 26, 29, 32-35).

The largest ritual assemblages come from the Machti cemetery, from the Lunacharka cemetery near the Otstoinik settlement on the southwestern outskirts of Kislovodsk, where horse-hide burials were found at three cemetery sites (110 mx 35-40 m).

I have already described catacomb complex 3 (1991) in an earlier publication. The shaft and the front wall was ruined. The floor sloped downwards from the entrance opening to the southwest to northeast-east oriented burial chamber (272 cm x 64-72 cm) that contained the sacrificial assemblage (Fig. 5).

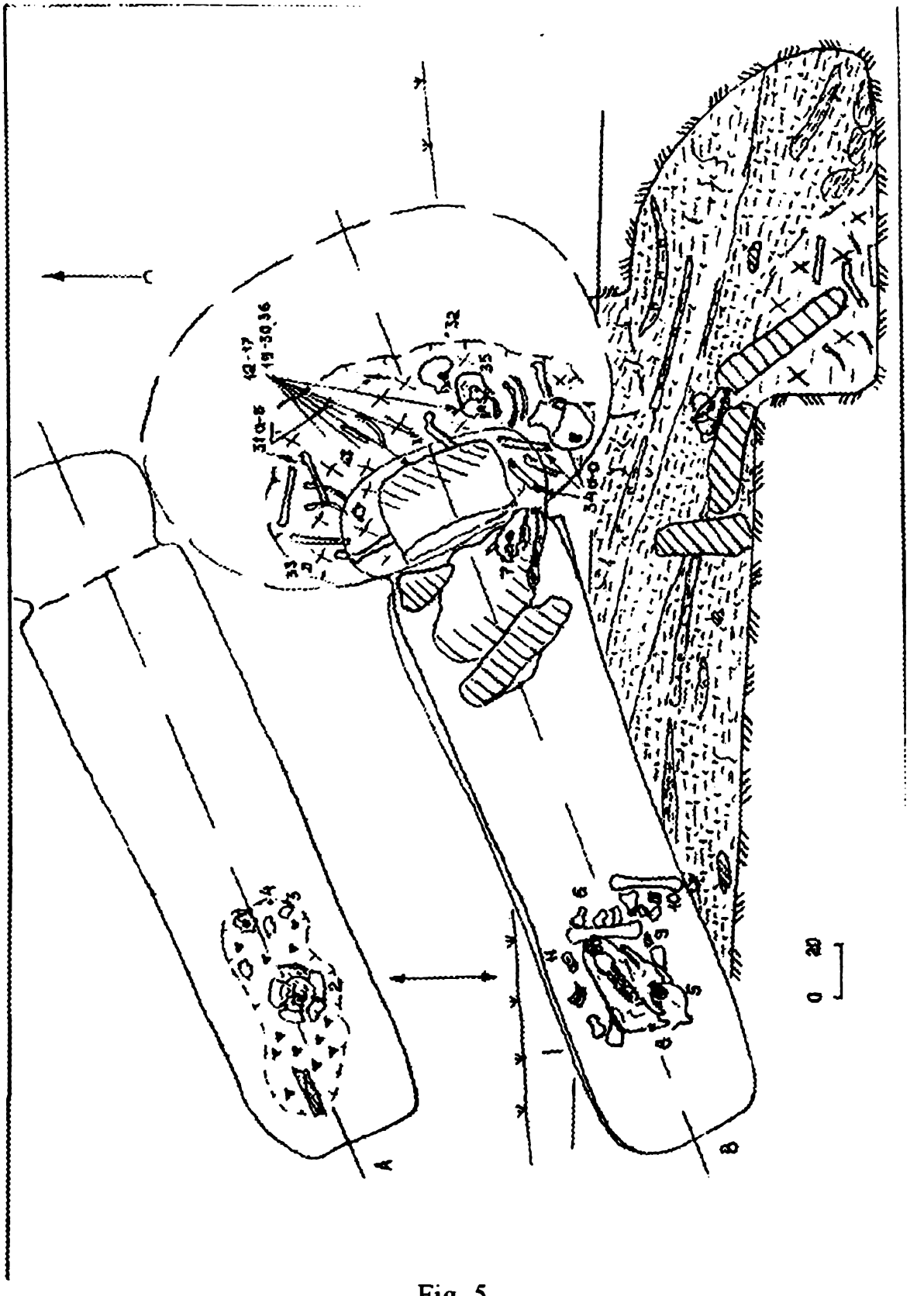

Fig. 5
Machti. Plan of catacomb burial 3 (1991)

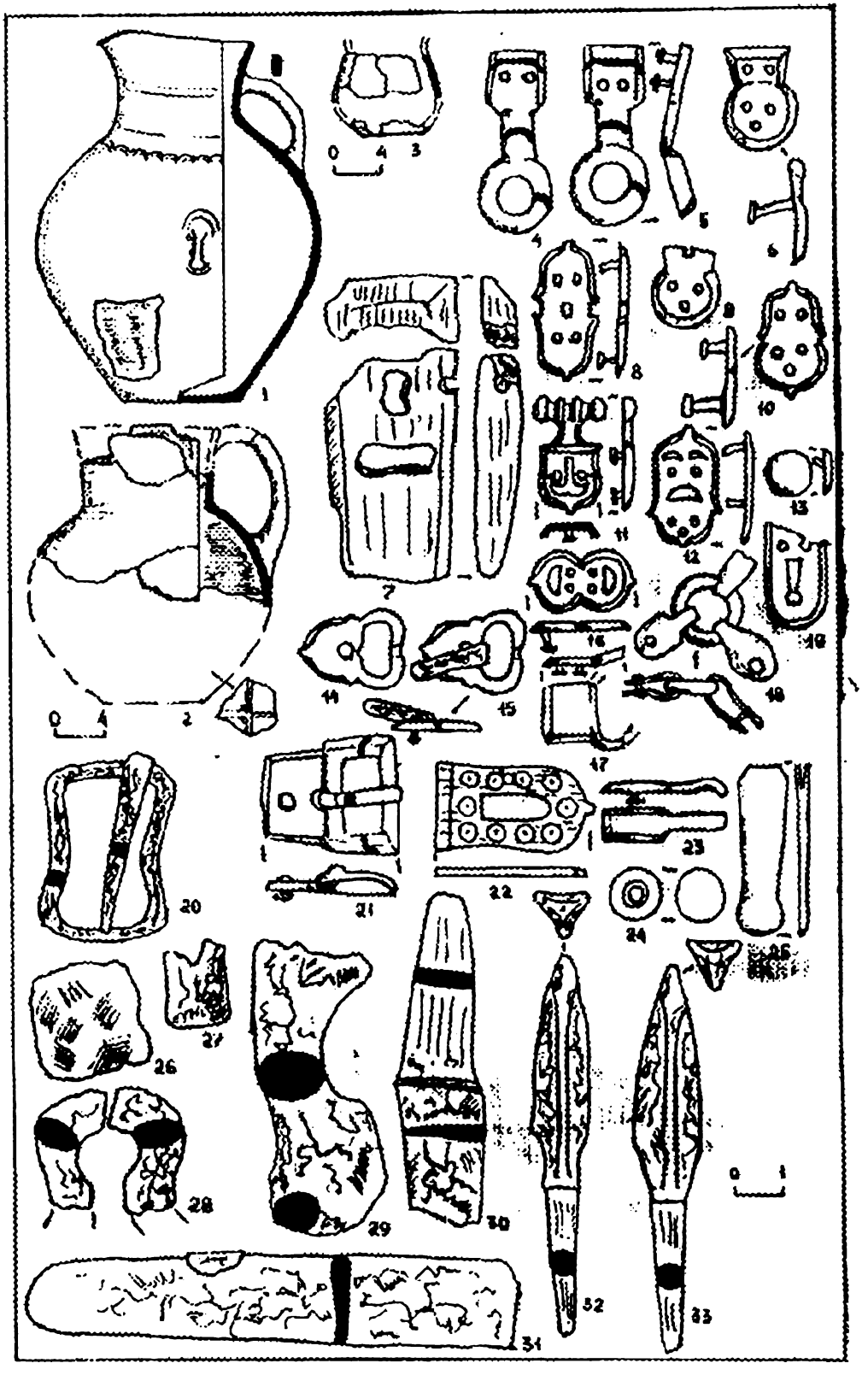

Fig. 6
Machti. Grave goods from catacomb 3 (1991)

The assemblage included a horse skull laid onto its right side facing the entrance, the limb bones, two broken vessels (a spouted jug and a mug), heavily burnt bones, iron girth buckles, fragments of an iron bit or of iron stirrups, three bronze buckles, and an opaque glass bead (Fig. 6. 2-5, 7, 14-15, 26-29). These artefacts were without exception found in a charcoal layer. An animal skull, probably that of a goat, was found among the stone slabs from the opening and other stone slabs lying at the shaft. The oval burial chamber measured 188 cm x 116 cm x 95 cm. The threshold was 52 cm high. Most of the finds and the disturbed skeleton of an adult with a fractured skull lay near the threshold to the chamber and were covered by the fallen door slab. The grave goods included fragments of the bow plates: two from the middle section of the bow (L 291-295 cm), and one of the four curved plates with gently flaring terminals that usually cover the ear of the bow (L 291-295 mm), as well as other small bone plates, small curved bone rods with conical terminals. The bone plates from the middle part of the bow show an almost identical fracture suggesting that the bow had been broken intentionally together with these ornamental bone plaques.

Other finds from the burial chamber include cast and ornamented silver belt plates, a forged belt plate, a bronze strap end, three bronze rings with gliding fixtures on each quiver strap, two identical bronze buckles with a shield shaped plate and iron tongue, a lyre shaped buckle plate of bone, a bronze buckle with a rectangular plate, two arrowheads, leather fragments, a longish plate with a slightly rounded terminal (Fig. 6. 1, 6, 8-13, 16-25, 30-33).

In 1993 I excavated catacomb burial 17 that yielded a ritual assemblage in its shaft. It had a comparable construction with an almost identical orientation and was probably related to the graves of catacomb complex 3. The shaft was almost rectangular (249 cm x 75 cm) and its greatest depth was 120 cm. The burial chamber was west-east oriented, with only a slight deviation; the elongated oval burial chamber (207 cm x 90 cm x 111 cm) lay perpendicular to the shaft It contained the disturbed skeleton of an adult, with some of the skeletal bones lying at the entrance. A horse skull lay on its left

side and facing the entrance, as well as some limb bones lay under a floor paved with stone slabs at the beginning of the shaft (Fig. 7).

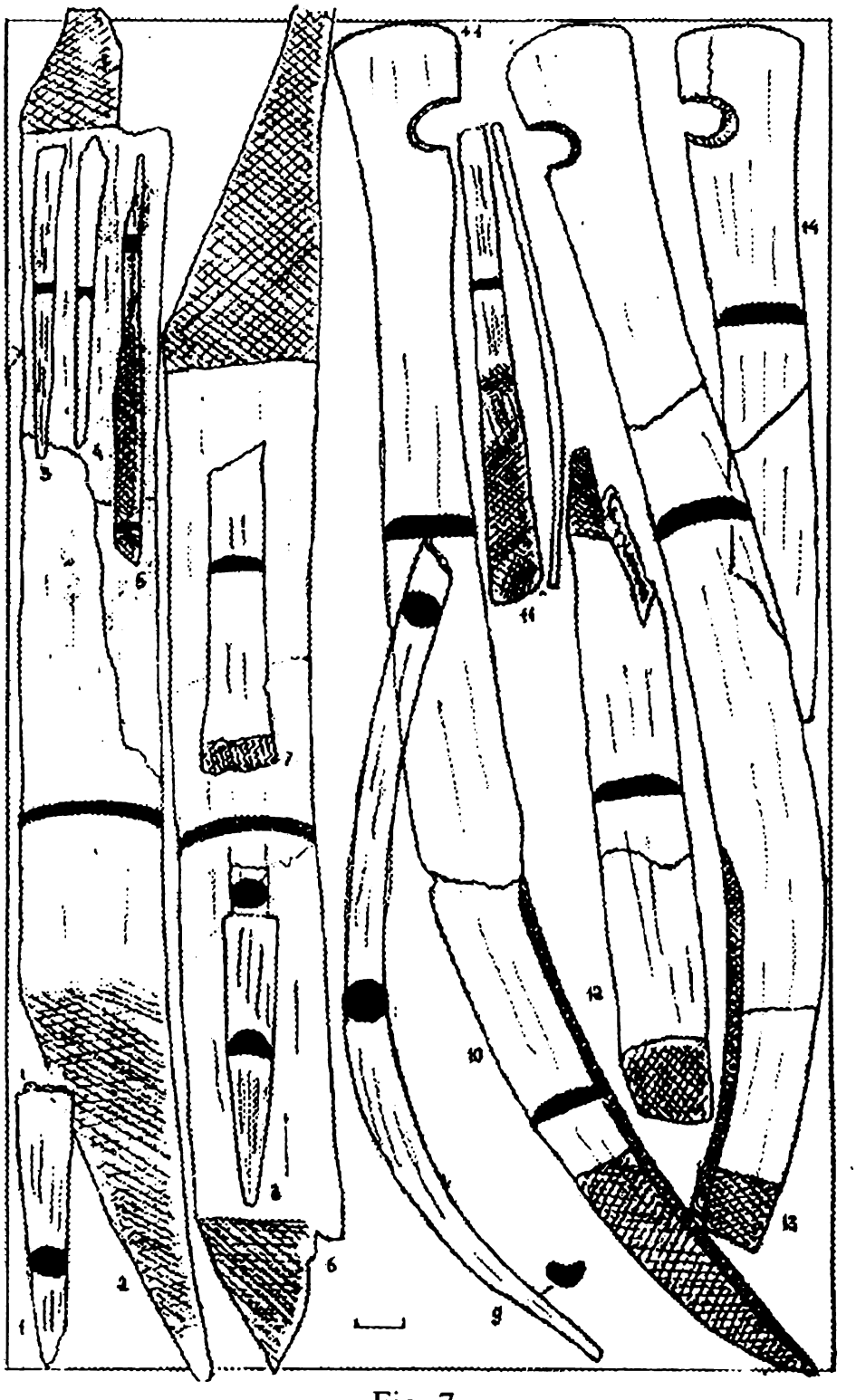

Fig. 7
Machti. Bone finds from catacomb 3 (1991)

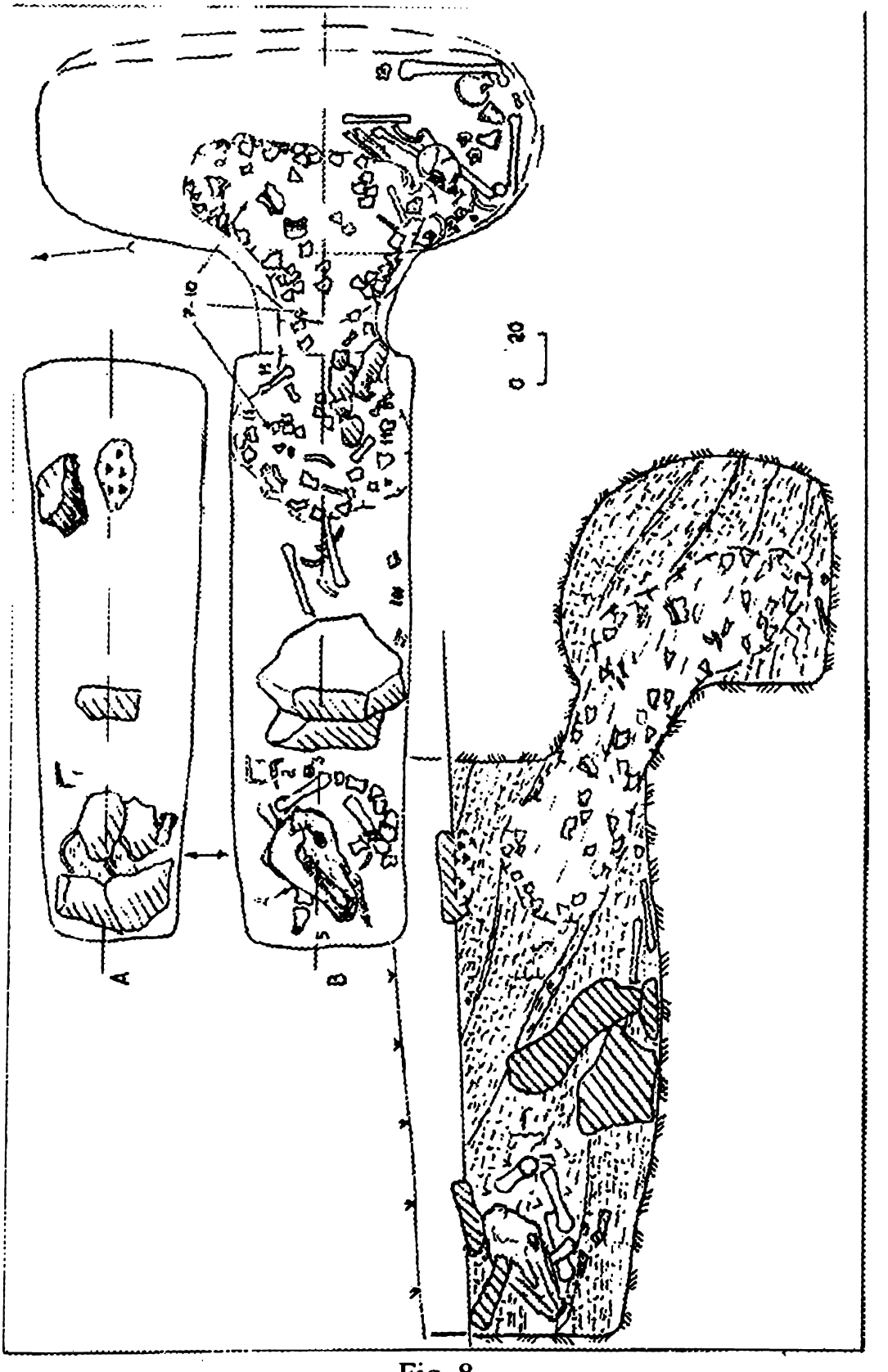

Fig. 8
Machti. Plan of catacomb burial 17

Next to the animal bones lay two rectangular bit guards and two rectangular girth buckles with lyre shaped plate, as well as a number of smaller bronze plates (Fig. 8. 1-4, 6). Specks of charcoal and the black coloured remains of some decayed organic substance were found near the bones.

The western part of the shaft was practically separated from the other part of the shaft by two vertical limestone and sandstone slabs. The fragments of various pottery vessels were found lying under the accumulated debris in the front part of the passage and on the floor of the burial chamber. A round iron buckle with a long curved tongue was also recovered from this area. Some of the vessels could be restored; they included two smaller jugs with notched rim and a wide-mouthed pot with a handle springing from the rim to the shoulder. The pots were greyish-brown, greyish-yellow and greyish in colour (Fig. 8. 5, Fig. 9. 1-3). This type of household pottery is not characteristic of the catacomb burials in the central regions of the Northern Caucasus.

A circular patch of charcoal was noted in the front part of the shaft. Ritual assemblage 12 was found in a roughly rectangular pit (114 cm x 71 cm x 84 cm). It featured a fractured horse skull laid on its right side, with the limb bones in part laid across the skull (Fig. 11. 1). The bones were analyzed by A.K. Shviryova, the department head of the Natural History Museum of Stavropol, who found that the bones came from an old horse of medium height (with a withers height of 145.7 cm) of an oriental type related to the Arab race stallions.

Burial complexes 13 and 14 lay in the southern part of the cemetery. The horse-hide remains of complex 13 were found in a pit of rather unusual form. It had an elongated, and irregular rectangular form (165 cm x 65 cm, with a max. depth of 111 cm). Its walls sloped; an irregular earthen platform was noted in the northeastern corner. Larger and smaller stones had been deposited into the north-northwest to south-southeast oriented pit. The horse skull was laid to its left side, facing south, whilst the limb bones had been heaped together in the deepest part of the pit (Fig. 11. 2).

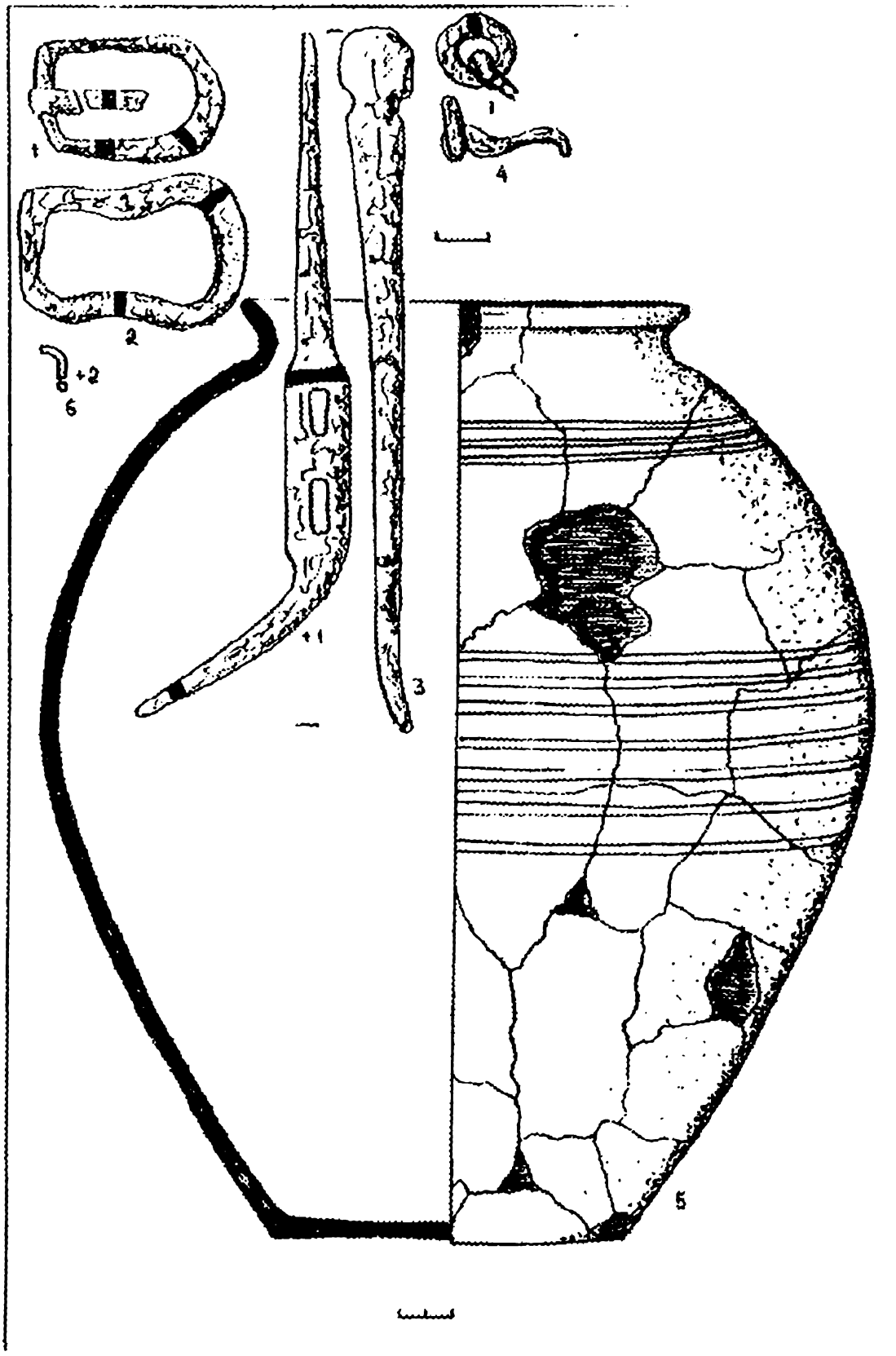

Fig. 9
Machti. Grave goods from catacomb 1

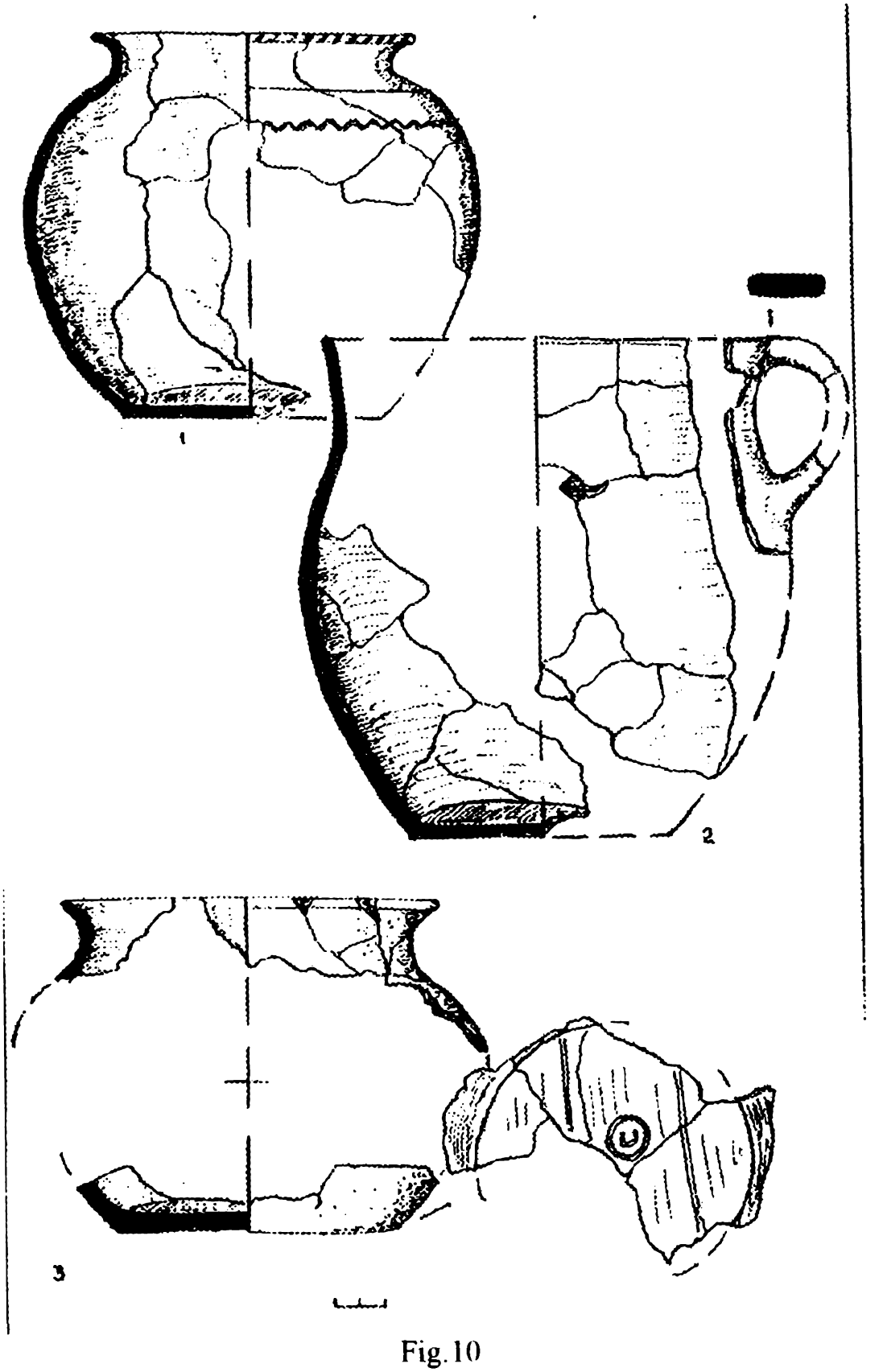

Fig.10
Machti. Pottery from catacomb 17

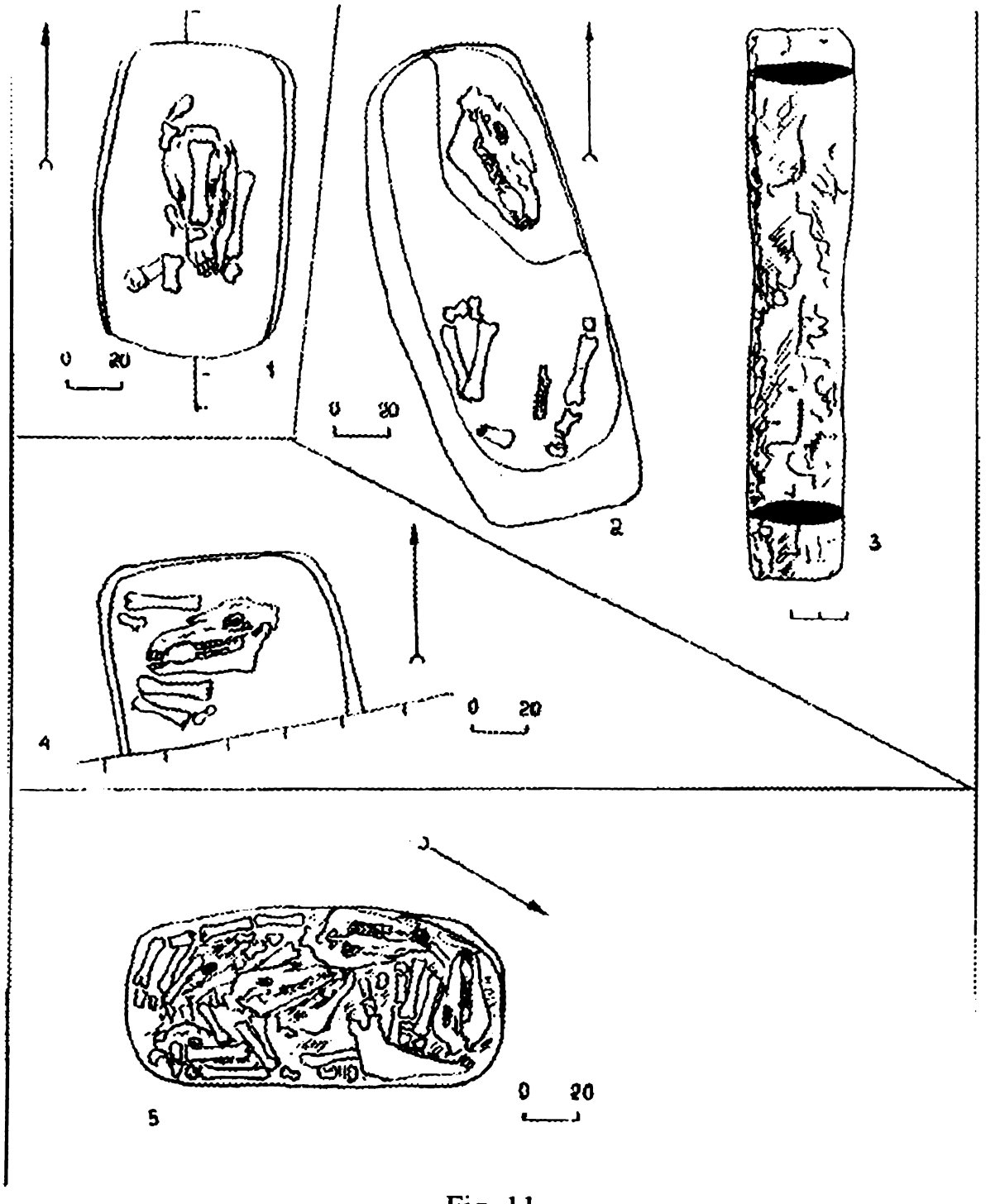

Fig. 11
Machti. 1. Horse-hide burial 12; 2. Grave 13;
3. Fragment of an iron sword blade; 4. Grave 14; Grave 21

The fragment of a double-edged iron sword blade (L 206 mm, W. 34-37 mm) were found among the latter (Fig. 11. 3). The palaeozoological investigation revealed that the bones came from a 4-4.5

years old horse of the oriental type with a withers height of 141 cm, related to the Arab racing

Complex 14 partially disturbed a roughly rectangular pit measuring 88 cm by 66 cm. A fractured horse skull laid on its right side and facing west was found at a depth of 54-56 cm (Fig. 11. 4). Another ritual assemblage was uncovered in the central part of cemetery. at Site II (1993), in an almost rectangular, north-northwest to south-southeast oriented pit (137 cm x 60 cm x 150 cm). Over twenty horse-hides had been piled up in the lower half of the pit, with the horse skulls - mostly facing north -lying in various parts of the pit (Fig. 11. 5). The remains of fourteen horses could be definitely identified: seven foals and seven adult, 4-5 years old animals (two mares, one stallion, the gender of the other remains could not be established). The skull and limb bones of seven cows, a deer and a deer could also be identified. The horses showed both western and eastern characteristics and were probably of a Northern Asiatic breed. A heavily corroded iron arrowhead and various pottery fragments were also recovered from the pit.

Complex 23 that had perhaps also contained a horse skull and limb bones can probably also are included among these complexes. Unfortunately the surviving bones cannot be unambiguously identified as belonging to a horse owing to the damage to the grave.

The finds described in the above allow the following generalizations. Two main types of the burial type in question can be distinguished: burials in burial chambers that contained also human remains (in catacomb shaft, e.g. Mokraia Balka, catacomb 85, Direktorskaia Gorka, catacomb 5, Machti, catacomb 3 and 17) and ritual assemblages deposited in individual pits or burial constructions (e.g. Kugul, Machti, assemblages 12-14, 21, 23. Lermontovskaia Skala, burial 2 and 3). Burials 14 and 15 of cemetery 2 of the Lermontovskaia Skala site can be assigned to a mixed type. Other characteristic features of the first type are the position of the horse harness (stirrups, bits, girth buckles), the presence of broken pottery vessels, bridle and belt sets, saddle mounts, certain weapon types (such as

the spearhead in catacomb 5 of the Direktorskaia Gorka cemetery), as well as the occurrence of burnt layers and charcoal, together with the bones and hides of other animals (such as goat). With the exception of a few objects - such as the sword fragment in complex 13 and the arrowhead in burial 21 of the Machti cemetery -, the pottery fragments (Machti, burial 21), the presence of other animal hides (Kugul, Machti, burial 21), however, these features are rare in individual burial complexes.

We can thus distinguish two distinct ritual traditions that, although differing from each other, nonetheless share a number of similarities. These complexes can be securely dated to the period between the mid-7th and the mid-8th century on the basis of the stirrup types, the ornamental belt mounts and other artefacts, such as the rings and the earrings found in the catacomb burials. Arguments supporting this dating have been published elsewhere.

The dating of burials 3 and 17 of the Machti cemetery is more difficult. The grave goods of burial 17 are rather mixed, and contain pottery that is not usual for burials of this area and of the central areas of Ciscaucasia. Pottery is seldom found in early medieval ritual assemblages. The pottery in question can be assigned to household wares. Rectangular and lyre shaped iron harness buckles were common in 7th and 8th century burials as evidenced by the finds from the Mokraia Balka cemetery. Analogies to the stirrup fastenings can be quoted from burial complex 11 of the Uzun-Kol cemetery in the Upper Kuban region. The burial assemblage also included lyre-shaped iron buckles and shield-shaped buckle plates that can be dated to the 7th century on the basis of analogous finds.

In the preliminary report burial 3 was assigned to the late 7th century in view of the similarities in the burial ritual and the grave inventory between this burial and the Kagayak-Kup burials in the Southern Urals that had been dated to the late 7th and the first half of the 8th century. 13 It has also been suggested that the Karayak-Kup population migrated from southern Siberia in the late 7th century. Another argument supporting this chronology is the fact that

shield-shaped belt mounts and buckle plates first appear in the last third of the 7th century. However, this does not offer a reliable chronological anchor because there is no consensus over the dating of these belt mounts. G.E. Afanasiev has dated similar belt mounts from Mokraia Balka to the period between the second half of the 6th century and the first quarter of the 7th century; since, however, one of the earliest belt *sets* was found together with a coin of the Sassanian ruler Kavad I (488-531) this article has also been assigned to the first quarter of the 7th century. V.B. Kovalevskaia has dated this belt type to the 6th and 7th centuries.

Finds comparable to the articles in these assemblages (such as the bone girth buckles) have also been reported from other rich grave assemblages of the Kislovodsk area, such as the Kugul burials, that have been dated to the 6th-7th centuries. The Early Avar burials of Central Europe with openwork shield-shaped belt mounts are generally assigned to the later 6th and the early 7th century, suggesting that these finds from the burials in the Kislovodsk area can be dated to the period between the late 6th century to the mid-8th century-

Archaeological research has since long been concerned with the ethnic attribution of horse-hide burials from the Eurasian steppe. This burial type occurs in burial complexes from the Sarmatian period to the early 2nd millennium. The Arab explorer, Ibn Fadlan recorded that one element of the burial rite of the nomadic Ghuzz was the slaughtering of one hundred or even two hundred of the deceased's horses or perhaps just a single one; their meat was eaten, their meat was eaten, but their head and hide was left intact.

The Turkic custom of burying horse heads and legs *is* foreign to the Sarmatian culture. In eastern Eurasia this custom can only be noted among the Huing-nu population of the Baikal region, and also in the burial assemblages from cemeteries of the Odintsov culture in Central Kazakhstan, the Urals and the Volga region, as well as in the Crimea since the Hun period. A possible Hunnic origin for this burial custom was first suggested by LP. Zasetskaia and others. The earliest horse-hide burials can be linked to the Azelin culture that

was distributed in the Baikal region in the 2nd century and they have been attributed to early Turkic-Ugrian ethnocultural contacts. It must here also be mentioned that one of the main features of the early Hungarian burial rite - as described by E.A. Khalikova - was the burial of the horse-hide together with the skull, the leg bones and the tail vertebrae. In Hungary itself, this rite - well attested throughout the Conquest period - was attributed to Petcheneg influences. Horse-hide burials are common among the nomads of the 10th century throughout South-East Europe; this burial custom is generally linked to the Petchenegs.

It must, however, also be borne in mind that the Petchenegs too were of Finno-Ugrian stock.

The various elements of these horse-hide burials suggest an origin in the Turkic-Ugrian world for this ritual In view of its particular features - also in comparison with complete horse burials - this ritual can be seen as the result of a close and continuous contact with the population groups among whom this burial rite originated, which in turn suggests the presence of Turkic-Ugrian groups in the central areas of Ciscaucasia.

In view of the time-span a Hunnic influences cannot be evoked in this particular case, even more so, since complete horse burials were found in the Northern Caucasus and even in the Machti cemetery (burial 6, from the 1992 campaign). Neither can a direct link with the Petchenegs be demonstrated since Petcheneg groups first appeared in the Ciscaucasia steppe in the late 9th and 10th centuries. The date of these burials coincides with the Avar period of the later 6th century and the early Khazar state in Cis-Caucasus (later 7th century to the mid-8th century). It must here be noted that several comparable burial assemblages were found in the shafts of early medieval Alan catacomb type burials in the central part of the Northern Caucasus, another piece of evidence for the close ethnocultural links between the Alans and the Turkic-Ugrian peoples.

The burial of horse-hides and of the remains of other animals in separate pits requires further study. This rite may have been prac-

ticed in commemoration of the deceased. but it may equally have been a yet little understood element of the entire burial rite.

The traces of fire that can be observed in these burials is important and can be traditionally associated with the nomadic culture of the Huns. A well-circumscribed group of lavish burials in which the fire ritual played an important role has also been identified (Pereschepino, Ilodos) and linked to Turkic religious rites.

Although considerably smaller in size, the so-called sanctuaries and commemorative constructions of rough stone fencing with ritual fireplaces and vessel sets, as well as various artefacts (belt mounts and buckles, horse harness, amulets, beads, etc.) share numerous similarities with the above burials. Also located in the environs of Kislovodsk, the structures at Love and Perfedy Rock have been investigated and published.

Another partially disturbed sfructure was investigated at the Ostryi Mis site in 1980. The assemblage included skulls, limb bones and the hides of smaller animals, possibly of rams. Five such structures have been identified in the Kislovodsk area (Zamok, Gornoe Ekho, Direktorskaia Gorka, Ostryi Mis and Eshchakon). A number of other structures can also be included among the above ritual fireplaces that are called *zemlianka* (lit. earth dwelling) by the locals. They generally contain various artefacts and also feature one or more layers of charcoal. One of these yielded a superb belt set of shield-shaped plates), similar to the one from catacomb 3 of the Machti cemetery.

A definite link can be assumed between the burial complexes discussed in the above and the individual small pits with a thick charcoal layer that contained burnt and partially deformed horse harness, belt plates, arrowheads, broken clay vessels found in the Kugul cemetery and the ritual assemblages from rock-shelf burials (e.g. Katykhinski cemetery 3). These sites, dating to the 7th century, definitely merit further study.

Jakov Sher

Some Semantic Parallels in the Ancient Art of East and West Eurasia

1. On the history of corrida

The most ancient on the Earth picture of the man-and-the-bull's single combat is found in the cave of Lascaux (France) and dates back to the Upper Paleolithic. There is a similar in plot picture in the cave of Pindal (Spain). A man was pictured very seldom at that time. According to A. Leroi-Gourham man's images make up not more than 4% of the total number of Paleolithic pictures; women's images are still less about 1% (except statuettes). In general scenes with an obvious subjective connection are very few in the art of Paleolithic. One can draw a conclusion that the single combat with a bull is nearly the most ancient plot in the history of painting since it appeared practically with the painting itself.

Outside Franco-Cantabry very expressive illustrations of the bull's cult and of fight with him have been found on the site of Chatal-Hyuyk (Anatolia). There retained a fresco on a wall of one of the temples. An enormous bull's figure and people rushing about occupy the central place. Altars of some temples of Chatal-Hyuyk also testify to the complicated character of the bull's cult. So the altar in one of the temples is a combination of sculptural and embossed compositions a woman in childbirth and three bull's skulls underneath placed one over the other. The skulls are coated with fine well-elutriated clay and painted with red and black mineral paints.

The earliest of these compositions in Central Asia - Zaraut-Saj has been found in 1939 by the local hunter I. Lomaev .Here in mountains, 2000 m above sea-level, a mural painting has been retained people, disguised as birds, attack a bull. Thismonument has been thoroughly studied by many investigators: it is dated back to Mesolithic[1]. Detailed paintings are found in the mountains of Northern India (Bhimpetka), but their dating is not exact.

Another later scene (2nd c B.C.) has been found by Z.S. Samashev in Eastern Khazakhstan. The composition consists of four bulls with deliberately long, wavy horns, stretched forward. Two of these bulls trample with their forelegs people, thrown down, the third bull has raised a man with his horns, and the fourth one has already thrown his victim down. There are short vertical lines seen on the croup and shoulder-blade of one of the bulls. These lines resemble fragments of spears or darts. This picture is the most expressive one but not alone. V.A. Novozhenov studied similar in plot compositions in Bykonur region and in some other places.

In this connection it is interesting to think of the lot of pictures "games with a bull" known from the cultural monuments of Crete, Mycenaeans and posterior periods of the ancient history of Mediterranean, Balkan and the Northern coast of the Black Sea (Prichernomorje). The fresco in the palace of Knossos, called "bull-leapers" is reproduces in every edition of text-books and reading-books on ancient history. Interpretation of this plot as acrobat jumps is by mistake attributed to A. Evance and circulated in our literature. In fact A. Evance called this plot "corrida".

During excavations in the valley of the Yenisei we have found remainders of ancient shrines (3rd-1st cc. B.C.) where bull's sacrifices took place. There were found bones of more than 100 bulls on one term. Prof. M.P. Gryaznov wrote: "It is necessary to study and revise all the materials on the bull's cult in monuments of crete-mycenaeanous culture. May be we shall have to renounce the generally accepted idea about leapers' games with a trained bull. Is not it more probable to interpret these pictures as a scene of a ritual

fight with a sacrificial bull which is a public show at the same time[2]. In fact one can try to reconstruct the historical background of this ritual. And to start not with the crete-mycenaeanous culture but with the upper Paleolithic. And to discuss the wild bull not the trained one.

Pictures from Lascaux and Pindal show a tragical end of an unsuccessful hunting for a bull, when a man has almost inevitably died under the beast's legs or on its horns. They could also serve as a "training appliance" for teaching boys an accurate "technology" of the hunting when the hunter must kill the bull with the only stroke. In this connection Z.A. Abramova's finding of an auroch's shoulder-blade with a dart-head, stuck in it, is of great interest. It was also found in the valley of the Yenisei at the Paleolithic site Kokorevo. This hunting method (a spear or a dart stroke in a shoulder-blade) has been retained almost unchanged up till nowadays. In 18th c. it was used by the American Indians. The hunting became more a ritual than a means for survival with the cultivators and herdsmen. As for the bull's sacrifice, the traces of which are constantly seen in the different monuments it was merely a means of demonstration of courage, force and adroitness: pictures on bowls from Agia Triade and Vafio and many other scenes, dated back from Paleolithic up to modern times (American cowboys' rodeo).

Recurring to the petrogliphs I'd like to mention a type of the bulls' image which intuitively seems to be very early. It's remarkable for the bulls' bodies, lined off with direct or wavy crossing lines which sometimes form something very much like a scheme of a carcass cutting which can be seen at the butcher's. The analogy isn't quite formal: the main idea of Avesta's "Gata" is to keep the cattle and to manage with the minimum sacrifices. Sassanid priests mentioned in their comments that Zaratustra said in connection with Jima who had taught people to cut a sacrificed animal's carcass: "Even Jima has made a sin here" (my gratitude to professor V. Lifshitz for a consultaton). It means that there existed certain strict directions as tocutting a sacrificed bull's carcass.

The materials under discussion make us think, that the bull's cult has appeared in the upper Paleolithic and is in fact existing all over the following epochs, modifying in details, acquiring new mythological names and realities but retaining unchangeable the central part of the ritual man-and-bull's fight.

2. The Horse-Leader from the banks of the Yenisei.

In 1978 there was an exhibition "An Antique Art from the Metropolitan Museum" in the Hermitage. Among other exhibits there was a big amphora of 8th-7th c. B.C. with a geometrical painting on its neck a man is holding by the bridle two horses standing symmetrically on both sides[3].That composition has reminded me of another one, close in plot and time, found on the other side of the world, in Southern Siberia. Here near Abakan (on the left bank of the Yenisei) there is mountain Oglakhty, well-known among archeologists. There was a picture on a riverside rock, embossed with small spot strokes a man in a peaked head-dress is holding but he bridle two horses standing symmetrically on both sides. The manner of representation allows to date it back to an early stage of the Scythian-Siberian" animal style" (8th-7th c. B.C.). This picture has been published many times though not always quite correct[4]. I have never been engaged in classic antiquity that's why it was a discovery for me. I have found a whole series of similar pictures in literature. Some of them are presented on table 1.

Table 1. The Horse-Leader:

1. - Oglakhty-I.10; 2, 3. - picture, crater "Small Palace", Ras Shamra, Ugarite, XIII-XII B.C.. (Sandars, 1978, p. 154, fig. 103; Langdon, 1989, p. 188, fig. 3-4); 4-5. - Kerameikos, grave 50, № 1306, 740-725 B.C. (Kübler, 1954, p. 244, taf. 110.141; Curbin, 1966, p. 142, pl. 141, C. 3462)

6. - helmet, Urartu (Tanabe et al., 1982, fig. 2); 7. - oenochoe, Dipylon, VIII B.C., National Museum, Copenhagen, № 1628 (Furtwangler, 1886, taf. 8; Davison, 1961, p. 85, fig. 133; Gray, 1974, taf. 10b; CVA, Danemark, fasc.2, p. 54, pl. 73, 4a, 4b); 8. - cratere, Athens, № 877, 725-710 B.C. (Blavatskij, 1953, p. 142; Coldstream, 1968, pl. 29d; 1979, fig. 46a; Borell, 1978, pp. 63, 96; abb. 10, taf. 1); 9. - oenochoe, National Museum, Berlin, VIII B.C. (Wiesner, 1968, taf. 6); 10. - bronze, Greece, occasional find (Pernice, 1904, p. 162-163, fig. 73a, 73b); 11. - cup with hands horizontal (Blavatskij, 1953 , p. 64); 12. - amphore, Metropolitan Museum, № 10.210.7, h. 67,5 *cm*, VIII B.C. (Richter, 1953, p. 25, pl. 15 c; Davison, 1961, p. 48, fig. 51).

Naturally a question came first: was that coincidence casual? There are some universal mythologems and their visual embodiments can sometimes spring up independently in cultures which have never had any contacts. But it is a characteristic feature of the scenes with the plot, common for the whole mankind - birth, death, fertility etc. This image is of a different type. Moreover, at a close comparison one can notice not only a subjective likeness between the petroglyphs and amphora paintings, but the propinquity of stylistic details which is not possible at an independent emergence (convergence). The peaked head-dress of the main personage, underlined bulges of the calf muscles, the similar proportions of the figures, filling of spare space between the man and the horses with the signs which look like solar ones - all these features are the same. In case it is not a casual coincidence there can be only two possible explanations: either a borrowing or a common "ancestor". The first explanation falls away - there could be no any synchronous cultural contact on the vast distance like that. The second explanation requires more discussion.

2.1. Ancient Indo-Europeans on the Yenisei

A common ancestor of the similar mythological plots is a myth which forms their basis. The traces of that myth are seen in ancient languages. Since the territory of Western Siberia in ancient times was a place of a historical interaction among threeor four ethic popupations - carriers of Uralo-Altaian, Ugro-Finnish, Paleoasian

and Indo-European languages, it might be theoretically assumed, that the plot under discussion could be related with any of those myphologies. But it is merely a theoretical premise. Practically non-Indo-European myths can be excluded at once for one reason | the horse image and the plots, based on it, are borrowed from the Indo-European tradition[5]. Archaeological, anthropological and linguistic data testify to a progressive movement of big masses of the cattle-breeding tribes beginning with the second part of the 4th c. B.C. (yamnaya culture). That movement hardly was a fast one as some authors write[6]. It could hardly be oriented. As herds and tribes were increasing they moved away in all directions, looking for new grasslands. But due to natural conditions the eastern direction prevailed[7].

Though it is not possible to prove it for sure now, I think that it took the ancient tribes hundreds of years to reach the eastern boundary of the Eurasian steppe - the valley of the Yenisei-river. During those centuries certain changes took place in culture. But the main signs - an anthropological type, ceramic forms, vehicles, ochre have retained in the culture of their direct heirs - Afanas'evo.

The connection between the Yamnaya culture and the ancient Indo-Europeans is generally recognized now[8] as well as the direct connection between Yamnaya and Afanas'evo. There are many pictures ofmythological personages, typical for the cattle- breeders' outlook (the latter had already had vehicles and chariots), on steles, rocks, stones and gravestones in the valley of the Yenisei. They are dated back to the 3rd-2nd c. B.C.[9] There are some figurative plots, traced back to afore-Indo-European myth[10].On their way some tribes turned to the south and went over the Pamirs and the Hindu-Kush in the valley of the Indus. Those who had reached the Minusinsk hollow, stopped here, because there was no way further to the east there began the taiga, alien to the steppe cattle-breeders.

2.2 Horses at the World Tree

The picture found on the Oglakhty mountain is not alone in the Central Asia. A composition, identical in plot, was found in the val-

ley of the Tallas in Kirghizia[11]. Tallas and Oglakhty pictures blend with a whole series of the similar petroglyphic plots. The only difference is that sometimes other animals, not horses, or undetermined animals are pictured, and "a horned tethering post" - the World Tree- is pictured instead of a man. It was difficult to date-back those pictures at that time due to the absence of direct data. According to style, technique and tan some of them were dated back to the Karasuk period[12]. This dating was completely corroborated by G.A. Maksimenkov and N.V.Leontyev's excavations on the river Varcha[13].

The most trivial explanation of these scenes is as follows: horses are tied to a tethering post. But at the Eurasian cattle-breeders a tethering post, though it had purely a pragmatic function, always remained a sacred object, a symbol of the world axis, a shrine, where sacrifices took place. So there exists a semantic line "tethering post - sacrifice post - World tree". When a new tethering post was erected, a horse was sacrificed and buried under it[14]. The North Star is the "Kazakhs' "axis", two neighbouring stars are the two white horses, pasturing around "the golden stake" on a tether[15].Ancient Germans had Yggdrasill - a post for the Odin's horse[16].

The image of the World Tree in the mythology of Indo-European peoples goes back to the epoch of the fore Indo-European unity. This symbol is repeated many times in the most ancient monument of the Indo-European culture "Rigveda". Some peculiarities of the "verbal description" of the World Tree deserve a special examination in connection with our petroglyphs. "Rigveda" says: "Sacrifice posts with (their) (hafted) peaks (arranged) on the land look like horns of horned (animals)"[17]. Both Sumerians in the Gilgamesh's epos and ancient Chinese imagined almost the same World Tree. It is known that Indo-European mythological images and plots came to the ancient Chinese in the bronze epoch. Many later pictures of the World Tree on different things, for example on shaman's tambourines in Siberia, and in still "living" rites of some peoples in India[18] reproduce the same "horned " image.

The plot "Horse at the World Tree in petroglyphs" has already been discussed in literature[19].I give here a short review of the discussion to go to another image closely related with the former one. POTNIA TERON - POTNIOS IPPON Aman's figure also serves as a symbol of the World Tree or more exactly it can be related to the same semantic field (see I.M. Dyakonov's remark that not any vertical line would be treated as the World Tree[20]). Antropomorphyzation of the image of the World Tree is traced in ancient texts and pictures of both men's and women's personages[21].

The antropomorpgic model of the world is possibly more archaich then a "tree-like" one. It is much to the point to mention here a myth-poetical formula of power over the horses, which gave the name of Potnia Ippon. It is used in Mycenaeanous, Greek, Homeric Greek "po-ti-ni-ja i-qe-ja, po-ti-ni-ja a-si-wi-ja", in Vedic "asviya, asvin-", in Avestic "asu. aspa", in Celtic and other ancient Indo-European languages[22]. One can hardly invent a visualization of this verbal formula, semantically more exact and unambiguous than the pictures shown in table I .Historically and genetically the image of Potnia Ippon is preceded with an earlier personage which goes back tothe Indo-European epoch and is fixed in the same languages "Master/Mistress of biped and quadruped" (Potni/-a/-os/Teron). Images, close in sense, appear already in the neolyth of Anatoly[23] and then are constantly met in the Aegeanworld of the bronze epoch[24]. The majority of the authors think this image to be borrowed by the Hellenes from the Front East. I. Schebler supposes that it is not a direct but an indirect reminiscence of the eastern motif "Master ofanimals", comparable by sense with the image of Poseidon Hippios[25], Other investigators have also expressed similar ideas[26], including possible identification of Heracles with Potnios Teron[27].

Arguments about the etymology of the word "dominus" and its connection with "dominare", its comparability with the consonant old Indian - "damitar" and old Greek "damaw", and the old Indian ward "damanah" means "Horse Master, driver" are of interest[28].

The answer to the question, how on earth has that plot appeared on the Yenisei may be given, perhaps, only in the boundaries of the hypothesis about the common ancestor. Potnia Teron is a very early mythological personage which goes back to the epochof the fore-Indo-European unity if not to the more ancient one - nistraric epoch (Anatolic statuettes of a godness with animals on both sides). In general one can say that this mythologema was carried further away from the point of its appearancewith the general flow of settling of the Indo-European tribes in the steppe Eurasia. The mythologema passed on from the herdsmen-cattle-breeders, from Jamnaya and Afanas'evo cultures to the later cultures, and then to the ancient Tagar, which wereprobably carriers of one of the Indo-Iranian languages.In this connection V.V. Henning's idea of "prototokhars" in the Central Asia and the Northern China is of great interest[29]. Maybe it were they to whom belonged a layerof an imitative mythology, well-known from the complex of the so-calld Okunevsky stelles and petrogliphs on the Yenisei[30], Karakol paintings at the Altai[31] and from the painted petrogliphs in China[32]? Maybe, their mythology carried the even earlier tendency, where, among others, the image of "The Horse Master" had been formed?

---

[1] **Формозов А.А.** Очерки по первобытному искусству. – М., 1969.

[2] **Грязнов М.П.** Культ быка в обрядах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии. – М., 1977. – С. 87.

[3] **AIMM**: Античное искусство из музея Метрополитен. – М., 1978. – № 15; **Richter G.M.** Handbook of the Greek Collection. – 1953. – P. 25, pic. 15c; **Davidson J.M.** Attic geometric Workshops // *Yale Classic Studies. – New Haven, 1961. – Vol. 16.* – P.48, fig.51)

[4] **Савенков И.Т.** О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее – М., 1910 (Труды XIV археологического съезда. – Т. 1); **Вяткина К.В.** Наскальные изображения Минусинской котловины // *Сб. МАЭ. – Л., 1960. – Т. 20*; **Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980. – Фиг. 120, **Членова Н.Л.** Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – Фиг. 4; Советов О.С. К вопросу о семантике среднеенисейских петроглифов скифского времени // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – Л., 1990. – С. 169-173. Фиг. L; et al.

[5] For example at Altaian peoples – **Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси, 1984. – Т. 2. – С. 939)

[6] **Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Указ. соч. – С. 952 with a reference to **Мерперт Н.Я.** Миграции в эпоху неолита и энеолита // *СА – М., 1978. № 3*; **Schlerath B.** Die Indogermanen. – Insbruck, 1973.

[7] **Gimbutas M.** The first wave of Eurasian steppe pastoralists into copper age Europe // *J. of Indo-European Studies. – Wash., 1977, – Vol. 5, No 4.* – P. 277-338); **Gimbutas M.** Old Europe in the fifth millennium B.C.: The European situation on the arrival of Indo-Europeans // *The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia. Ed. by E.C. Polome. – Ann Arbor, 1982.* – P. 1-604 et al. think, on the contrary, that the western direction was the main one.

[8] **Gimbutas M.** Old Europe in the fifth millennium B.C.; **Parpola A.** The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the DASAS // Studia Orientalia. – Helsinki, 1988. – No 64. – P. 195-302; **Дьяконов И.М.** Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // *Кавказ и цивилизации Древнего Востока. – Орджоникидзе, 1989.* – С. 5-21. et al.

[9] **Вадецкая Е.В., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.** Памятники Окуневской культуры. – Л., 1980; **Леонтьев Н.В.** Колёсный транспорт эпохи бронзы на Енисее // *Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980.* – С. 65-84; **Максименков Г.А.** Окуневская культура. – Новосибирск, 1975. **Шер Я.А.** Указ. соч. – С. 216-229 – this is a reference only on summarizing works, which contain a vast primary bibliography)

[10] **Шер Я.А.** Указ. соч. – С. 270-277.

[11] **Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С.** Петроглифы Залтырак-Таша // *Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987.* – С. 72, фиг. 4.

[12] **Шер Я.А.** Указ. соч. – С. 269.

[13] **Леонтьев Н.В.** Указ. соч.

[14] **Сорокин С.С.** К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1981. – Вып. 22.* – С. 30-34; **Яковлев В.Ф.** Якутские коновязи // Язык – Миф – Культура народов Сибири. – Якутск, 1988. – С. 161-163, see p, 161 "a horned post" on a picture.

[15] **Валиханов Ч.Ч.** Избранные сочинения. – Алма-Ата, 1958. – С. 478; **Акишев А.К.** Идеология саков Семиречья // КСИА. – М., 1978. – Вып. 154; **AIMM**: Античное искусство из музея Метрополитен. – С. 43

[16] **Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Указ. соч. – С. 553.

[17] Rigveda (III, 8, 10)

[18] **Фрэзер Дж.** Золотая ветвь. – М., 1980. – С. 358.

[19] **Шер Я.А.** Указ. соч. – С. 265-270.

[20] **Дьяконов И.М.** Архаические миры Востока и Запада. – М., 1990. – С. 51-59.

[21] **Иванов В.В.** Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от ASVA – "KON" (жертвоприношение коня и дерево ашваттха в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии – М., 1974. – С. 136; **Топоров В.Н.** К происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. – М., 1972. – С. 54, 65, 69; **Иванов В.В., Топоров В.Н.** Исследования в области славянских древностей. – М., 1974. – С. 36; **Топоров В.Н.** Ашваттха // Мифологический словарь. – М., 1991. – С. 79

[22] **Казанскене В.П., Казанцев Н.Н.** Предметно-понятийный словарь греческого языка: Крито-микенский период. – Л., 1986. – С. 140-143; **Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Указ. соч. – С. 545, 550-552

[23] **Mellaart J.** Catal-Huyuk: A Neolithic Town in Anatolia. – L., 1967. – Ill. 2540; **Mellaart J.** The Neolithic of the Near East. – L., 1975.

[24] **Langdon S.** The Return of the Horse-Leader // *Amer. J. of Archaeology. – Boston, 1989. – Vol. 93, No 2.* – P. 185-201.

[25] **Scheibler I.** Die simmetrische Bildform in der fruhgriechischen Flachenkunst. – Kallmunz, 1960. – P. 20, 27, 33, 90-91.

[26] **Wiesner J.** Fahren und Reisen // *Archaeologia Homerica. – Gottingen, 1968. Bd. I, kap. F;* **Boardman J.** Simbol and Story in Geometric Art // *Ancient Greek Art and Iconography. – Madison, 1983.*

[27] **Burkert W.** Strukture and History in Greek Mythology. – Berkley, 1979. – P. 94.

[28] **Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Указ. соч. – С. 483-484; **Откупщиков Ю.В.** Словообразование – семантика – этимология (о происхождении лат. dominus) // *Античная культура и современная наука. – М., 1985.* – С. 177-178.

[29] **Henning W.B.** The first Indo-Europeans in history // *Society and History: Essays in honour of K. A. Wittfogel / Ed. A.L.Ulmen. – The Hague, P., N.Y., 1978.* – P. 215-230.

[30] **Вадецкая Е.В., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.** Указ. соч.

[31] **Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск, 1988.

[32] **Chen Zhao-Fu.** Decouverte de Tart prehistorique en Chine. – Milan, 1987.

D.D. Vasilyev

Türkische Runen-Inschriften auf den chinesisch Metallspiegeln aus Minussinsk Museum

Im allgemeinen Bestand von türkischen Runen-Inschriften sind ungefähr fünfzehn epigraphische Texte bekannt, die auf den in VI-X. Jahrhunderten hergestellten chinesischen Metallspiegel-Fragmenten geschrieben sind, Diese sehr kurze Inschriften sind viel spater,, als der Spiegel selbst, mit dьnnen Linien auf den gewällten Spiegelkanten oder auf den von Gussabbildungen freien Orten gemacht. In dieser Gruppe der türkischen Inschriften eine var in Semiretschje[1] eine andere im Oberlauf des Irtisches[2] gefunden, und noch eine am Ende des vorigen Jahrhunderts von Akademiker S.F. Oldenburg aus Ost-Türkistan gebracht[3]. Alle anderen waren im Oberlauf der Jenissej's. In heutigen Tuva und Khakassien gefunden, Der grösste Teil dieser Inschriften wird jetzt in einem der ältesten Museen Sibiriens in der Stadt Minussinsk aufbewahrt. Fast alle diese Splegelteile wurden in der Exposition "Die östlichen Quellen der Kultur von Alt-Ungaren" im Nationalmuseum in Budapest in 1994 gezeigt.

Das Gebiet, wo die Spiegel mit den gekritzelten alttürkischen Inschriften gefunden sind, war das Zentrum des Staats der Jenissej-Kirgizen in Jahren 682-745 ging dieses Gebiet Ins Zweite Türkische Reich ein, das die Kirgizen erobert hatte. Nach dem Jahre 750. stand dieses Gebiet eine kurze Zeit unter Ujgurengewalt, und von Jahre 820. ab und bis zum Ende des IX. Jahrhunderts werden die Kirgizen die wichtigste Kraft in Süd-Sibirien. Die archäologische Funde5 die zu dieser ganzen vierhundertjährigen

Periode gehören, zeugen von den aktiven Handels-, Politik- und Kulturkontakten der türkischen Staaten Zentralasiens mit Tang-China. Insgesamt mehr als hundert Spiegeln dieser Periode befinden sich in den Sammlungen der russischen Museeen und mehr als 90 von ihnen sind im Oberlauf des Jenissej's gefunden. Aus diesem Grunde kann Süd-Sibirien für ein grosses Zentrum der Ausfuhr der chinesischen Metallspiegeln aus Tang-Reich halten.

Im Jahre 1975 hat E. Lubo-Lesnitschenko die Beschreibung und die Fotos des Teiles der bekannten chinesischen Metallspiegeln aus Sьd-Sibirien herausgegeben und als Werke des Kunstgewerbes erforscht und systematisiert[4], Aber die Ziele der Erforschung haben die Herausgebung der abermaligen alttürkischen Inschriften auf den Spiegeln nicht vor, darum sind sie meistens unerforscht und unübersetzt.

Die erste Mitteilungen über die Runen-Inschriften auf den Fragmenten der chinesischen Metallspiegeln aus Tang-Zeit gehören der Sibirienreise von D.G. Messerschmiedt in Jahren 1720-1732, Der Autor des im Jahre 1818 herausgegebenen ersten Atlas von Runen insohriften aus Sibirien G.I. Spasski hat im Jahre 1835 gemeldet: Der ehemalige Guverneur des Jenissej-Gebietes Hr. Stepanov hatte ungefähr zwanzig Metallspiegel, die aus den Hugelgraben ausgegraben worden, auf manchen von ihnen waren nicht nur Gussabbildungen, sondern auch die Zeichen der Unbekannten Schrift[5].

In der Mitte unseres Jahrhunderts die einzelne Publikationen der Runen-Inschriften tragende Spiegel oder die Erwöhnungen von diesen Funden kann man in den Artikeln von E. Rigdilon, L. Kizlasov finden[6], aber die Fotos sind nicht herausgegeben und man übersetzte die Inschriften nicht. In den Publikationen hat man auf die Notwendigkeit der Restaurationreinigung für die Identifizierung der Zeichen hingeweisen,

Im Jahre 1983 haben wir zum ersten Mal die gemeinsame illustrierte Publikationen der neun türkischen Spiegelinschriften gemacht[7]. Aber die Rekonstruktion der Texte und die Nachrichten

über die Ursprung manchen Funden waren ungenügend. Ich schlage Ihnen die Rekonstruktionen der türkischen Runen-Inscriften auf den restaurierten chinesischen Metallspiegeln aus Oberfluss des Jenissej's vor. Der Index der Inschriften entspricht der Korpus der türkischen Runen-Inschriften.

E 76. Spiegelfragment I

wurde von Hiesigen in einem Hügelgrab nicht weit von der Stadt Abakan gefunden und im Jahre 1722 D.G.MMesserschmiedt übergegeben, Die erste Zeichnung der Inschrift wurde von I.F.Strahlenberg gemacht und mehrmals herausgegeben» Es wird angenommen, das Fragment verlorengegangen ist, die Zeichnung der Inschrift wurde lange vor der-Dechiffrirung der türkischen Runenalfabets gemacht. Deswegen können manche Zeichen ohne Original nicht identifiziert sein und man kann nur ein Fragment des Textes rekonstruieren.

„*tüz oruq[q]a bök : külüg* alp"
„Geniesse den glatten Weg, Der berühmte Held".

E 77. Silberspiegelfragment I

wurde in Minusinsker Talkessel gefunden, Befindet sich in der Exposition Minusinsker Museums (Inventarnimmer 5194),

Aus einer Zeile bestehende Inschrift befindet, sich rund in der Nahe des Spiegelbords. Sie wurde nach dem Rekonstruktionreinigen vollständig restauriert,

„*ertiŋi tükmüš : arïq kümüš özük*"
„Du, rein wie Silber, hast den Schatz ausgegeben".

E 84. Spiegelfragment III aus Abakan-Museum

wurde von Archäologen A.Lipski ins Republikmuseum Hakasiaens in Abakan übergegeben.

Die zweizeilige Inschrift befindet sich rund neben dem Spiegelbord Sie ist nach dem Rekonstruktionsreimgen vollständig restauriert, In vorigen Ausgaben wurde die Inschrift ungenau und gekürzt herausgegeben.

„.. *.sarï esin (biti) yagïz yïr...*"
„... gelber Wind... (Inschrift) braune Erde..."

E 85. Spiegelfragment IV

wurde in Minusinsker Talkessel gefunden und befindet sich jetzt Minusinsker Museum. Die Inschrift besteht aus zwei Zeilen, die mit einer dinnen Linie voneinander getrennt sind. Die untere Zeile ist völlig verschwunden und ein Teil der Inschrift kann nicht rekonstruiert werden. In vorigen Ausgaben gibt es Ungenauigkeiten.

"biči(gi) čizeŋ (iŋ) eši"
Die Beute des Autors der Inschrift

E 127. Spiegel V

Unter alten Fotos in Archiv Minusinsker Museums wurde ein Foto von anscheinend aus weisser Bronze gemachten chinesischen Spiegel gefunden auf dessen Kehrseite eine Etikette mit der Inschrift: "Minusinsk , Jahre 1905 zu sehen war, Im alten Inventerbuch aus Jahre 1906 findet man solch ein Aufschreiben: „Ein Foto gemacht von Födorov, aus der Spiegel Sammlung von Altertumssammler L. Kuznetsov-Krasnonarski". Es war jemals ein berümter Altertumssammler,

Der Spiegel hat eine quadratische Form, in einer Ecke des Spiegels gibt es eine Inschrift aus fünf Runen:

"surqač"

Wahrscheinlich ist es ein Name oder eine Beiname, Mahmut-al-Kash-gari erklart dieses Wort als "Lack fьr die Bearbeitung der Griffe der blanken Waffe".

E 128. Spiegelfragment VI

Dieses Spiegeifragment wurde - in Minusinsker Talkessel gefunden, netzt wird es in der Grundsammlung Minusinsker Museums aufbewahrt, Die aus zwei Zeilen bestehende Inschrift ist auf dem freien Rand neben dem Spiegeibord fein graviert,

„šin"

Das kann chinesisches "shou" sein, das heisst „der zehnte Mitglied des zwölfteiliges Kalenders",

E 129. Spiegelfragment VII

besteht aus zwei Scherben, wurde im Dorf Monok in Minussinsker Talkessel gefunden, Jetzt befindet es sich in Fonds Minussinsker Museums

"ögüt ošu inč"
„Der Rat ist Ruhe"

E 130. Spiegeifragment VIII,

Fragment des quadratformigen Spiegels wurde in Minussinsker Talkessel gefunden, bewahrt in Minussinsker Museum. Aus drei Zeichen bestehende Inschrift ist auf dem freien Rand in der Ecke fein graviert, ein Zeichen befindet sich in der Vertiefung zwischen den Hierogliefen, fünf Zeichen sind in einer Zeile am Bord des Spiegels Die Inschrift wurde nach der Restauration vollständig rekonstruiert.

"erig"
„Manier, Betragen, Lebensweise"

"adï"
„sein Name"

„otunč eŋü"
„ötuntsch Engil" ist, meinetwegens, der Name des Spiegelbesitzers.

E 143. Spiegelfragment IX

wurde nahe dem Dorfe Tschaa-Hol in Tuva in der Grabstätte Aimyr-lyg gefunden, befindet sich in den Fonden der Ural-Staatsuniversitat in Jekaterinburg.

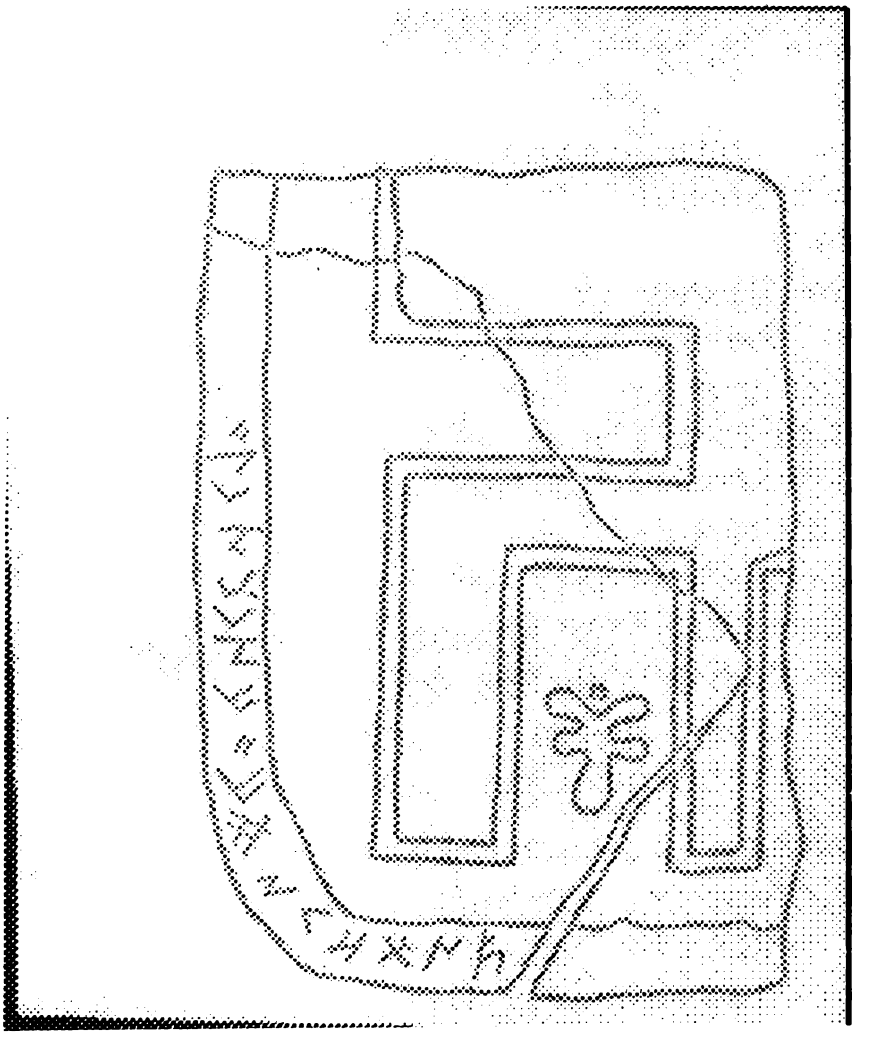
Die Inschrift besteht aus vier Zeichen, die sich auf dem freien Rand neben dem Spiegelbord befinden.

„*alpïŋ : u*“
„gehört dem Helden“, „(die Sache) des Helden“

Chinesicshe Metallspiegel und ihre Fragmente waren in türkischer Nomadengesellschaft köstliche Import-Luxussachen. in einer der alttürkischen Epitaphen bei der Beschreibung der unzahlbaren Reichtümer des Toten erwöhnt man "acht weisse (aus Bronz) Spiegel und zehn schwarze (wahrscheinlich, in selben Gebiet gegossene) Spiegel“. Die Spiegel wurden von Schamanen verbraucht, man glaubte an ihre magischen Eigenschaften. In alt-uigurischen Texten wird die Verlust eines Spiegels als ein schlechtes Zeichen erwöhnt. Auf den Spiegeln gemachte Abbildungen und Inschriften verstärkten ihre Amulettenkraft. Ihre Schutzgewalt hielt man so gross, dass die Spiegel in Fragmente zerbrochen und unter eine Gruppe von Menschen verteilt wurden. Aber das kann auch durch die hohe Wert dieser Importsachen erklart werden. Man kann auch annehmen, dass eine türkische Inschrift den Spiegel als Amulette mit einer bestimmten Persone verbindete, Deshalb sollte der Spiegel auch nach dem Tode mit seinem Besitzer bleiben. Manche Inschriften können als Geschenkinschriften interpretiert werden.

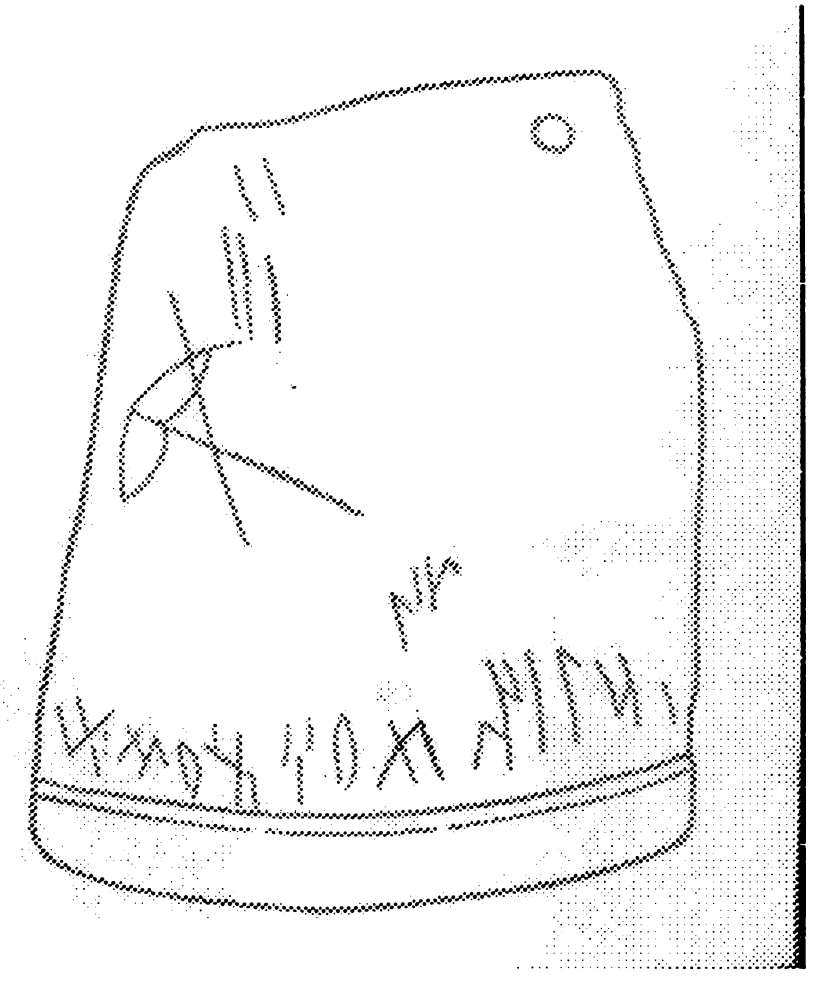
Die Adaptierung in der türkischen Umwelt der Gegenstande aus anderen Zivilisationen mit Hilfe der Erganzungsinschriften zeugt von dem zweifellosen kulturellen Einfluss Tang-China's auf das tagliche Leben der Nomaden. Der Inhalt manchen Inschriften und die Benutzung in ihnen der buddistischen Terminologie lasst über die Interesse der Türkvölker Südsibiriens in frühem Mittelalter zur filosophische und mythologische Traditionen Chinas und über

genügende Kentnisse und bestimmte Sympatien in diesem Gebiet sprechen. In diesem und auch in manchen anderen Ausserungen kann man einen bestimmten Synkretismus der örtlichen zentralasiatischen und weitöstlichen Traditionen sehen. Seine aktive Einführung und Popularität im alltaglichen Leben rufen wahrscheinlich den politischen Widerstand der türkischen Kahanen der in Orkhon-Inschriften fixiert ist.

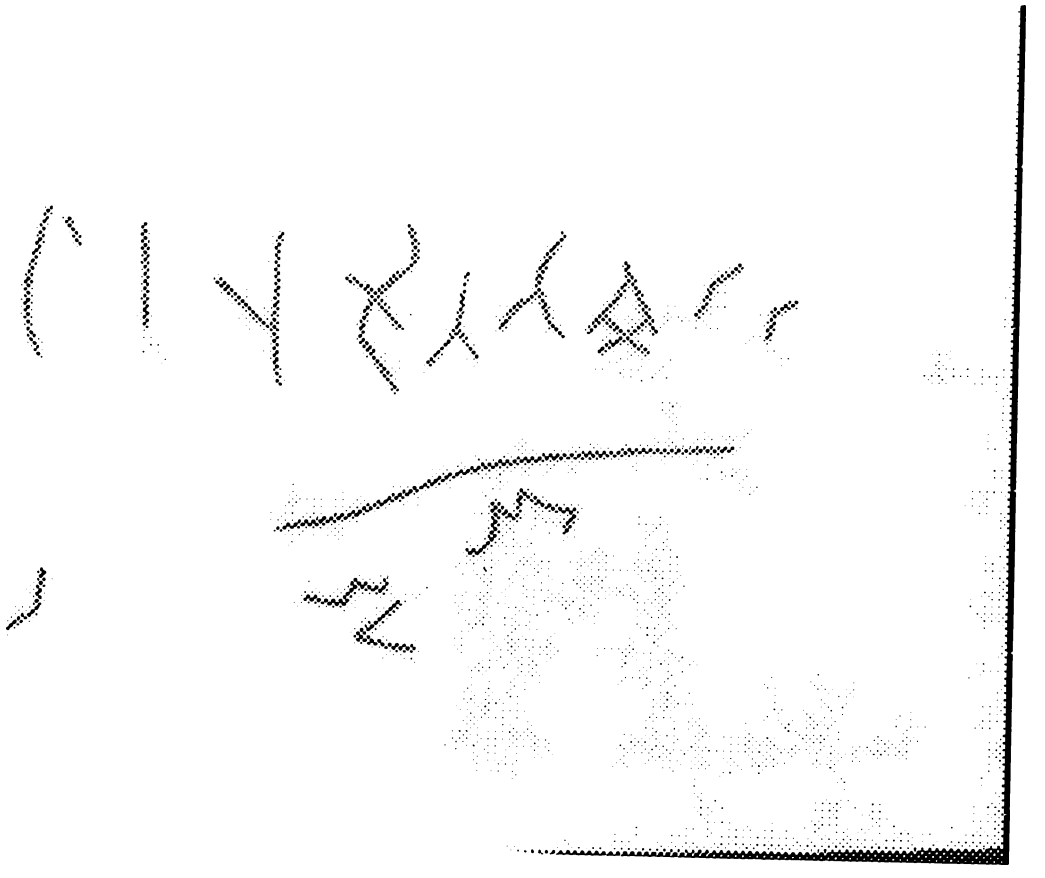

E 76

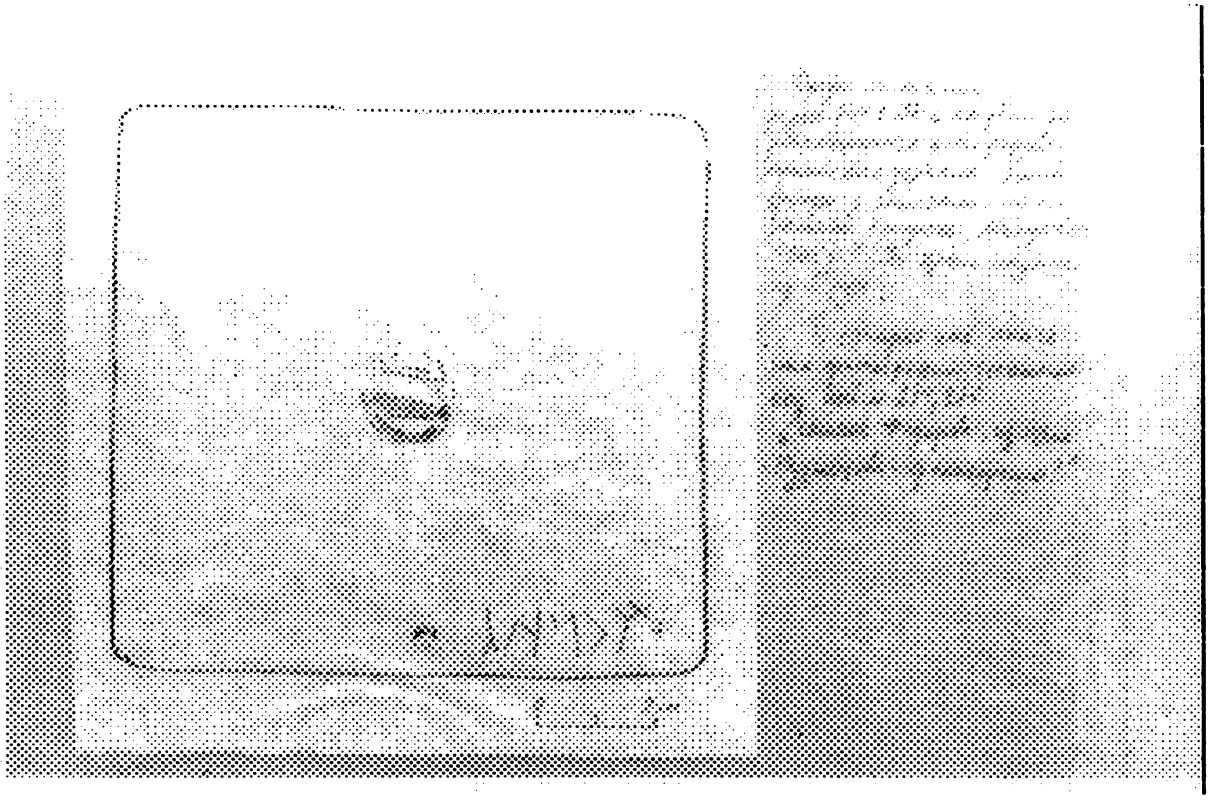
E 77

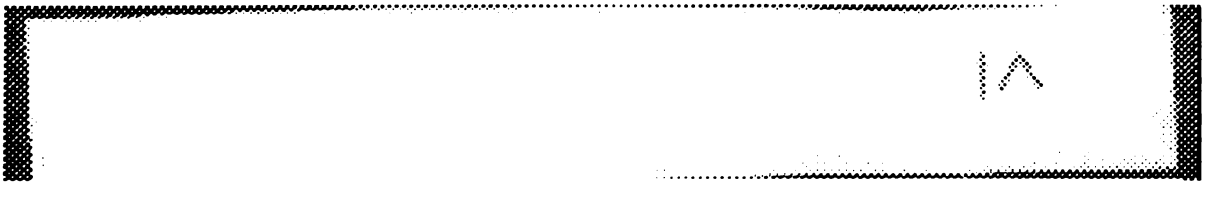
E 84

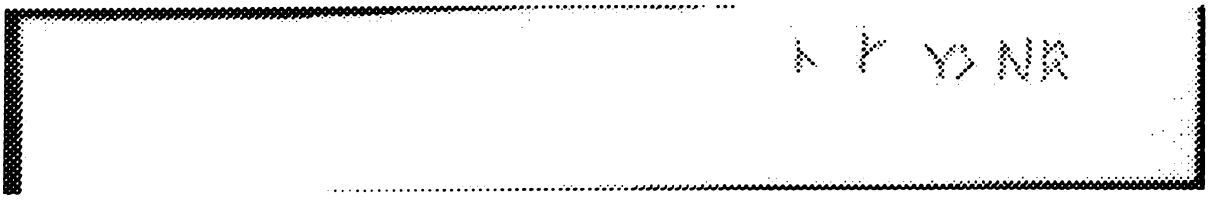
E 85

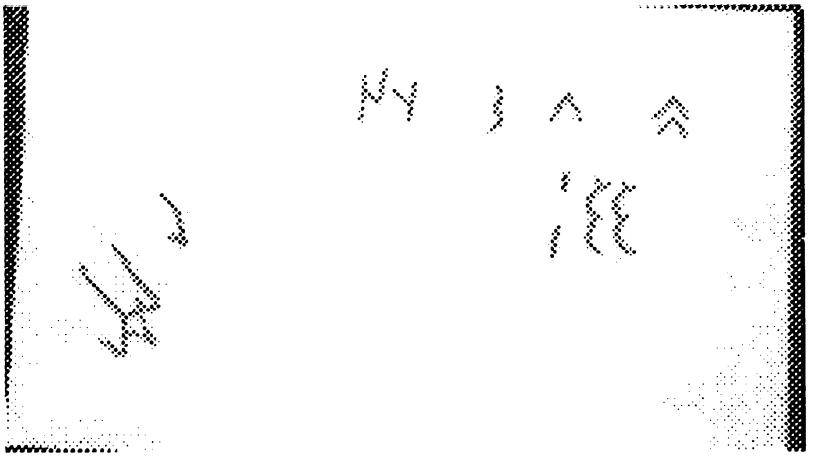
E 127

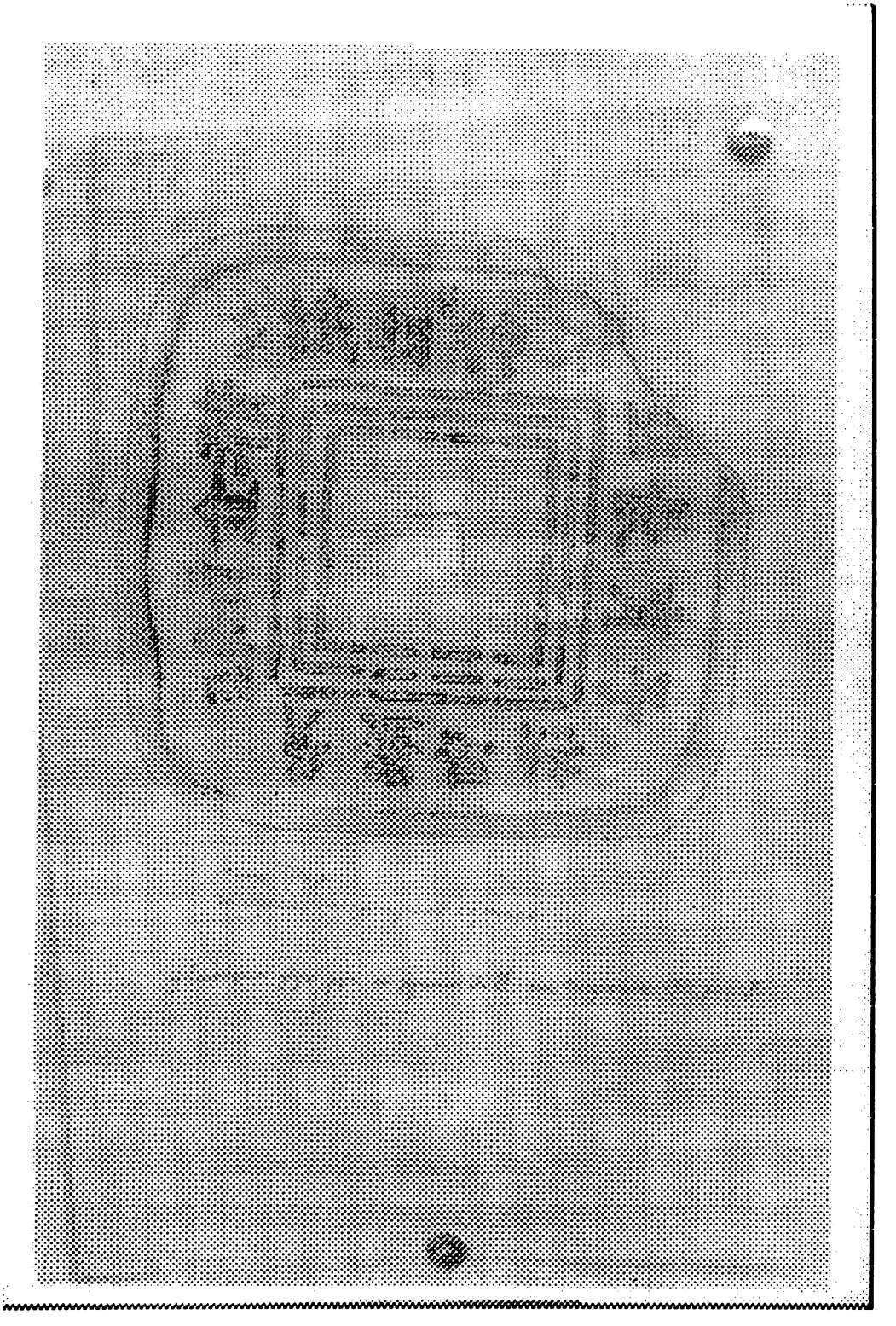
E 128

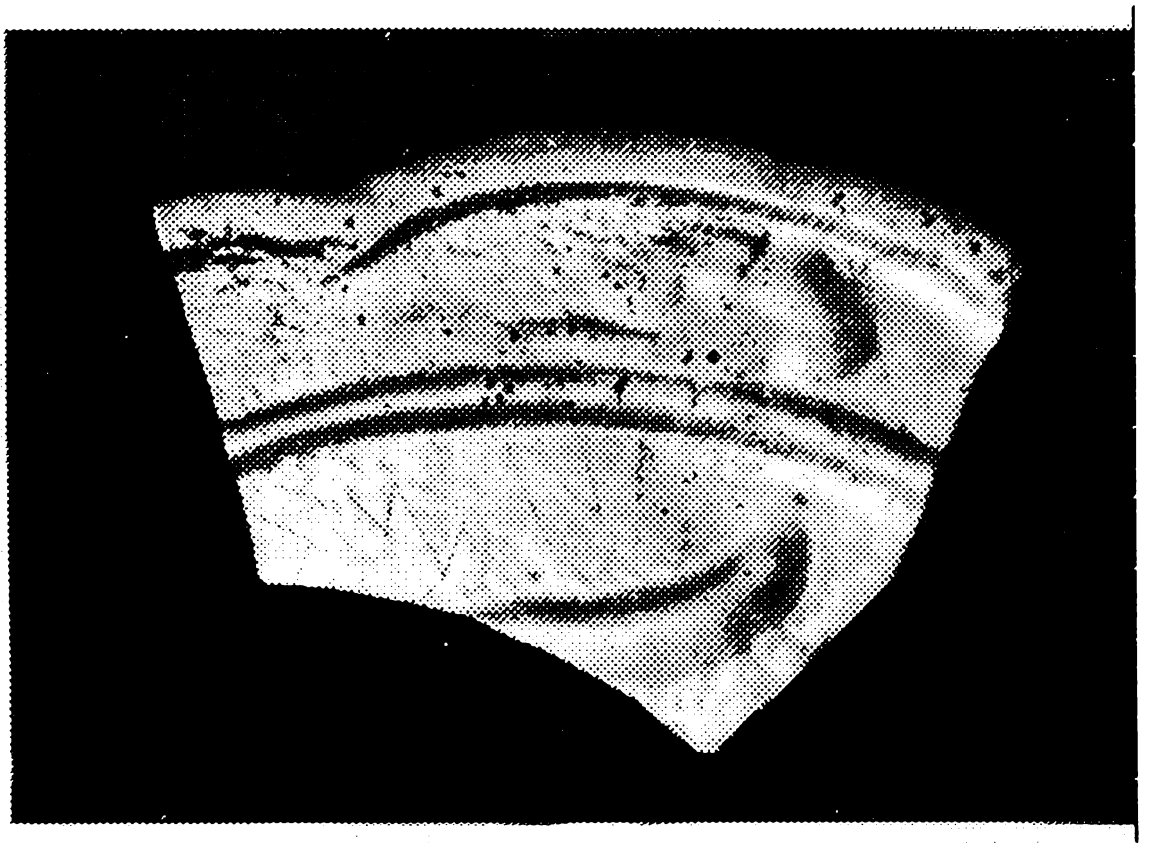
E 129

E 130 (прорисовка надписи)

Е 130 (предмет с надписью)

Е 143

---

[1] **Бернштам А.Н.** Новые эпиграфические находки из Семиречья // *Эпиграфика Востока. – М.-Л., 1948. – Т. 2.* – С. 109

[2] **Дрзянова Ф.Н., Кляшторный С.Г.** Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // *Тюркологический сборник. – М., 1973 · 1972.* – С. 308-315.

[3] **Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.** Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л., 1979. – Т. 39. – С. 45-48.

[4] **Лубо-Лесниченко Е.** Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975.

[5] **Спасский Г.Л.** О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. – С. Петербург, 1857. – С. 20.

[6] **Рыгдылон Е.** Новые рунические надписи Минусинского края // *Эпиграфика Востока. – М.-Л., 1951. – Т. 4.* – С. 91-92; Китайские знаки и надписи на археологических предметах // *Эпиграфика Востока. · М.-Л., 1951. – Т. 5.* – С. 118-119. **Кызласов И.Л.** Новые материалы по енисейской рунической письменности // Советская тюркология. – М., 1981. - № 4. – С. 93-96.

[7] **Васильев Д.Д.** Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983 – С. 37-39.

Васильев А.Д.

Рец. на кн.: "Chronica": Annual of the Institute of History – Szeged: University of Szeged, 2005. – Vol. 5.

В свет вышел пятый номер периодического издания «Хроника». Ежегодник Института Истории Сегедского университета (Венгрия).

Помимо публикаций, освещающих индивидуальные исследования историков Сегедского университета, ежегодник информирует читателя о новых проектах и наиболее заметных и значимых публикациях по всеобщей истории, которые появились в истекшем году. Заметное место в номере занимают статьи по истории Востока.

Сборник открывается статьей в память профессора Сегедского университета, выдающегося учёного, Саму Шадечки-Кардосса, который скончался в 2004 г. в Сегеде в возрасте 87 лет.

Раздел «Статьи» открывается статьей Мелинды Секели «Плиний Старший и проблема Наследственного Правления». В данной статье автор анализирует отрывок из «Естественной истории» Плиния Старшего, посвящённый такому интересному и дискуссионному вопросу, как выборы короля, смещение короля, наследственность монархии.

Статья Моники Мезеи «Еврейские сообщества в меровингских городах во второй половине шестого века от Р.Х. по описаниям Григория Турского» основана на анализе средневековых летописных источников. Автор на основе сведений, сообщаемых Григорием Турским, пытается раскрыть внутреннюю повседневную жизнь еврейских общин в городах ранне-

средневековой Европы и проследить их взаимодействие с окружающими их христианами.

В источниковедческой статье Тамаша Нотари «Комментарии к главам Conversio Bagoariorum et Carantanorum, посвященным аварам» рассматриваются сведения раннесредневековой хроники, посвященные периоду истории, последовавшему вслед за Великим переселением народов, и предшествовавшему завоеваниям Арпада. Главы, посвященные описаниям аваров, позволяют восстановить историю территорий, на которых позднее возникло венгерское государство.

Статья Золтана Костольника «The Influence of Latin Canon Law on the Golden Bulls issued by Andrew II of Hungary» посвящена исследованию венгерских средневековых законодательных источников. Автор проводит параллели между законодательными актами венгерского короля Андрея II и католическим каноническим законодательством, и приходит к выводу, что данные документы были созданы, в том числе, и под воздействием местного венгерского духовенства, воспринявшего традиции Римского права. Таким образом, на протяжении XIII в. были сохранены и получили дальнейшее развитие связи католического Запада и Восточно-европейского королевства.

В статье Иштвана Петровича «Hungary and the Asiatic Coast in the Middle Ages. Power Aspirations and Dynastic Contacts of the Arpadian and Angevin Kings in the Adriatic Region» рассматривается борьба венгерских королей за выход к побережью Адриатки на рубеже X-XI вв. В статье также рассмотрены взаимоотношения с соседними королевствами и борьба венгерских династий за контроль над Хорватией и Далмацией в X-XIII вв.

Статья Тибора Алмаши «A Contribution to the History of the Term **Sigillum Mediocre** in the Hungarian Kingdom under the Angevins» посвящена анализу некоторых особенностей средневекового венгерского делопроизводства и, в частности, употреблению эпитетов, использовавшихся для обозначения различных печатей, использовавшихся венгерским королем при

нотариальном подтверждении подлинности того или иного документа.

Шаролта Хоммонаи в статье «Western Europe and Hungary in 1346 as reflected in the daily life of a diplomatic mission» рассматривает венгерские средневековые источники, посвященные описанию повседневной жизни иностранных посольств. Среди венгерских средневековых источников крайне мало документов такого рода. Исследование, проведенное в статье, помогает пролить свет на повседневную жизнь членов дипломатических миссий и позволяет дать более полное представление о жизни средневекового общества.

Статья Таефа аль-Азхари «The Turkmen Identity Crisis in the fifteenth-century Middle East. The Turkmen-Turkish Struggle fir Supremacy» посвящена исследованию турецко-туркменской борьбы за господство на Ближнем Востоке в XV веке, в частности, исследованию истории туркменской династии Дулькадиридов. Автор отмечает значительную роль туркменских племен, пришедших из Средней Азии, и на основании османских и мамлюкских источников прослеживает ход образования государства Дулькадиридов, рассматривает некоторые аспекты их социальной структуры.

Статья Лаойша Кёвера «Trieste au XVIIIe siècle: porte méditeranéene du Royaume de Hongrie?» посвящена исследованию международных отношений в середине XVIII в. Автор исследует роль Триеста в истории международных отношений в Средиземноморье и значение этого порта для Венгерского королевства в данный период.

Дэвид Кертис Райт в статье «From Honoured Mound of Bones to Neglected Mound of Refuse. The Mass Burial Site of Anti-Mongol Loyalists in Yuqiao Village, Jiangsu Province, China», посвященной исследованию одной из страниц монгольского завоевания Китая. Были описаны и изучены на месте массовые захоронения жителей одной из китайских провинций, подвергшейся нашествию монголов.

Для российских читателей, безусловно, будет интересна статья Юдит Пихурик «Против «советского рая». Заметки венгерских солдат о целях войны и сталинском Советском Союзе». Статья основана на привлечении в качестве исторического источника личных материалов – дневниковых записей и мемуаров венгерских солдат и офицеров о войне в Советском Союзе. Эти материалы отражают представления венгерских военнослужащих о целях войны в России и позволяют проследить, как менялись эти представления и боевой дух венгерской армии в ходе боевых действий.

В разделе «Диссертации» представлены обзоры пяти наиболее значимых диссертаций, подготовленных в университете Сегеда.

Раздел открывает работа Терезии Дер «Die Gestalt des heiligen Stephan und des heiligen Ladislaus in Ungarn entstandenen, lateinischen, mittelalterlichen liturgischen Gesängen». В данном исследовании автор провел литературоведческий анализ религиозных гимнов, посвящённых Св. Стефану и Св. Владиславу. Терезии Дер удалось на примере этих гимнов осветить литургический, музыкальный, литературоведческий и культурологический аспекты религиозных венгерских средневековых песнопений. Автору удалось также раскрыть причины и время их возникновения.

Диссертация Ласло Гальфи «Angers au XIIIe siècle. Dévelopment urbain, structures économiques et sociales» посвящена исследованию истории порта Анжер. Проанализированы особенности городского строительства и повседневной жизни, а также особенности развития экономики и социальная структура этого города.

Соня Холлоши в своей диссертации «Contribution à l'étude de l'imaginaire dans les lettres francophones du Magreb: transformations mythiques et contextuelles. Approche pluridisciplinaire» проводит анализ воображаемого и мифического в представлениях французов о странах Магриба. В дис-

сертации были использованы междисциплинарные методы исследования.

Золт Хуньяди в своей диссертации «Hospitallers in the medieval Kingdom of Hungary» поставил себе целью осветить историю возникновения и развития ордена Госпитальеров в Венгрии. Автор исследовал историю развития этого ордена в тесной взаимосвязи с историей развития средневекового венгерского общества. В заключение исследования автор говорит о той роли, которую играл орден в жизни средневековой Венгрии и о взаимоотношениях членов ордена с окружавшей их социальной средой.

В диссертации Иштвана Фодора «The Hungarian Passage of the Gayhani-tradition» проводится анализ сведений арабских географов о ранней истории Венгрии. И. Фодор использует сведения средневекового арабского географа ал-Гайхани, в частности, отрывок, который посвящен описанию венгерской племенной конфедерации. Этот фрагмент является наиболее полным описанием венгерских племен во второй половине девятого века н.э. Несмотря на то, что сам источник не сохранился, текст может быть частично восстановлен по описаниям других, более поздних географов и авторов.

Раздел «Обзоры» завершает сборник. В данном разделе вниманию читателей представлены следующие обзоры.

Каталин Надь подготовила обзор сборника статей «Armed Nomads, Nomadic Arms». В этот сборник включены материалы 3-й международной конференции по истории степей, которая проходила в Сегеде в 2002 г. В сборник входят 16 статей, освещающих различные аспекты военного дела у кочевников Евразии.

Чилла Хорват подготовила обзор исторического исследования «Die Geschichte des Erzbistums von Kalocsa». Объектом исследования стала история возникновения и функционирования архиепископства в Калоче. Работу отличает большое количество источников, а также обширная библиография, посвященная вопросам истории церкви в Венгрии.

In Memoria

Геза Фехер
(1917-2005)

В серии выпусков Бюллетеня ОВ РАН «Hungaro-Russica» будут публиковаться био-библиографические очерки о современных востоковедах Венгрии и России, чьи труды составили фундаментальный вклад в науку, но по ряду причин остаются недостаточно известны в полном объёме в наших странах. Первым очерком такого рода читателям предлагается краткое описание жизни и научной деятельности исследователя-османиста с мировым именем, друга и товарища многих венгерских и российских тюркологов, научного сотрудника Венгерского Национального Музея, искусствоведа, историка, археолога, текстолога, почетного председателя венгерско-турецкого общества дружбы, доктора Гезы Фехера.

Геза Фехер родился 22 мая 1917 г. в русинской деревне Иза бывшего уезда Марамуреш (сейчас на территории Украины). Его отец был преподавателем в лицее и библиотекарем, с 1922 по 1944 г. жил и работал в Болгарии, приобретя славу выдающегося археолога и специалиста по древности, создателя и основоположника археологической школы по изучению болгарского средневековья. Детство Г. Фехера прошло отчасти в Болгарии, позже он учился в Венгрии, окончил лицей и юридический факультет Будапештского университета. Каникулы он проводил в Болгарии, в основном, на раскопках своего отца в Мадаре, Плиске и Мунджилар. Население в этих районах Болгарии было, в основном, турецким. И Г Фехер смог уже в юном возрасте познакомиться с жизнью турок и изучить болгарский и турецкий языки (он блестяще знал также немецкий и французский). Еще в молодости ему удалось побывать с отцом в

Лондоне и часто вспоминал впоследствии, каким чудесным событием оказалось для него это путешествие.

В 1941 г. Геза Фехер защитил диссертацию в университете Печа и в декабре 1942 г. уехал в Стамбул по стипендии Министерства религии и образования. Помощь в получении стипендии в трудные военные годы оказал ему отец, ставший к тому времени весьма известным в международном научном сообществе. Переживший тяготы фронтовой жизни в годы первой мировой войны, отец хотел избавить своего сына от прохождения военной службы. В течение 5 лет он изучал в Стамбульском университете историю искусства и национальную экономику. После прихода советских войск в Болгарию в 1944 г., его отец также перебрался в Стамбул. В 1945 г. новое венгерское правительство в Дебрецене призвало венгров вступать в ряды вновь организованной освободительной армии, и в январе того же года Г. Фехер обратился в генеральные консульства Венгрии и СССР в Стамбуле с просьбой о возвращении на родину. Но это желание осуществилось не сразу. В 1946-47 гг. он участвовал в исследовании знаменитой султанской коллекции из дворца Топкапы, проводимом его отцом, и получил возможность изучить материалы также и других турецких музеев. В декабре 1947 г. Г. Фехер смог вернуться в Венгрию.

С 1948 г. они вместе с отцом возвратились на родину и стали работать в Венгерском Национальном Музее. Семь месяцев Г.Фехер работал не получая зарплаты, на общественных началах. 15 мая 1949 г. он был включен в штат музея в качестве ассистента. В 1955 г. получил должность музееведа. Геза Фехер предпочел юридической карьере иной путь – его интерес к истории и искусству (прежде всего истории и искусству Турции) оказался сильнее.

Сделав выбор на изучение памятников, связанных с османско-турецким прошлым Венгрии, он добился наибольшего успеха и научного признания. В Национальном Музее он мог заниматься археологическими раскопками руин османского пе-

риода и, одновременно, изучать сохранившиеся в коллекциях этого музея и других музеев Венгрии предметы, относящиеся к данному периоду.

В 50 - 60-ых гг. XX в. он провел немало раскопок, стремясь при этом установить происхождение тех или иных сооружений и находок. Он вел работы по реставрации и консервации предметов, обнаруженных при раскопках в Мохаче-Челепатаке и крепости Эгер. Во время раскопок в Эстергоме, в Сенттамашхедь (1958) им была обнаружена турецкая печь для обжига керамической посуды. Там же, в католической церкви, а также в местности Сечени им были найдены остатки средневекового поселения. В Эрд-Офалу стараниями ученого были спасены старинный турецкий замок с укреплениями и остатки мечети (1962-65). Реставрировались также находки из Сютто-Букопушта (1958), Хайошхильдпушта и Асфельда (1957). Г. Фехер участвовал и в других краткосрочных или долгосрочных экспедициях. Он был членом группы поиска отдела средневековья Национального Музея, которая открыла крепость Кинизси в Надьвазсонь. Фехер участвовал и в раскопках крепости Эстергома, и одновременно в постоянной многолетней экспедиции в Вышеграде и в раскопках в крепости Дьюла. Но раскопки составляли далеко не главную сферу его деятельности. Его внимание все более сосредоточивалось на письменных источниках османского периода и на прикладном искусстве той эпохи.

Исследования Г. Фехера, турецких письменных памятников, предметов ювелирного искусства, медных изделий, резьбы по камню, ткацкого искусства регулярно публиковались в ежегоднике «Фолиа Археологика» Национального Музея и в ежегодниках музеев Печа, Эгера, Эстергома. Он много публиковался за рубежом и участвовал в конгрессах по данной проблематике. У Фехера появилось больше возможностей для поездок на международные конференции. В ходе этих коротких командировок ему удавалось успеть многое. Он стремился по возможности больше времени проводить в интересующих его

музеях, в фондах которых собрал огромный тюркологический материал. Повсюду у него были друзья, и все ему помогали с удовольствием. В те годы он написал исследование о турецких шатрах; он способствовал покупке за границей кожаной харманы – шедевра османского прикладного искусства и ознакомил с ней научное сообщество. Он подготовил также научную статью о двух величественных светильниках, захваченных турками в Будине, привезенных в Стамбул и помещенных в Святой Софии. Геза Фехер участвовал в организации выставок, подготовил и обновлял османскую часть постоянной экспозиции Национального Музея, приложил немало усилий для сохранения исторических памятников на территории Венгрии, для ознакомления турок с историческим наследием их предков в Венгрии, с османским искусством. Он устраивал неоднократно выставки в музее Ракоши в Текирдаге и в доме-музее Кошута в Кютахье.

Результаты исследований Фехера были опубликованы в 70-ые годы и получили большой отклик и в Венгрии, и за рубежом. Его книга «Прикладное искусство периода турецкого завоевания» вышла в 1975 г. в серии публикаций о хранилищах Национального музея. Книги Г. Фехера были переведены венгерскими издательствами «Геликон» и «Корвина» на основные иностранные языки и выпущены с богатыми иллюстрациями. В том же году эти издательства выпустили в свет его наиболее известный труд – «Турецкие миниатюры в Венгрии в эпоху турецкого завоевания», которое дважды переиздавалось в Венгрии и неоднократно переводилось на иностранные языки и издавалось в других странах.

Турецкие миниатюры, повествующие об истории Венгрии, – вероятно, наиболее плодотворный раздел научного творчества Гезы Фехера. Миниатюры из хроник, сохранившихся за рубежом (прежде всего, в Турции), в различных коллекциях, представляют живейший интерес не только с точки зрения истории искусства. Он использовал миниатюры как новую весьма информативные исторические источники XVI-XVII вв.

В Венгрии благодаря усилиям выдающихся востоковедов – Арона Силади, Антона Велича, Йожефа Тури, Имре Карачона – существовала, начиная с XIX в., традиция публикации источников по османской истории. Но никто специально не занимался выявлением в этих источниках миниатюр и их изучением. Геза Фехер в указанных выше работах, а также и в своей диссертации на соискание звания члена Венгерской Академии наук, написанной в том же 1975 г. и с успехом защищенной 19 марта 1976 г., осуществил научное исследование данной группы источников. Его оппонентами выступили Дьюла Ласло и Дьёзё Герё. Эта диссертация была издана в виде книги в 1982 г. Венгерской Академией наук под названием «История Венгрии в османско-турецкой живописи».

Пока здоровье позволяло, Фехер продолжал свои исследования, обнаруживал все новые миниатюры, писал работы о гирях и мерах весов в Турции, о письменных приборах. Его работы используются и цитируются всеми специалистами, пишущими в настоящее время об османской эпохе.

Геза Фехер активно участвовал в жизни международного научного сообщества. Он не только выступал на конгрессах и конференциях, но и участвовал в организации подобных научных встреч. Он был постоянным членом Международного конгресса по тюркскому искусству. Он организовал проведение в 1976 г. в Будапеште V Международного конгресса по тюркскому искусству, а также взял на себя редактирование почти 1000-страничного сборника материалов этого конгресса, выпущенного в свет два года спустя. Не будем забывать и того, что он был одним из немногих венгерских ученых, которому удавалось на протяжении 50-ых и 60-ых годов поддерживать тесные связи с академическими кругами в Турции. Он великолепно знал Турцию и ее народ. Для одного из авторов этого очерка незабываемым событием стала экскурсия вместе с ним по Стамбулу в 1991 г. с посещением знаменитых исторических памятников и музеев. Он на ходу читал целую лекцию по каждому уголку Стамбула, связанному с историей венгров. На ка-

ждом шагу от Святой Софии до рынка Капалы Чарши он встречал знакомых, здоровался с ними. Его книга-путеводитель по Стамбулу и окрестностям выдержала три издания: книга, посвященная самому Стамбулу, – два издания. Его усилия по укреплению взаимосвязей между учеными двух стран были высоко оценены и турецкой и венгерской общественностью. Геза Фехер был избран почетным членом Турецкого исторического общества, был награжден почетным орденом Турецкой Республики. В связи с 50-летием Турецкой Республики он получил почетный диплом; он был награжден также почетным дипломом Стамбульского технического университета; также ему был присвоен почетный диплом Факультета истории, языка и географии Анкарского университета.

От всего сердца Геза Фехер принимал участие в работе Венгерско-турецкого общества дружбы. С 1989 г. он был почётным председателем этого общества, постоянно публиковал свои статьи в печатном органе общества – журнале «Турецкие записки».

Его связи с Болгарией, заложенные еще воспоминаниями юности и дружбой, завязавшейся во время экспедиций его отца, также не прерывались. Он написал ряд статей о турецкой культуре в Болгарии. Фехер с горечью переживал отрицательную оценку деятельности его отца в Болгарии новыми властями после второй мировой войны. Его чрезвычайно обрадовала переоценка деятельности его отца и признание его научных заслуг в Болгарии после 1970-ых годов.

Геза Фехер был и в личной жизни прекрасным человеком. Мы знали его как отзывчивого и доброжелательного коллегу- тюрколога. Он был очень душевным и радушным человеком. На вопросы он отвечал спокойно и обдумывая каждое слово. он не был столь уж замкнут в себе, как показалось, но был примером прилежного служащего. Каждое утро, одевшись с тщательностью, достойной джентльмена прежних времен, он выходил на улицу в чёрном пальто и фетровой шляпе. Со стороны нельзя было предположить, что этот человек – очень доб-

родушный, остроумный, не терпящий никакой искусственности, деланности и высокомерия в обращении. В молодости он был склонен к шуткам и анекдотам, во время раскопок участвовал в любительских футбольных матчах. Старшие наши коллеги вспоминали, как Геза Фехер со склонённой немного набок головой и с философской улыбкой на лице следил за мячом, катившимся в его ворота.

Он был не только благородным и приятным коллегой, но и настоящим другом, готовым помочь. Он помогал не только в мелочах, но и в разрешении для его коллег многих трудных житейских проблем. Исследователь памятников османского прошлого был наделен также и практической смекалкой и обширным кругом знакомств. Мы никогда не забудем его мудрых слов, которые он произносил после некоторого раздумья в самых разных ситуациях. Фехер был искренним патриотом. Но он не твердил о любви к родине. Быть венгром для него было понятием чести. Но нет надобности говорить о том, что он, как востоковед, с уважением относился к ценностям других стран и народов.

Высокая оценка его работы со стороны Национального Музея проявилась во вручении ему в 1993 г. Памятного ордена Сечени. По причине все усиливавшейся болезни Фехер не мог уже присутствовать лично на многих мероприятиях и церемониях, но до конца дней он не порывал связей с музеем, с его сотрудниками, со своими друзьями, венгерскими и зарубежными. В телефонных разговорах он не скрывал своего состояния, но и тогда он не переставал заботиться о других, заниматься их бедами и проблемами. Он продолжал интересоваться новостями в венгерской и зарубежной тюркологии. Но болезнь его оказалась сильнее, он скончался 10 марта 2005 г. Его труды среди специалистов по-прежнему высоко ценятся, а его человеческая натура по-прежнему жива в воспоминаниях его коллег и друзей как в Венгрии, так и в других странах.

Библиография трудов выдающегося тюрколога-османиста Гезы Фехера:

1. A bulgáriai szláv kerámiára vonatkozó legújabb irodalom. *ArchÉrt* 81 (1954) 90–96. XX–XXI. t.
2. Az 1949. évi Mohács-cselepataki mentőásatás. – Die Rettungsgrabung von Mohács-Cselepatak im Jahre 1949. *ArchÉrt* 82 (1955) 212–228. XXXVI–L. t.
3. Az egervári leletmentő ásatás. – Rettungsausgrabungen in Egervár. *ArchÉrt* 84 (1957) 66-73. XV–XXI. t.
4. Pierres commémoratives à inscriptions turques en provenence de Hongrie. *FolArch* 10 (1958) 173–178. XXV–XXVI. t.
5. Les cachet et anneaaux sigillaires à inscription turque du Musée National de Hongrie. *FolArch* 11 (1959) 187–196. XXIV–XXVI. t.
6. L'influence ottomane sur les arts industriels Hongroises. In: *Premier Congrès International des Arts Turcs*. Ankara 1959, 101–103.
7. Dimitar Decsev (1877–1958) *ArchÉrt* 86 (1959) 87.
8. Gavril Kacarov (1874–1958). *ArchÉrt* 86 (1959) 87.
9. Nikola Mavrodinov (1904–1958). *ArchÉrt* 86 (1959) 88.
10. Ivan Velkov (1888–1958). *ArchÉrt* 86 (1959) 88.
11. Tóth Zoltán (1888–1958). *ArchÉrt* 86 (1959) 192.
12. Budapest Műemlékei I. (Ism.) *ArchÉrt* 86 (1959). 223.
13. Библиография на българската археология 1879-1955. (Ism.) *ArchÉrt* 86 (1959) 230-232.
14. Esztergom-szenttamáshegyi 1956. évi törökkori kutatások. – Fouilles pratiquées prés Esztergom à Szenttamáshegy. *Esztergom Évlapjai* 1960, 35–41. XXXVII–XXIX. t. (Társszerző: Parádi Nándor.)
15. XVI–XVII. yüzyıllarda Macaristan'daki Türk zanaati. Estergon-Szenttamáshegy'daki Türk çanak-çömlek fırını. (Magyarországi XVI–XVII. századi török iparok. Az Esztergom-szenttamáshegyi török fazekaskemence.) *Belleten* 24 Ankara 1960, 547–566. (Társszerző: Parádi Nándor.)
16. A pécsi Janus Pannonius Múzeum hódoltságkori török emlékei. – Denkmäler aus der Zeit der türkischen Unterwertung im Janus Pannonius Museum in Pécs. *JPMÉ* 1959. [1960] 103–150. XXVII–XXXVIII. t.
17. Macaristan'in Türk hakimiyeti devrinden kalma mimarî ve zanaat eserleri. (Hódoltság kori török építészeti és ipari emlékek Magyarországon.) In: *VI. Türk Tarih Kongresi. Bildiri Özetleri*. Ankara 1961. 54–56.

18. La tente turque du Musée National Hongrois. *FolArch* 13 (1961) 213–223.
19. L'influence ottomane sur les arts industriels Hongrois. In: *First International Congress of Turkish Arts*. Ankara 1961. 154–158.
20. Török sátor. (A Magyar Nemzeti Múzeum kiállításai. Leporello-sorozat) Budapest 1961. 6 p.
21. XVI–XVII. yüzyillarda Macaristan'daki Türk zanaati II. Estergon-Szenttamáshegy'daki yazıtlar (Magyarországi XVI–XVII. századi török iparok II. Esztergom-szenttamáshegyi feliratok.) *Belleten* 26. Ankara 1962, 701–714.
22. Les coupes a inscription turques et arabes d'Esztergom-Szenttamáshegy. *Németh Armağanı* (Németh Gyula-emlékkönyv.) Ankara 1962, 155–165.
23. Vases de cuivre turcs dans le Musée National Hongrois. *FolArch* 14 (1962) 153–167. XXII–XXVII.
24. A jászberényi török oklevelek gazdaságtörténeti jelentősege. *Jászkunság* 8 (1962):1. 57–62. (Társszerző: Hazai György.)
25. Hazai György: Sovietico-Turcica. (Ism.) *ArchÉrt* 89 (1962) 283–284.
26. A Magyar Nemzeti Múzeum lelőhellyel jelölt hódoltság kori ezüstcsészéi. – Les bols d'argent de l'époque turque, à lieu de decouverte connue, conserves au Musee National de Hongrie. *FolArch* 15 (1963) 87–105. X–XIX. t.
27. Hódoltságkori fémművességi kérdések. Az egri török ezüstkupa. – La hanap d'argent turc d'Eger. *EgriMÉ* 1 (1963) 213–230.
28. Az egri várból származó török pecsétgyűrű. – Une chevalier turque retrouvée dans la fortresse d'Eger. *EgriMÉ* 1 (1963) 231–233.
29. Към въпроса за периодизацията на туркските занаятчийски паметници в Маджарско. *Известия на Българската Академия на Науките - Етнографски Институт* (София) 6 (1963) 187–204.
30. Проблеми на занаятчийство през туркското владичество в унгарската археология. *Археология* (София) 5 (1963):4. 1–5.
31. Encore une fois sur les monuments à inscriptions d'Esztergom-Szenttamáshegy. In: *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten*. Ankara 1963, 101–106.
32. L'influence turque dans les arts decoratifs populaires hongrois. In: *Atti del II. congresso internationale de arte turca*. Napoli–Venezia 1963. 53–54.
33. Problèmes d'orfévrerie turque-ottomane en Hongrie. In: *Atti del II.*

congresso interbationale de arte turca. Napoli–Venezia 1963. 55–56.

34. Contribution aux problème de l'orfévrerie turque à l'époque de l'empire ottoman. *Acta OrientHung* 17 (1964) 113–127.
35. Les problèmes de la poterie turque en Hongrie aux XVIe-XVIIe siècles. *Rocznik Orientalistyczny* (Warszawa) 28 (1964) 90–105.
36. Türk hakimiyeti devrinin Macaristan'da arkeoloji araştırmalarında dilciliğin ve etnografyanın rolü. (A nyelvészet és a néprajz szerepe a magyarországi hódoltság kori török emlékek kutatásában.) In: *X. Türk Dil Kurultayında Okuman Bilimsel Bildiriler 1963'ten ayrıbasım*. Ankara 1964, 51–55.
37. Káldy-Nagy Gyula: Baranya megye XVI. századi török adóösszeírásai. (Ism.) *Bibliotheca Orientalis* (Leiden) 21 (1964) 380.
38. Hazai György: Sovietico-Turcica. (Ism.) *Bibliotheca Orientalis* 21 (1964) 381.
39. A Magyar Nemzeti Múzeum hódoltság kori ezüstcsészei. – Les coupes d'argent des temps de la domination ottomane conservés au Musée National Hongrois. *FolArch* 17 (1965) 169–199.
40. Tureckie rzemeslo artystyczne na wegrzech w okresie panowina tureckiego. *Pregląd Orientalistyczny* (Warszawa) 53 (1965) 53–62. II–VII. t.
41. L'influence turque sur les arts décoratifs populaires hongrois. In: Atti del secondo congresso internationale di arte turca. Napoli 1965, 119–122. LXI–LXVI. t.
42. Quelques problèmes des objets d'art métalliques turc-osmanlis, mis au jour en Hongrie. In: Atti del secondo congresso internationale di arte turca. Napoli 1965, 123–128. LXVII–LXIX. t.
43. Az isztambuli Aja Szófia budai renaissance gyertyatartói. *Művészet* 6 (1965):11. 1–6.
44. Bemerkungen zur Erforschung der tükenzeitlichen materiellen Kultur in Ungarn. *Bibliotheca Orientalia* 22 (1965) 347–52.
45. A szigetvái hadjáratról írt XVI: századi török történelmi mű miniatúrái. *Művészet* 7 (1966):9. 1–5.
46. Macaristan'daki Türk mimarî eserleri. (Magyarországi török építészeti alkotások.) *Akademi* (Istambul) 5 (1966):3. 50–52.
47. Macaristan'daki Türk kuyumculuk yadigârlari. Balkanlar'daki kuyumculuğa Türk tesiri. (Magyarországi török ötvösemlékek. Török hatás a balkáni ötvösségre.) *Türk Etnografya Dergisi* (Istambul). 7–8 (1964–1965[1966]). 1–19. I–LII. t.

48. Macaristan'ın Türk hâkimiyeti devrinden kalma mimarî anıtları ve zanaat eserleri. (Magyarországi török hódoltság kori építészeti és iparművészeti emlékei.). In: *VI. Türk Tarih Kongresi.* Ankara 1967. 265–270. LXXI–LXXIV. t.
49. Türk mimarî anıtları, sanat eserleri Macaristanda. (Török építészeti és művészeti alkotások Magyarországon.). In: *VI. Türk Tarih Kongresi.* Ankara 1967. 472–473.
50. Magyar gyűjtemény hódoltság végéről származó török vezéri zászlaja. *Művészet* 9 (1968):8. 10–11.
51. Macaristanla ilgili XVI. ytizyıldan kalma bir yazit. (Magyarországgal kapcsolatos XVI. századi felirat.). *Bilimsel Bildiriler* 1966. Ankara 1968, 165–169.
52. Esztergomi török vörösrézedények. – Les ustensiles de cuivée turcs d'Esztergom. *Komárom Megyei Múzeumok Közleményei* 1 (1968) 275–310.
53. Esztergom-szenttamáshegyi feliratos edények. – Beschriftete Gefässe aus Esztergom-Szenttamáshegy. *Komárom Megyei Múzeumok Közleményei* 1 (1968) 329–338.
54. A Török hódoltság kora. In: *Vezető a Magyarország története a honfoglalástól 1849-ig című kiállításhoz.* Szerk. Dienes Istvánné. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest 1968, 58–62. (2. és 3. kiadás: 1985.)
55. A Rákóczi szabadságharc és a török-magyar történelmi kapcsolatok. (Kiállításvezető, Rákóczi Emlékmúzeum, Rodostó.) Budapest 1968. 16 p. (Társszerző: Bánkúti Imre.)
56. Rákóczi'nin Hatıraları Miizesi (Tekirdağ). „Türk-Macar Bağlari." Budapeşte 1968. 1–12.
57. XVI. ve XVII. yüzyılda: Macaristan'da Türk zanaatlari ve bunlarin tesiri I. (A török ipar hatása Magyarországon.) In: II. *Turk Folklor Araştırmaları.* 235/II. Istambul 1969, 5197–5200.
58. XVI. ve XVII. yüzyilda: Macaristan'da Türk zanaatlari ve bunlarin tesiri I. In: *Turk Folklor Araştırmaları.* 236/III. Istambul 1969, 5227–5229.
59. Richard Krautel – Otto Spies: Die Gefangene der Giauren. Die abenteuerlichen Schicksale des Dolmetschers Osman Aga aus Temeschwar, von ihm selbst erzalt. Graz–Wien–Köln 1962. (Ism.) *Bibliotheca Orientalis* 26 (1969) 431–432.
60. Kreutel. R., Osmanische Geschichtsschreiber IV. (Ism.) *Bibliotheca Orientalis.* 26 (1969) 586.

61. Macaristan'da Türk sanat eserler. (Magyarországi török művészeti alkotások.) In: *Turk San'ati Tarihi Araştirmalar ve İncelemeler.* Isztambul 1969. 205–213. IX–XI. t.
62. Macar sanatinda Türk etkisi I. (Török hatás a magyar műiparban. I.) *Önasya* (Ankara) 1969/1.
63. Macar sanatinda Türk etkisi II. (Török hatás a magyar műiparban. II.). *Önasya* 1969/2.
64. Macaristan'in XVI-XVII. yüzillardaki Türk zanaati hatiralari I. (Magyarország XVI–XVII. századi török iparművességi emlékei, I.) *Önasya* 1969/3.
65. Macaristan'in XVI-XVII. yüzillardaki Türk zanaati hatiralari II. (Magyarország XVI–XVII. századi török iparművességi emlékei, II.) *Önasya* 1969/4.
66. Macaristan'da XVI-XVII. yy.-dan kalma Türk mimari anitlari. (XVI–XVII. századi magyarországi török építészeti emlékek.) *Önasya* 1969/5.
67. Kanûnî'nin Macaristanla ilgili yaziti. (Törvényhozó Szulejmán Magyarországgal kapcsolatos felirata.) *Önasya* 1969/5.
68. Macaristan'da Türk devri arkeoloji araştirmalarlnin dilcilik ve etnografya ile olan ilgisi. (A nyelvészet és a néprajz szerepe a magyarországi török kori régészeti kutatásban.) *Önasya* 1969/11.
69. Les chandeliers de Buda de l'époque de la Renaissance conservés à Saint-Sophie à Istamboul. *Anatolica* 3 (1969–1970) 205–211. XXVII–XXVIII. t.
70. Bőrkaftán a mohácsi csatából. *Múzeumi Magazin* 1970/1. 12–13.
71. Szamarkand öröksége. *Múzeumi Magazin* 1970/1. 28–29.
72. A timurid művészet szimpóziuma Szamarkandban. *Művészet* 12 (1970): 2. 4–5.
73. Türk kuyumculuğum Balkanlara tesiri. (A török ötvösség hatása a Balkánon.) *Önasya* 1970/2.
74. Macaristan'da Osmanli-Türk kuyumculuk eserleri. (Oszmán-török ötvösművek Magyarországon.) *Önasya* 1970/3.
75. Macar Millî Müzesinin yeni bir eseri: XVI. yy. başindan kalma deri kaftani. (A Magyar Nemzeti Múzeum új szerzeménye: bőrkaftán a XVI. század elejéről.) *Önasya* 1970/5.
76. Kânûnî Sultan Süleyman preisende Inschriften zweier aus Buda stammender Renaissance Kunstgegenstände. In: *Kânûnî Armağani.* Ankara 1970, 203–206. I–X. t.
77. XVI. századi magyar tárgyú török miniatúrák. *Művészet* 11 (1970):6.

2–4.

78. Szamarkand építészeti emlékei. *Műemlékvédelem* 1970/2. 113–116.
79. Les miniatures turques de XVIe siècle a sujet hongrois. In: *VII. Türk Tarih Kongresi.* Ankara 1970. 31–32.
80. Принос към изучаването на златарството на Балканите от XVI-XVII в. *Известия на Археологическия Институт при БАН* 32 (1970) 5-53.
81. Miniatures turques du XVIe siècle relativ a l'histoire de Hongrie. *Iparművészeti Múzeum Évkönyve* 12 (1969) [1970] 227–236.
82. Mustafa Cezar: Osmanli tarihinde Levendler. (Levendek az oszmán-török történelemben.) (Ism.) *Bibliotheca Orientalis* 27 (1970). 401.
83. Les caracteristiques balkaniques de l'industrie d'art turque en Hongrie. In: *Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes.* Sofia 1971, 405–407.
84. Érdekes újabb művészeti kiadványok Isztambulban – magyar vonatkozásokkal. *Művészet* 12 (1971):5. 43–44.
85. A mohácsi csata jelenete oszmán-török ábrázolásban. *Művészet* 12 (1971):7. 3–7.
86. Vezéri sátor. *Múzeumi Magazin* 1971/3. 19.
87. Recent data of the turkish campaign of 1543. In: *Studia Turcica..* Ed. L. Ligeti. Budapest 1971, 161–168.
88. Rapport hongrois de la peinture de miniature turc-osmanli du XVIe siècle. In: *IVeme Congrès International d'Art Turc.* Aix-en-Provence 1971, 27.
89. Az „Egri Győzelmi Irat" miniatúrái. *Művészet* 13 (1972):4. 5–7.
90. Türk minyatürlerinde Macar tarihi. (Magyar történelem török miniatúrákon.) *Türkiyemiz* (Isztambul) 8 (1972) 2–11.
91. The Battle of Mohács in Turkish Miniatures of the Osmanli Period. *The New Hungarian Quarterly.* Vol. 13. No. 48. 1972. 201–204+2 kép.
92. Hungarian historical scenes recorded in turkish cronicle illustrations. *Acta OrientHung* 25 (1972) 475–492.
93. Adatok Eger török agyagművészetéhez. – Turkish Pottery at Eger. *EgriMÉ* 10 (1972) 191–202. I–XII. t.
94. Török krónikák és miniatúrák magyar vonatkozásai. – Die ungarischen Beziehungen der türkischen Chroniken und deren Miniaturenschmuck. *FolHist* 1 (1972) 11–22. 1-5. kép.
95. Türk minyatürlerinde Macar tarihi, II. *Türkiyemiz* 10 (1973) 11–18.
96. Macar tarihine ait XVI. yüzyıl Türk minyatürleri. In: *VII. Turk Tarih*

Kongresi, Ankara 1970. Kongreye sunulan Bildiriler. II. Cilt. Ankara 1973, 708–710.

97. *Isztambul és környéke.* Budapest 1973. 194 p. 2. kiad. Budapest, 212 p. 3. átdolgozott kiad. Budapest 1982. 264 p.
98. A hettita kutatás újabb monográfiája Törökországban. *Művészet* 15 (1974):3. 45–46.
99. A mohácsi vész török krónikák miniatúráiban. *Móra Ifjúsági Évkönyv* 1974, 141–147.
100. Türk kavimlerin Macaristan'daki arkeoloji hatıraları. (Török népek magyarországi régészeti hagyatéka.) *Türkiyemiz* 12 (1974) 4–11.
101. Az 1543. évi hadjárat XVI. századi forrása: Matrakcsi Nászuh krónikája. *Történelmi Szemle* 16 (1973) 148–150.
102. Türk vekayınâmelerinde Szigetvár. (Szigetvár török krónikákban.) *Türkiyemiz* 13 (1974) 10–14.
103. Macar Millî Müzesinde bir Osmanli kaftan. (Oszmán kaftán a Magyar Nemzeti Múzeumban.) *Türkiyemiz* 14 (1974) 22–25.
104. Hungarian History in Islamic Miniature painting. In: *The Muslim East. Studies of Honour of Julius Germanus.* Ed. Gy. Káldy-Nagy. Budapest 1974, 175–184. I–XIII. t.
105. Macaristan'da Türk mimarî anitlari. (Magyarország török építészeti emlékei.) *Türkiyemiz* 15 (1975) 7–13.
106. *A magyar történelem XVI. századi török ábrázolásai.* Budapest 1975. 14 p. Kandidátusi értekezés tézisei.
107. *A magyar történelem XVI. századi török ábrázolásai.* Budapest 1975. 305 p. I–CXIII. t. Kandidátusi értekezés. Kézirat.
108. *Török kori iparművészeti alkotások.* Budapest 1975. Magyar Helikon–Corvina. 36 p. 6 színes, 74 fekete-fehér kép.
109. *Craftmanship in turkish-ruled Hungary.* Budapest 1975. Magyar Helikon–Corvina Press. 39 p. 6 színes, 74 fekete-fehér kép.
110. *L'artisanat sous la domination Ottomane en Hongrie.* Budapest 1975. Magyar Helikon–Corvina. 37 p. 6 színes, 74 fekete-fehér kép.
111. *Türkisches und balkanisches Kunsthandwerk in Ungarn.* Budapest 1975. Magyar Helikon–Corvina. 40 p. 6 színes, 74 fekete-fehér kép.
112. *Török miniatúrák a magyarországi hódoltság korából.* Budapest 1975. Corvina–Magyar Helikon. 105 p. I–LI. t. (2. kiadás: 1978.)
113. Macaristan'in arkeolojik eserindeki Türkçe bir yazıtta Türk masal hatıraları. (Török mese-motívum magyarországi régészeti emlék török feliratán.) In: *I^st International Congress of Turkish Folklore,* vol. II. Ankara 1976, 45–49.

114. Fifth International Congress on Turkish Arts in Budapest. *The New Hungarian Quarterly*. 17. 62. (1976) 121–123.
115. Mohaç savaşının yayinlanmamış bir minyatürü. (A mohácsi csata közöletlen miniatúrája.) *Türkiyemiz* 18 (1976) 15–16.
116. Türk çömlekçilik ve bakırcılığının Macaristan'da kalmış hatıraları. (Török agyag- és rézművesség magyarországi emlékei.) *Türkiyemiz* 19 (1976) 24–28.
117. Les rapport avec la Hongrie des miniatures Ottomane-turques du XVIe siècle. In: *IVeme Congrès International d'Art Turc. Études historiques, vol. 3.* Aix-en-Provence 1976, 89–90.
118. *Türkische Miniaturen aus den Chroniken der ungarischen Feldzüge.* Corvina–Magyar Helikon. Budapest 1976. 142 p.
119. Fifth International Congress of Turkish Art. *Acta OrientHung* 30 (1976) 369–371.
120. Macaristan'in Türk devrinden kalma (Magyarország török kori mohamedán vallási emlékei.) *Çağri* 21 (1977):229. 16–20.
121. Macaristan'daki Türk eserleri. (Magyarországi török műalkotások.) *Gündem* 1977. 111. 8. 4–5.
122. A magyar történelem XVI. századi török ábrázolásai. *Székesfehérvár Évszázadai* 3 (1978) 49–76.
123. *Török miniatúrák a magyarországi hódoltság korából.* 2. kiad. Corvina–Magyar Helikon. Budapest 1978. 140. p.
124. *Turkish Miniatures from the Period of Hungary's Turkish Occupation.* Corvina Press–Magyar Helikon. Budapest 1978. 140 p.
125. *Miniatures Turques de Chronques sur le Campagnes de Hongrie.* Libraire Gründ. Paris 1978. 143 p.
126. *Türkische Miniaturen aus den Chroniken der ungarischen Feldzüge.* Gustav Kiepenhauer Verlag. Leipzig und Weimar 1978. 142 p.
127. *Türkische Miniaturen aus den Chroniken der ungarischen Feldzüge.* Emil Vollmer Verlag. Wiesbaden. é n. 142 p.
128. *Fifth International Congress of Turkish Art.* Ed. by G. Fehér. Budapest 1978. 943 p.
129. In memoriam Ivan Stchoukine 1886–1975. In: *Fifth International Congress of Turkish Art.* Ed. G. Fehér. Budapest 1978. 25–29, bibliográfiával.
130. [A magyar történelem XVI. századi török ábrázolásai c. kandidátusi vitában Fehér Géza válasza.] *Művészettörténeti Értesítő* 28 (1979) 65–72.
131. *Турецкие миниатюры времени покорения Венгрии.* Будапешт

1980. Corvina–Magyar Helikon.

132. Réflexions sur l'authenticité iconographique des illustrations des chroniques Ottomanes. *Orientalni Institut u Sarajevu* 30 (1980) 139–144.
133. Поуки от изследвания на сваржяни с Унгария. Археологически находки от турски происход в България. In: *Българо-унгарски културни взаимоотношения.* София 1980, 251-254.
134. Bulgáriai tanulságok török régiségeink kutatásánál. In: *Tanulmányok a bolgár-magyar kapcsolatok köréből.* Szerk. Cs. Dobrev - Juhász P. - P. Mijatev. Budapest 1981, 393–401. (2. kiadás: 1983.)
135. *A magyar történelem oszmán-török ábrázolásokban.* Budapest 1982. 250 p. Akadémiai Kiadó.
136. Macaristanda Türk etnografya ve folklor konularina bağlı bazı araştırma ve davalar. In: *II. Milletlerarasi Türk Folklor Kongresi Bildirileri I.* Ankara 1982, 99–104.
137. Aus den 16. Jahrhundert stammende türkische Darstellungen der ungarischen Geschichte. Bemerkungen zur Forschung der osmanischen Malerei. In: Martin Luther Universität. Halle–Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge 1982/22 /1 16. – *„Mittelalterliche Malerei in Orient".* Halle Saale 1982. 11–80.
138. Questions iconographiques de miniatures ottomanes des chroniques sur les campagnes de Hongrie. *Tarih Enstitüsü Dergisi* 12 (1982) 937–940. (Prof. Tayyib Gökbilgin Hatira Sayisi.)
139. Osmanli minyatürlerin tarihi kaynak değeri ve önümüzdeki davalar. In: *Studia Turcologica Memoriae Alexii Bombaci Dicata.* Istituto Universitario Orientale. Seminario di Studi Asiatici. Series Minor 19. Napoli 1982, 181–185.
140. Les miniatures de Babur-Name. Corvina. Tachkent–Budapest 1979. (Ism.) *Acta Historiae Artium* 28 (1982) 211–213.
141. Die Türken vor Wien. In: *Europa und die Entscheidung an der Donau 1683.* Ausstellungskatalog.. Wien 1983, 341–343. Katal. No. 25/1–16.
142. Die Burg Wien auf einer türkischen Miniatur aus dem 16. Jahrhundert. In: *„Habsburgisch-Osmanischen Beziehungen".* CIEPO Colloquium. Wien 1984. 29–34.
143. XVI. yüzyıldan kalma süslü bir Osmanlı derı kaftanı. (XVI. századi díszes oszmán bőrkaftán.) In: *IX. Türk Tarih Kongresi.* Ankara 1984.
144. Macaristan'in Türk halilari hakkinda notlar. (Megjegyzések magyarországi török szőnyegekről.). In: *I. Nemzetközi Szőnyeg Kon-*

gresszus.. Isztambul 1984.

145. Osmanli Hükümdar Alamctlerinden: Tuğ. (Oszmán uralkodók lófarkas hatalmi jelvénye.) In: *CIEPO Konferencia*. Cambridge 1984.
146. Török miniatúrák. In: *Török hadak Magyarországon (1526–1566)*. Összeállította: Kiss Gábor. Budapest 1984, 7–9, 42. kép.
147. Turkish Rugs. In: *International Congress in Istanbul*. Interpress Expo. *Budapest* 1985/7. 5.
148. Türk Egemenliğinden Kalma Osmanli Terazı Tartılar Macaristan'da. – Osmanisch-türkische Gewichtsstücke in Ungarn. In: *II. International Congress on the History of Turkish-Islamic Science and Technologie*. Istanbul 1986, 211–222.
149. Osmanli minyatürlerle ilgili notlar. (Megjegyzések oszmán miniatúrákról.) In: *X. Türk Tarih Kongresi*. Ankara 1986, 76.
150. Die Quellenswert der türkischen Chronikenillustrationen für die ungarische Geschichte. In: *Ars Turcica*. Akten des VI. Internationalen Kongresses für türkische Kunst, 1. Editio Maris. München 1987, 36–41.
151. Magyar tárgyú oszmán-török krónikaillusztrációk. – The Miniatures of Ottoman Turkish Chronicles from the Period of Hungary's Turkish Occupation. *Rivista degli studi orientali* V. 59/1–4. (1985) (Ugo Monneret de Villard-emlékkönyv.). Róma 1987, 95–98.
152. *Isztambul*. Budapest 1987. 203. p. Panoráma Kiadó. (2. bővített kiad. Budapest 1990. 204. p.)
153. Fehervári Géza: Az iszlám művészete. (Ism.) *Le Livre Hongrois; Books of Hungary: Bücher aus Ungarn* 4/88. Budapest 1988.
154. Osmanli çömlekriligin Macaristan'daki hatiralari hakkinda notlar. (Megjegyzések a magyarországi oszmán agyagművességi emlékekhez.) In: *First International Congress on Turkish Tiles and Ceramics*. Kütahya, 1986. VII. 6–11. Istanbul 1989, 105–112.
155. „Tûğ-i Hümayun", az oszmán szultáni hatalmi jelvény. – "Tûğ-i Hümayun", the Ottoman Sultanic Symbol of Authority. *Keletkutatás* 1990. ősz. 22–38, 137.
156. Két oszmán-török kőfelirat a Magyar Nemzeti Múzeumban. – Deux inscriptions turques sur pierres commemoratives au Musée National Hongrois. *FolArch* 41 (1990) 193–198.
157. Macaristan'da Türk Kuyumculuk Yadigărlar. (Magyarországi török ötvösemlékek.) In: *9. Milletlerarasi Türk Sanatlari Kongresi – 9th International Congress of Turkish Art*. Bildiri Ozetleri – Summary of

Contributions. Istambul 1991. p. 76.

158. Quelques mots sur les antiquités Ottomanes en Hongrie. In: *7th Congress of Turkish Arts.* Warsowie. 1991. 109–110.
159. *Macaristan'in Osmanli Sanat Eserleri.* (Magyarország oszmán művészeti emlékei.) (Fordította: Dr. Yaşar Yücel.) In: *Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu.* Türk Tarih Kurumu Yayınları. VI. Dizi - Sa 44. Ankara 1991. 80 p.
160. Oszmán-török mérlegsúlyok. – Ottoman-Turkish Okka Weights. *ComArchHung* 1993, 231–247.
161. Beköszöntő. *Török Füzetek* 1 (1993):1. 1.
162. A magyar tárgyú oszmán-török krónikaillusztrációkról. *Török Füzetek* (1993):3. 11–12.
163. A Magyar Nemzeti Múzeum török bőrműves remeke. *Török Füzetek* 2 (1994):2. 4–6.
164. Török sátor. *Török Füzetek* 2 (1994):2. 7–8.
165. Macar Millî Müzesinde Bir Türk Şaheseri: 16. yüzyıla ait Deri Kaftan. (Török bőrműves remek a Magyar Nemzeti Múzeumban.) *Kültür ve Sanat.* (Ankara) 13 (1994) 56–67.
166. Macaristan'da Osmanli Çömlekçiliğin ve Bakırcılığın hatıraları. (Magyarország oszmán agyag- és rézművességi emlékei.) *Kültür ve Sanat.* 15 (1994) 30–31.
167. Macaristan'da Hunlar, Avarlar, Kumanlar. (Hunok, avarok, kunok Magyarországon.) *Kültür ve Sanat.* 25 (1995) 12–14.
168. Macaristan'da Türk kuyumculuk yadigârları. 16.-17. yüzyılların eserleri. (Török ötvösemlékek Magyarországon. 16.–17. századi emlékek.) In: *9. Milletlerarasi Türk Sanatlari Kongresi. – 9th Internatonal Congress of Turkish Art.* Bildiriler – Proceedings. Cilt Vol. II. Ankara 1995, 129–132.
169. Balkáni és oszmán ötvösség. – Balkan and Ottoman art of jewellery. I. rész: ezüstcsészék. Part I: silver cups. *Keletkutatás* 1995. ősz. 81–101.
170. Törökországi niellódíszes örmény ötvösmű a Magyar Nemzeti Múzeumban. – Armenische Goldschmiedenarbeit mit Nielloverzierung aus der Türkei im Ungarischen Nationalmuseum. *FolArch* 45 (1996) 225–239.
171. Isztambuli emlékeink. *Török Füzetek* 4 (1996):3. 7.
172. Az egri vár oszmán-török ötvösremeke. *Török Füzetek* 6 (1998):2. 7.
173. Oszmán sátorművészet. *Török Füzetek* 7 (1999):1. 6.
174. Emlékezés idősebb Fehér Gézára. *Török Füzetek* 7 (1999):3. 5.

175. Balkáni és oszmán ötvösség II. rész: a Magyar Nemzeti Múzeum írókészlete. – The Balkan and Ottoman art of juwellery. Part II: The ink-pot and pen-box set in the Hungarian National Museum. *Keletkutatás*, 1996. ősz–2002. tavasz. 103–127.
176. A zsitvatoroki békeszerződés különös jelenete. (Kralovánszky Alán jeles középkori régészünk emlékére.) *Török Füzetek* 11 (2003):1. 3–4.

Иштван Фодор
Дмитрий Васильев

Сокращения названий периодических изданий:

ActaOrientHung	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest)
ArchÉrt	Archaeologiai Értesítő (Budapest)
ComArchHung	Communicationes Archaeologicae Hungariae (Budapest)
EgriMÉ	Az Egri Múzeum Évkönyve (Eger)
FolArch	Folia Archaeologica (Budapest)
FolHist	Folia Historica (Budapest)
JPMÉ	A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve (Pécs)

Научное издание

Бюллетень Общества востоковедов
Выпуск 13

HUNGARO – RUSSICA III:
История и культура Евразийской степи.
3-й Сборник статей российских и венгерских востоковедов

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 17.08.2008. Подписано к печати 27.08.2008.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 10.5. Уч.-изд. л. 11.
Тираж 300 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Заведующий отделом И.В. Зайцев

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
ISBN 978-5-89282-359-3
9 785892 823593